K/X

LE MESSAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

128

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 128 TRIMESTRIEL I, II – 1979

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

1/IV
6.09

GER

ИК

ИАНСКОГО

Я

128

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001482

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 128 TRIMESTRIEL I, II – 1979

Михаил БЕРНШТАМ

СТОРОНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917-1922 гг.*

(Проблематика, методология, статистика)

Свыше 20 лет назад вышел в США коллективный сборник статей под редакцией Лео Яроша «Переписывание русской истории».[1] На конкретном материале авторы показали, как по важнейшим проблемам истории России и СССР несколько раз советская историография меняла методы и интерпретации. Но ни этот сборник, ни многие другие историографические труды не показали нечто более важное. Именно — за время существования советской историографии искусственно созданы огромные исторические лакуны, и важнейшие события и процессы просто выпали из истории. Нам кажется, что извращение понимания того, что произошло с человечеством, связано не с искажениями в исторической науке, а с провалами и пустотами в ней.

Парадокс современного состояния исторической науки заключается, на наш взгляд, в том, что на Западе историческая и политическая наука, не ограниченная, казалось бы, обязательными концепциями, оказывается вторичной по отношению к советской науке об истории СССР, не открывает проблем, замолчанных советскими авторами. Затем, подобно советской историографии, западная политическая наука рассматривает события в СССР исключительно через призму истории единственной политической группы — КПСС и ее руководства или, в лучшем случае, через призму истории трех русских социалистических партий — большевиков, социал-демократов и социалистов-революционеров, а также — сращенно с этим — через призму истории институций. В конечном счете, на этой основе так или иначе воспроизводится вся логика советского исторического мышления, проходят те же события и те же персонажи, что и в советских работах, — отличаются разве что оценки.

Приведём характерный пример, показав, что случилось с развитием концепции в исследовании, по праву являющемся одним

* Глава из готовящегося к печати исследования о демографической революции в России.

из самых авторитетных как в западной науке, так и в свободомыслящих кругах СССР. Речь идёт о фундаментальной работе профессора Р. Конквеста «Большой террор».[2] Анализируя огромный фактический и документальный материал, автор описывает, в конечном счёте, борьбу за власть одного советского вождя против его политических конкурентов и противников, вылившуюся в репрессии этого вождя против работников партийно-государственного аппарата.

Самая обыкновенная историческая диктатура, существовавшая, по мнению Р. Конквеста, в СССР, породила единовластие вождя. Последнее, в свою очередь, прикрыло борьбу за первенство массовым террором, каковой якобы находится в противоречии с идеологией марксизма.

Будучи связан этой идеологией, вождь вынужден спрятать личные амбиции, личные мотивы устранения соперников и потенциальных противников единоличной власти под серией политических провокаций (тщательно разработанное убийство конкурента из-за угла и т. д.), а затем под кампанией массового террора. Индивид Сталин хотел убрать индивида Зиновьева и для этого устроил перманентные чистки, убирая всех членов старого состава Центрального Комитета партии.[3]

О социализме как экономическом и социальном строе, при котором все эти события происходили, — Р. Конквест даже не упоминает. Нет ничего и об уничтожении миллионов крестьян именно в месяцы «великих чисток».

Сюжет о том, что уничтожение масс является прикрытием политического или даже уголовного убийства по личным мотивам, мы уже встречали в английской литературе до Р. Конквеста — в новелле Честертона. В самом СССР этот сюжет объяснялся самими персонажами Р. Конквеста пословицей: «Лес рубят — щепки летят». Показательно, что Р. Конквест в конечном счёте воспроизвёл именно эту концепцию тех лет.

Таким образом, из книги о большом терроре выпал — сам большой террор, выпал собственно предмет исследования. За 98 погибшими членами ЦК ВКП(б) и за примерно 800 000 погибшими партийцами потерялись около 16-17 миллионов «щепок», потерялось то, о чём говорил даже Н. С. Хрущёв в «секретной речи» на XX съезде КПСС: была спущена на места «развёрстка» (catching up в английских переводах) на арест до 10% населения.[4]

В итоге на страницах глубоко гуманистической и антитоталитарной книги не нашлось соответствующего места для соб-

ственно истории народа и утрачена сущность уникального противостояния социализма и человечества.

Наши замечания адресованы не персонально Р. Конквесту и не специально его полезному, обогащающему в чём-то науку исследованию. Мы говорим здесь в целом о стержневой тенденции единой мировой политической науки, и советской и западной. Она едина потому, что в ней главное содержание истории — история народа, история страны как нации, — составляет зияющую лакуну.

Хочется сказать, что за трагедией Владимира Ильича, или Льва Давидовича, или Николая Ивановича, — просмотрели трагадию Ивана Денисовича.

Вместо истории страны — история правящей партии и институций, и по мере развития политической науки несколько сдвигаются отлева лишь интерпретации, и только ими зачастую западные учёные отличаются от советских, а подход к предмету, проблематика и политическая аналитическая методология — одинаковые.

К тому же многие специалисты вообще выносят за скобки, что сама страна и сам народ, их традиции во всём и виноваты. Выходит, что Иван Денисович и старуха Матрёна убили Льва Давидовича и Николая Ивановича и построили себе коммунизм. Опыт изучения западной литературы показывает нам, что мы не упрощаем и не утрируем. Именно к таким нехитрым выводам сводятся многие вполне фундаментальные и по технике исполнения вполне научные труды.

Общий взгляд на историческую науку обнаруживает ее странное состояние. Отдаленное во времени и расстоянии даосистское (таоистское) восстание в древнем Китае, так называемых «краснобровых», обширно известно специалистам. Более или менее пространно собрано и изучено все, относящееся к крестьянскому восстанию Древнего Египта 1750 года до Рождества Христова. Бесчисленна литература о восстании Спартака. Ближе к нам по времени — Жакерия, восстание Уота Тайлера, выступление чомпи, восстание Дольчино, крестьянская война в Германии, движение таборитов — все мы знаем о них до деталей.

То же и по истории старой России. Все даже мелкие бунты пространно описаны, в том числе в официальной советской историографии. Даже по рабочему движению России, которого практически не было, поскольку почти не было рабочего класса, — издано многотомное собрание документов.

И только народное сопротивление последних шести десятилетий лежит в забытьи и никто почти не знает, было ли оно вообще.

Ни с одной исторической эпохой, с судьбой ни одного народа — не случалось, наверное, ничего подобного.

Действительная история народов России коммунистического периода известна и понятна бесчисленно меньше, чем древнейший Ур или античный Пелопонесс. Мы знаем все, кроме современности и стержня нынешней жизни.

Когда появилось несколько трудов о Тамбовском восстании 1918-1921 годов и о Кронштадтском восстании 1921 года, даже эти события были осмыслены как отдельные вспышки. История всеобщего сопротивления России коммунизму все равно осталась невидной. «Архипелаг ГУЛаг» А. И. Солженицына показал, что еще не выполнена была первоначальная задача археологии новейшей истории. В «Узлах» своей эпопеи о революции на территории России А. И. Солженицын, между прочим, решает задачу археографии новейшей истории. Без этой археологии и археографии А. И. Солженицына историческая наука просто не имеет опор. Но сама она, эта наука, не сделала пока ни единого шага в главном направлении.

Проблема истории русского народа, народных движений СССР и уникальной сущности коммунистического режима, оказавшегося на территории бывшей Российской империи, даже правильно не поставлена.

Никак не написана, и даже не начата, систематическая история, единственная в мире история многодесятилетнего сопротивления, — история многочисленных, непрерывных и повсеместных крестьянских и рабочих восстаний в России с 1917 года и долго дальше.

По-настоящему не исследовано грандиозное восстание рабочих Ижевского и Воткинского заводов летом и осенью 1918 года, когда против коммунизма сражалась Народная армия из 70 000 человек при поддержке 700 000-800 000 населения.[5] Нет существенной литературы про героический Ярославль, противостоявший летом 1918 года коммунистическому режиму и раздавленный артиллерией, авиацией, динамитными бомбами и химическими снарядами.[6]

Ничего про победившую (!) крестьянскую войну казачьего Дона в 1918-1919 годах — про единственное в XX веке победившее чисто крестьянское восстание.[7] Ничего про тысячи крестьянских восстаний всей России первых лет коммунистического режи-

ма [8], которые, по словам В. И. Ленина, «определяли всю картину России» [9] и которые, по его же документам, чуть было не свергли начисто коммунистическую власть. [10]

В одном из выявленных нами архивных документов содержится примечательный призыв раннего коммунистического прокурора о необходимости по стране «пройти Карфагеном». [11]

Но сам коммунизм чуть не обвалился в 1921 году, и не только из-за Кронштадтского восстания, но из-за повсеместного вспыха всей России [12], и лишь напряжение всех сил власти, затем ее экономическое отступление ее спасло. Социализм не рухнул, оккупационный режим утвердился, но первая попытка завоевания страны и постройки с налету коммунизма, а главное — попытка использовать эту страну в качестве тыла и базы для мировой революции, — все это начисто провалилось. Позволю себе высказать предположение, что коммунизм мог победить в мире только блицкригом, и провал этого блицкрига, и террористическое застревание и увязание коммунизма в России означало, на мой взгляд, всемирно-историческое поражение коммунизма как универсальной силы истории.

Сейчас опубликован в 120 номере «Вестника русского христианского движения» фрагмент, в котором мы показываем, что все попытки наступления коммунизма по всему фронту в мире постоянно напарывались на синхронные им взрывы народного сопротивления в России, вызванные внутренними причинами, вызванные именно стремлением режима укрепить базу коммунизма в завоеванной России. И так рушились планы всемирных завоеваний. Совершенно не нашла себе места в литературе невиданная по масштабам крестьянская война Дона, Кубани, Северного Кавказа, Сибири, Урала, Украины 1927-1933 годов, война, продолжавшаяся свыше шести лет, разрозненная, многонациональная, с сотнями тысяч жертв, — раздавленная только в сражениях с регулярной армией, много большей, чем гитлеровская армия на территории оккупированной Франции.[13]

Не исследовано многолетнее повстанческое сопротивление Украины и Прибалтики 1944-1950 годов [14], сорвавшее известные планы завоевания Европы, тем более осуществимые, что европейские коммунисты и левые совершенно откровенно готовили удар в спину западным странам.[15]

Наконец-то появился материал, в III томе «Архипелага ГУЛаг» А. И. Солженицына, о волне лагерных восстаний в начале 1950 годов.[16] Очень важно, что эти восстания не только разрушили лагерную систему, но и само наличие гигантского и сопротивляющегося Архипелага сковало руки режиму во время его намечавшихся попыток снова ударить в тот период по Западу.

И последующая ситуация, и ряд восстаний и забастовок 1950-х-1970-х годов (1959 — Темиртау, 1962 — Новочеркасск, 1967 — Иркутск и Воркута, 1971 — Муром и т. д.), и разрастание индивидуального и группового сопротивления последних лет, так называемого диссидентства, — все это, на наш взгляд, было и остается единственной в мире наиболее реальной силой, сдерживающей агрессивные устремления режима победившего социализма, режима коммунизма, нашедшего в своей победе в ЭТОЙ стране свое всемирное поражение.

Максу Веберу, с одной стороны, Карлу Виттфогелю, с другой, принадлежит заслуга описания патримониального строя, или восточного деспотизма, или, как говорят марксисты, азиатского способа производства, или, как часто говорят сейчас в французской и американской школе, этатизма и тоталитаризма.

Самое главное, что это, по-разному названное, но по существу единое, явление описано как — универсальная сила в истории. Это восточная социальная система, которая уже в древности через эллинизм разложила классическую цивилизацию и втянула ее в тоталитарный мир, но христианство спасло и обновило мир, а потом произошло чудо. Подобно тому, как Христос взял за руку полуграмотных еврейских рыбаков, плотников и мытарей и сделал их учителями человечества, — точно так же христианство взяло за руку азиатских завоевателей — кочевников, безграмотных бандитов, и сделало их творцами классической западной цивилизации.

Но внутренний кризис этой цивилизации привел ее к отвлеченному от духа социальному строительству, экономическому росту, городской культуре, и к появлению человека нового типа — человека, свободного от ответственности, автономного от Бога. Свобода, понятая как автономия воли, привела европейскую цивилизацию через гуманизм и эгоцентризм, через индивидуализм и эгоизм, к прагматизму и волюнтаризму. Через волюнтаристский произвол — к втягиванию в новый тоталитаризм и к новому впрыгиванию Запада в Восток. Автономный человек и единосущная ему цивилизация в поисках социального равновесия логически пришли к гармонии чисто социального толка, то есть к социализму. Городская цивилизация через капитализм пришла в XIX веке к государственному социализму прусского, германского и отчасти французского образца.

Есть, нам кажется, истина в известных положениях К. Виттфогеля[17] и И. Р. Шафаревича[18], что современный коммунизм воспроизводит старый восточный деспотизм, а непосредственно вытекает из европейского утопизма. Впрочем, так понимали и сами классики коммунизма, особенно К. Маркс.[19]

Но коммунизм и социализм XX века, советский, германско-нацистский, фашистский, китайский и т. д. сводится не только к социальной структуре, которая, действительно, воспроизводит азиатский строй и утопические социумы.

Эта социальная структура, — довлеет при коммунизме, но не она составляет его существо. В концепциях общего тоталитаризма утеряно главное — уникальность коммунизма в истории как второй универсальной силы в истории. Эта вторая сила — только наслаивается в истории на азиатско-тоталитарный универсум, делает его подсобным себе. Сущность же коммунизма не азиатская, а европейская. Уникальность его в том, что он, вслед за европейской цивилизацией, продолжает создавать нового человека и новое человечество. Но выведя этот эксперимент на человеке в социальную сферу, коммунизм созидает новое человечество через общество нового типа, равное старому восточному социализму, то есть коммунизм производит универсальный исторический синтез всей истории Запада и Востока.

Европейский автономный человек строил свою цивилизацию по своему образу и подобию. Произвольное навязывание себя естественному мирозданию привело к перевороту этих отношений, и вот уже всемирная социально-политическо-идеологическая организация тотального типа строит новое человечество по своему образу и подобию.

То есть коммунизм — это не социальное, как восточный социализм, а БИОЛОГИЧЕСКОЕ явление, реформация человеческой природы, переделка человечества, создание новой расы, отличной от Гомо сапиенс.

Коммунизм как стратегическая биологическая установка непосредственно родился, пожалуй, из французского рационализма, из понятия естественного человека, из устремлений создавать человека и общество на основе разума. «Естественные люди Руссо, — по гениальному определению Г. Д. Мейна, — это такие же дети лавочного мира, как и герои Теккерея, и поставленные в естественные условия, эти люди предстают в своем естественном виде, — то есть это грубые негодяи». В общем, это та самая пролетарская демократия, которую коммунизм подобрал с социальных низов европейского общества и которая совершила Октябрьскую революцию в России, поход на Рим и национальную революцию в Германии.

И в целом, из таких людей, а вовсе не из послушных винтиков, намерился коммунизм создавать свою новую биологическую расу, новое человечество. По определению К. Маркса, коммунизм наконец освобождает человека от отчуждения, от автономии, переформирует его в идеальную тотальность и создает высший социальный гуманизм в виде натурализма.[21]

Иначе говоря, до коммунизма человек освободил себя от Бога, впал в автономное отчуждение, а теперь коммунизм освобождает человека от человеческой природы, производит бестиализацию. Биологическая революция коммунизма и есть, как видится, то самое Царство Зверя, о котором пророчено в Откровении Иоанна Богослова.

Не удавшись во Франции, коммунизм развился на базе германского государственного социализма. В отличие от всех предыдущих и последующих политических движений, коммунизм как вторая универсальная сила истории нес с собой стратегическую целевую установку. Впервые в мире сформировалась глобальная целеполагающая политическая стратегия, рассчитанная на работу в течение целых столетий. Стратегия коммунизма всесильна потому, что всегда всякая политическая конъюнктура бессильна перед политической стратегией, а нравственных оснований, чтобы противопоставить их коммунизму, у западной государственности — нет.

Коммунистическая стратегия, как правильно отметил Ф. Энгельс, собиралась осуществить свой массовый социальный эксперимент на базе государственного социализма в странах Азии, на базе восточного готового тоталитаризма, на «платформе первобытного коммунизма на Яве и в Индии», который «должен получить дальнейшее развитие», должен быть «встряхнут стихией современного, настоящего коммунизма».[22]

Соединение тысячелетних традиций восточного тоталитаризма с современным коммунистическим движением, при использовании достижений индустриальной цивилизации Запада, при руководящем имперском центре в Германии, — все это вместе должно было обеспечить коммунизму необратимую всемирную победу. Но Drang nach Osten коммунизма на тоталитарно-социалистический Восток мешала оказавшаяся на дороге православная Россия. Без ее уничтожения, по мысли К. Маркса и Ф.

Энгельса, невозможна была мировая коммунистическая революция, и поэтому следовало объявить войну всемирного социализма против России вплоть до ее уничтожения. [23]

Так и было сделано совместными усилиями государственного социализма Германской империи и интернациональной левой.

Но, напоровшись на всенародное сопротивление России, коммунизм застрял в ней и не смог одним ударом, блицкригом выполнить свою всемирно-историческую миссию.

Коммунистическо-социалистическое движение в Европе и в мире распалось на национальные варианты, вызвало к жизни фашизм и нацизм. Советский коммунизм и эти варианты социализма то помогали друг другу, то воевали между собой за гегемонию, и очень медленно расползлись по Азии и Африке, тоже в виде национал-социализмов.

Не смогши создать себе в России необходимый тыл для глобального наступления по всему фронту, коммунизм истратил себя на террор против российского населения, против Ивана Денисовича и бабки Матрены и увяз в их крови.

Победа коммунизма на территории бывшей Российской империи обернулась, из-за сопротивления народа, началом агонии коммунизма. Коммунизм, как казалось бы при ином развороте событий, непобедимая и необратимая универсальная сила биологической перестройки человечества, — разбился о сопротивление народов России и застрял на этой территории, в необходимости сосредоточить все свои силы только на том, чтобы давить этот народ. Россия оказалась в XX веке узлом всемирной истории, узлом всечеловеческой судьбы. А история народного сопротивления России — стала главным вектором этой судьбы, решающим фактором бытия человечества.

Но все эти проблемы столкновения коммунистического фронта и сопротивляющегося российского тыла совершенно не разобраны в литературе. Сквозь тысячи книг просеялось и провисло, что на этой земле установился враждебный всему народу оккупационный режим, никакое не национальное тоталитарное государство. Установился враждебный народу режим, поддержанный против него всем миром, поддержанный тем самым человечеством, которое этот режим планировал и планирует завоевать и подвергнуть социальной вивисекции, и давно бы это осуществил, если бы не то самое всенародное сопротивление России, никак не поддержанное народами и политиками других стран.

В общем, за исключением того, что сделано А. И. Солженицыным, и на Западе в нескольких локальных трудах [24], — не

написана история сопротивления всего народа огромной страны самой истребительной силе за всё существование людей. Не написана история сопротивления универсальной исторической силе, остановленной и скованной только этим сопротивлением. Не написана история сопротивления, спасшего биологическое бытие человечества как такового.

И без истории этого сопротивления нет правдивой истории XX века, да и всей всемирной, всеобщей, — главное, итоговое столкновение в ней — не понято и даже не замечено.

В 1976 году произошло значительное событие в американской историографии — вышла книга профессора Оливера Радки «Неизвестная гражданская война в Советской России: Исследование зелёного движения в Тамбовской губернии 1920-1921». В отличие от предыдущих книг О. Радки, имевших обширную прессу, эту новую его работу американская научная печать встретила почти полным молчанием. Наконец, к 1978 году появилась коротенькая, на одну страницу, рецензия другого крупного знатока вопроса, профессора Моше Левина. [25]

Диалог М. Левина о О. Радки может послужить плодотворной основой для следующих ниже историографических заметок.

Многочисленные работы Оливера Х. Радки — одно из самых значительных достижений западной науки о русской и советской истории. Исследование О. Радки об Учредительном Собрании 1917-1918 [26] по праву считается классическим. Автор, в частности, методом реконструкции отрывочных статистических данных, убедительно показал действительную расстановку политических, прежде всего партийных, сил в период выборов и разгона Учредительного Собрания. Если бы все события эпохи коммунистической революции сводились бы, как это бывает на Западе, к простому противоборству политических партий, если бы, иначе говоря, расстановка партий по их популярности и политическому влиянию отражала бы действительные силу и положение сторон в войне 1917-1918 годов, Радки дал бы нам полный геологический срез тогдашней России. Но та история была неадэкватна несостоявшемуся парламенту, и О. Радки это признавал и сам.

В книге «Серп под молотом» [27] О. Радки собрал очень много ценных материалов о политике большевиков в отношении крестьянства в начале революции. Реконструкции глубинного содержания экономической и социальной аграрной политики коммунизма от самых практических начал, от первых дней и часов, автору, на наш взгляд, создать не удалось. Он сосредоточил своё

внимание на политическом срезе, прежде всего на отношении партии большевиков, в которой якобы персонифицировался рабочий «молот», к партии социалистов-революционеров, в которой якобы персонифицировался крестьянский «серп». И этот партийный срез отношений О. Радки исследовал и полно, и, мы бы сказали, ювелирно. Содержательный анализ партийных отношений, особенно в плане партийных программ, О. Радки дал ещё в одной книге — специальном исследовании о партии социалистов-революционеров «Аграрные противники большевизма». [28]

Разумеется, многие американские специалисты давно уже не отождествляют большевиков с «молотом», но потребность в целом отождествить и «молот», и «серп» с той или иной политической партией или, по крайней мере, с группой партий всё ещё господствует в американской и вообще западной науке, именуемой « Political Science ». Исследования другого крупного учёного по данной эпохе, профессора Леопольда Хеймсона [29], убедительно разбивают легенду о коммунистах как о рабочей партии. Но в итоге этих исследований обнаруживается, что русский рабочий класс, во всяком случае столичный, петроградский, весьма радикализировался во время Первой мировой войны, поддерживал достаточно левые политические силы, хотя и не самые крайние. В конечном счёте, по работам Л. Хеймсона, подлинным выразителем «молота» оказывается партия социал-демократов, меньшевики. И история партии меньшевиков и её внутренних группировок раскрыта Л. Хеймсоном и привлечёнными им сотрудниками с завидной полнотой. Особенно ценно, что Л. Хеймсон привлёк к многолетней работе большинство оказавшихся на Западе деятелей меньшевистской партии, которые написали работы, объединяющие и, по возможности, объективные исследования, и непосредственные свидетельства прямых участников событий. [30] В том числе были опубликованы ценные рукописи из архивов уже покойных социал-демократов. [31]

Нам представляется наиболее важной стороной этой группы публикаций освещение такого явления, как движение Собрания Уполномоченных фабрик и заводов России. [32] Вместе с тем, история этого движения представлена выжившими меньшевиками в противоречии с первоисточниками — документами движения. Создание непартийного по существу движения социал-демократы приписали своей партии. Отрицательное отношение руководства партии во главе с крайне левыми Ю. О. Мартовым, Ф. И. Даном и Р. А. Абрамовичем к движению в этих работах растворено. Меньшевикам приписывается даже руководство движением, против которого они на деле были. Излишнее доверие к собранным им и возбуждённым к жизни ценнейшим источникам ввело в заблуждение и самого Л. Хеймсона. Но главной причиной заблуждения стала, на наш взгляд, присущая политической науке вообще установка рассматривать историю через игру политических сил, групп и партий. Отождествление «молота» с какой-либо партией и привело к тому, что меньшевики предстают как выразители основных тенденций русского рабочего класса, а сам этот рабочий класс, его действительная позиция в годы войны и революции совершенно выпадают из поля зрения науки.

Иначе говоря, в основе научного заблуждения и, что важнее, в основе образования исторической лакуны на месте предмета исследования — лежит неверная методология.

Тем не менее, публикацией социал-демократических источников, произведённой Л. Хеймсоном, значительно обогащён базовый арсенал науки. Получены источники хотя и не по реальной истории событий, но зато по истории полнейшей политической дезориентации одной из ведущих партий в отношении событий. К тому же, продолжавшееся и в эмиграции непонимание меньшевиками подлинной позиции рабочего класса является важным дополнительным доказательством отсутствия действительной корреляции и вообще действительных прямых и обратных связей русского рабочего класса и интернационального социалистического движения. Прямым итогом публикаций Л. Хеймсона явилось то, что разбита легенда о коммунистическом настрое «молота», а косвенно — разрушается легенда о сколько-нибудь социалистическом его характере.

Сейчас в распоряжении науки имеются два важнейших документа, из которых явствует, что русский рабочий класс не был и не мог быть опорой никаких социалистических преобразований. Более того, оказывал последним самое решительное сопротивление с первых дней коммунистической революции, которая, кстати, в её социальном аспекте, и программно, и на практике (добровольчество в Красной Армии) поддерживалась социал-демократической партией меньшевиков.

Первый документ — опубликованные А. И. Солженицыным протоколы Собраний Уполномоченных — показывает целенаправленное мирное сопротивление рабочих Петрограда не только большевистской монопартийной диктатуре, но и основным социалистическим мероприятиям, прежде всего национализации хозяйства и обобществлению распределения. [33]

Второй документ — книга Генерального Штаба полковника Авенира Геннадиевича Ефимова, вобравшая многочисленные материалы о вооружённом сопротивлении кадрового русского рабочего класса Советской власти в 1918-1922 году, сопротивлении, начавшемся вооружённо тогда, когда мирное сопротивление первых месяцев было коммунистами, при молчаливом сочувствии социалистов, раздавлено. Основной материал книги посвящён восстанию рабочих Ижевского и Воткинского заводов. [34]

Кроме того, имеются опубликованные гораздо раньше документы, из которых явствует, что борьба ижевцев и воткинцев была логическим продолжением и движения Собрания Уполномоченных, и раннего повстанчества рабочих нескольких городов Поволжья, и что ряд организаторов и участников двух последних движений примкнули к Ижевско-Воткинскому восстанию. [35]

Даже из этих документов (а есть и множество других материалов) видно, что речь идёт не об отдельных и локальных вспышках, а о последовательном, длительном и сознательном всероссийском сопротивлении рабочего класса, по большей части с оружием в руках, интернациональному социализму во всех его формах и во всей его исторической целокупности.

И в дальнейших исследованиях соотношения сторон в социалистической революции легенду о рабочем классе как опоре социализма рано или поздно учёным придётся оставить. Зато проблема рабочего сопротивления социализму, встав перед исследователями, заставит отказаться от большинства схем исторического процесса. Совокупность так поставленных вопросов неизбежно выдвигает новые по частным аспектам. Мы хотели бы назвать ряд проблем, которые подлежат пересмотру и новому анализу.

Если в целом русский рабочий класс занимал антисоциалистическую позицию, то из каких социальных слоёв рекрутировались отряды Красной гвардии, численность и значение которых не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Кто были те рабочие, действительно рабочие, которые в ряде индустриальных центров (далеко не во всех) поддержали в течение нескольких первых недель Советы, рассматривая их, впрочем, как систему местного управления. Здесь надо не упустить, что Советы были ещё трёхпартийными и что зачастую на местах они выступали, как в Ижевске весной 1918, например, в качестве органов порядка, подавляющих экстремизм и экспроприационную политику Красной Гвардии. [36] Каково в целом статистическое соотношение активных и пассивных слоёв рабочего класса, какая часть

активных рабочих и почему и в какие периоды поддерживала и Советы, и отдельно коммунистов, какая часть активных рабочих сопротивлялась и каково и по каким причинам состояние пассивных, бездейственных, аполитичных и просто выжидавших слоёв рабочих.

Каково статистическое социальное соотношение и политическая позиция кадрового рабочего класса и люмпен-пролетариата.

Какова роль и позиция рабочих, прошедших армию.

Каково действительное участие рабочих в политике экономической продовольственной экспроприации крестьян, в том, что В. И. Ленин назвал «движением с пулемётами за хлебом». [37] Имеются данные, что рабочие Поволжья не только не приняли участия в этой политике, но и оказали ей сопротивление. [38] Вместе с тем многие продовольственные отряды состояли из индустриальных рабочих. Надо разобрать, из каких слоёв они рекрутировались и не была ли одной из причин, как полагали участники Собрания Уполномоченных, провокационная коммунистическая политика, манипулирование искусственным голодом, с тем, чтобы руками рабочих подавить крестьян [39], одновременно руками сельских батраков, организованных в отряды так называемой Крестьянской Красной Гвардии, подавить восстания рабочих в небольших городках Средней России. [40] Встаёт и вопрос о соотношении добровольчества и насильственной мобилизации в рабочей части Красной армии.

Надо, наконец, разобрать и состояние рабочих-социалистов и рабочих-коммунистов. Ведь многие рабочие-коммунисты понимали коммунизм далеко от его политики, пытались пройти через него в осуществлении профессиональной или национальной политики (на Украине, в казачьих областях, в Азии), а, разобравшись, принимали самое активное участие в антикоммунистических восстаниях, как в Ярославле. [41]

Нам представляется, что состояние источников и, в частности, статистики уже позволяет осветить эти и рядом лежащие проблемы. Однако, как мы пытались показать, этого невозможно достигнуть принятыми методами западной политической науки, пригодной для изучения политической борьбы в демократических странах, но не работающей на материале борьбы коммунизма против всего народа той или иной захваченной коммунизмом страны и на материале всенародного сопротивления до сих пор не понятому универсально феномену — интернациональному социализму.

Каждая наука конституируется постольку, поскольку имеет свою собственную аксиоматику. К аксиомам политической науки относятся прогресс, идущий от Ренессанса и Реформации через новое время в XX век, причём явственно идущий, в политическом спектре, справа налево. Другая аксиома — разделение всякого общества на классы и страты, политически концентрированные в партиях и лидерах, и соответственно отсутствие в исторической действительности таких целокупных комплексов, как народ и нация (вместо нации политическая наука рассматривает националистические движения, понятые как движения политические; как политические, рассматриваются и движения религиозные).

Наиболее распространённый метод исследования в политической науке — история через политические биографии (лица, группы, страта) и институции.

Политическая наука оперирует методами предельной дифференциации истории и естественно игнорирует, как лежащие за пределами науки, интегральные комплексы и универсальные исторические силы, в том числе и сам интернациональный социализм и примыкающий к нему интеллигентский либерализм.

Поэтому, в частности, до сих пор не показано, что самая политически активная сила русского общества революционных лет — интеллигенция, в массе своей, несмотря на внешнее, партийное, разногласие с коммунистами, внутри глубинных процессов истории, объективно, явилась одним из факторов победы коммунизма над народным сопротивлением России. Мы имеем в виду как активное действие интеллигенции, либеральных и левых партий и всей общественности, которые, по выражению В. М. Чернова, «взрывали белые фронты, и гордимся этим» [42], так и политическое бездействие интеллигенции, которая одна только и могла создать столь необходимое белым правительствам гражданское управление. Без гражданского управления белое движение не смогло стать социальным и экономическим объединителем нации против большевиков, хотя белое движение и поддерживали крестьяне Поволжья,[43] казаки Дона, Сибири и Урала,[44] рабочие Ижевска и Воткинска и других мест. [45] Но отрицательное отношение интеллигенции к белому движению, как и ко всем консервативным силам России, привело к тому, что так или иначе у большевиков гражданское управление было создано, а в большинстве занятых белыми областей — нет. Отсутствие необходимых специалистов, гражданских администраторов достаточного уровня, компетентных политических советников, экономистов, продовольственников и т. д. было естественной причиной того,

что необходимые реформы, прежде всего аграрная, не были белыми проведены, экстремистские элементы внутри движения не были устранены. В итоге образовался во многих случаях разрыв между руководством белых армий, сосредоточившемся, понятно, на военных вопросах и недостаточно компетентном в экономике, социальной и гражданской политике, и населением освобождённых от коммунизма областей. Такой же разрыв произошёл между белыми армиями и повстанческим рабочим и крестьянским антикоммунистическим сопротивлением, а в ряде мест, как в Черноморье и на Украине, даже военное противоборство белых и зелёных армий. [46]

Образовалось три силы вместо двух. Вместо коммунизма и противостоявшей ему единой России, образовались три разнонаправленные силы — белое движение, народное сопротивление большевикам и интернациональный социализм.

И каждое по отдельности, еще и борясь друг с другом, зелёное и белое движения оказались слабее интернационал-социализма. А то, что белое движение и народное повстанчество часто противоборствовали, особенно ослабило их и усилило коммунизм и было последним использовано.

Нам представляется, что это — одна из решающих причин поражения России в войне 1917-1922 против интернационального коммунизма.

Вопрос о трёх силах, вместо естественных двух, является ключевым для понимания событий 1917-1922 в России и соответственно, ввиду их определяющего влияния на судьбы всечеловеческой цивилизации, имеет всемирно-историческое значение.

Постановку этого вопроса в книге О. Радки о зелёном движении и в полемических заметках М. Левина мы поэтому считаем важным шагом в американской историографии.

Развивая свои исследования социалистическо-революционного движения, О. Радки, очевидно углубляясь в предмет, вышел за пределы узко-партийного среза истории. Наконец, вместо политической партии, претендовавшей быть крестьянской, анализу подверглось действительное крестьянство в его действительном историческом функционировании. Монография О. Радки о крестьянском восстании в Тамбовской губернии содержит 425 страниц текста и дополнительный аппарат. Многочисленные источники использованы почти исчерпывающе, и нам остаётся указать только один важный первоисточник, неизвестный О. Радки (из опубликованных до написания его работы), — протоколы 1 пар-

тийной конференции военных коммунистов в начале июля 1921 в Борисоглебске, в центре восставших районов. [47]

Расшифрованная стенограмма конференции показывает, что крестьянское восстание включало 18 хорошо вооружённых и организованных полков, с отчётливо выраженным политическим руководством беспартийного Крестьянского Союза, охватило не только три уезда, а большую часть Тамбовской губернии и «перекидывалось на смежные уезды Саратовской и Воронежской губерний» [48]. Нам удалось установить из дополнительных источников, оставшихся, в силу географической и методологической узости подхода, неизвестными О. Радки, что в 1921 году на соединение с армией А. С. Антонова двигались с Дона через Воронежскую губернию повстанческий отряд К. Т. Вакулина и из самой Воронежской губернии отряд Колесникова. [49] По протоколам конференции обнаруживается, что Тамбовский Крестьянский Союз располагал не двумя армиями, как принято было считать на основании статьи М. Н. Тухачевского [50], а тремя. [51]

Ряд формирований Красной армии или отдельные группы красноармейцев, а также милиция, переходили на сторону повстанцев или периодически снабжали их оружием. [52] Многие сотрудники советского аппарата были помощниками восставших, что засвидетельствовано в протоколе конференции в показаниях политрука одного из концлагерей, организованных для арестованных повстанцев. [53]

Другие советские материалы, не использованные О. Радки, подтверждают, что не только в тамбовских сражениях, но и во всех кампаниях войны 1918-1922 годов крестьянский состав Красной армии, попавший туда исключительно по насильственной мобилизации, переходил на сторону тех или иных повстанцев.[53]

Таким образом, существенно меняется перспектива нашего взгляда на зелёное и повстанческое движение, прежде всего значительно расширяется его объём во времени, в пространстве географическом, в пространстве социальном и, мы бы сказали, в пространстве историческом. Мы имеем в виду его историческое место и его исторический смысл.

Это третья сила, но не только. Во всяком случае, это такая третья сила, которая перекрывает другие две, захватывает многие их элементы, им в сущности не принадлежащие. В качестве третьей силы повстанчество выступает лишь в плане событийном (сражения и против красных, и против белых или, что чаще, самостоятельные действия не вместе с белыми против красных). В плане историческом, перекрывающем план политический, повстанчество имеет всенародный характер и не является третьей силой. Во всяком случае, его никак нельзя свести к простому осуществлению лево-центристских политических установок партий революционной демократии, каковые и называли себя «третьей силой». Последний аспект со всей силой выражен в негативной рецензии М. Левина на монографию О. Радки.

Собрав, введя в научный оборот и проанализировав огромный фактический материал, в том числе архивный, О. Радки, тем не менее, существенно локализировал, предельно сузил проблему Тамбовского восстания и вообще народного сопротивления социализму.

Разумеется, без определённого сужения задачи исследователь не мог произвести того основательного анализа огромного материала, какой встречаем в книге О. Радки. Но, к сожалению, локализация и сужение сместили само понимание проблемы. Во-первых, повстанчество в Тамбовской губернии приходилось не только на 1920-1921 годы и соответственно было вызвано не только особенным ужесточением коммунистической антикрестьянской политики, как получается в книге О. Радки. Даже использованные им самим источники, как изданный в Тамбове в 1957 году сборник коммунистических документов, [55] недвусмысленно показывают непрерывный поток народного сопротивления, перманентное повстанчество с самых первых дней 1918 года и последующие 5 лет насквозь. Соответственно, — и это принципиально важно, — сопротивление было направлено не против отдельных, особенных, временных мероприятий коммунистического режима, а против всех социалистических преобразований как таковых.

Крестьянское и рабочее, всенародное сопротивление в Тамбовской губернии было последовательно антисоциалистическим, независимо от тех или иных узких тактических лозунгов. Да, собственно, и сам лозунг «Советы без коммунистов» ошибочно понимать как социалистический, как лозунг «третьей силы», равно антикрасной и антибелой, антикоммунистической и антиконсервативной. Советы без коммунистов — это принципиально вовсе не те Советы вместе с коммунистами, в которые верили социал-демократы и отчасти социалисты-революционеры и другие демократические партии. «Советы без коммунистов» — это всё, что угодно, некие новые или старые муниципальные институты, восстановление земства, любые формы порядка на местах, но меньше всего Советская власть, меньше всего та или иная форма так

называемой «трудовой демократии», означающая политическое вмешательство политических сил в экономическую жизнь трудового народа. «Советы без коммунистов» — это тактика, направленная, если взглянуть исторически, не только против Октябрьской революции, но и против Февральской. Этот акцент важен для понимания не только Тамбовского восстания, но и Донского, Сибирского, Кронштадтского. Он показывает объективную направленность повстанчества против всей левой демократии, против всего 1917 года, начиная с февраля, направленность глубоко консервативную.

Характерно, что всё это отлично понимали социал-демократы меньшевики, и именно по этой причине были против повстанчества. Они-то как раз не верили в «третью силу», и в ряде документов обосновывали свою принципиальную поддержку коммунистов против трудового народа именно потому, что крестьянство и повстанчество «химически выделяет из себя» отнюдь не социалистов-революционеров (как видится О. Радки), а — консерваторов. [56]

Таким образом, во-вторых, О. Радки сузил и исказил политический смысл повстанчества. Некритически использовав книгу А. Казакова [57] и другие источники, О. Радки переоценил значение факта участия представителей партии эсеров, социалистов-революционеров в восстании. Факт участия эсеров, действовавших в войне 1917-1922 годов как третья сила, в восстании нельзя интерпретировать как вообще эсеровский, социалистическо-революционный характер восстания. Кроме того, главное в деятельности эсеров в годы войны 1917-1922 годов — их борьба с белыми, объективная помощь коммунистам, в том числе стремление эсеров переориентировать стихийное народное повстанчество налево, против белых. К тому же стоявший во главе Тамбовского, Сибирского и других восстаний Крестьянский Союз — в Тамбове во главе с Г. А. Плужниковым — был организацией глубоко беспартийной, очень далёк от всякого социализма и левого революционаризма.

Социалисты-революционеры тем самым, независимо от их народнических или квазинароднических субъективных верований, играли в повстанчестве роль не главенствующую, а разлагающую, дезориентирующую, разрушающую общенародный антикоммунистический союз. Объективно они сыграли роль исторических провокаторов, ослабивших повстанчество и не давших ему соединиться с белым движением в единую национальную силу. Сказанное относится и к роли социал-демократов и левых конституционных демократов, принимавших участие в повстанчестве на Волге, на Дону, в Сибири и в других местах в 1918-1920 годах.

Также и Тамбовское повстанчество 1918-1919 годов, тяготевшее к единству с другими национальными антисоциалистическими силами, не смогло с ними соединиться и в 1920 году осталось в социальном одиночестве, исторический момент единого удара был упущен.

Взлёт повстанчества в 1920 году, захвативший огромные территории на юге России и в Сибири и располагавший несколькими армиями, пришёлся на то время, когда организованное белое движение было уже разгромлено.

В-третьих, деятельность Крестьянского Союза в Тамбовской губернии и восстание 1920-1921 годов не были отъединённым локальным событием, как выходит у О. Радки. Одновременно, под руководством того же всероссийского Крестьянского Союза, происходило большое восстание в Западной Сибири, поднявшее крестьянство на огромной территории [58]. Одновременно же развивалось повстанчество на Средней и Нижней Волге. [59]

В. И. Ленин признавал единство этой силы и указывал, что эта сила крестьянского и общенародного повстанчества или, в его терминах, «мелкобуржуазной стихии» оказалась для коммунистического режима опаснее всех белых армий вместе взятых. [60] Известно, что эта сила сломала строй военного коммунизма, вырвала НЭП — стратегическое отступление социализма. В другом месте автор этих строк пытался показать, что эта сила также остановила мировую революцию. [61]

Важнейшие доказательства высказанных выше положений о глубоко консервативном и религиозном характере российского повстанчества вообще, тамбовского повстанчества в частности и в особенности, мы находим в комплексе первоисточников, прежде никогда не привлекавшихся для изучения антикоммунистического народного сопротивления, — в советской так называемой научно-атеистической литературе. В конце 1950-х — начале 1960-х годов были проведены религиоведческо-социологические экспедиции Института истории Академии Наук СССР для изучения ряда вероисповедных групп русского центрального черноземья. [62] Эти многочисленные группы были замечены исследователями и органами госбезопасности ещё в первые послереволюционные годы. [63] И до конца 1950-х годов, а в большинстве работ и посейчас, считалось, что это различные, сепаратные, не связанные между собой общины, не принявшие Советскую власть и декларацию Мит-

рополита Сергия о лояльности Церкви; что эти общины разделяются на две не имеющих ничего общего больших группировки: с одной стороны, разнообразные последователи Патриарха Тихона и традиционной канонической Русской Православной Церкви, и с другой стороны, многочисленные мелкие секты: староцерковники, буевцы, фёдоровцы, еноховцы, массаловцы, стефановцы, чердашники, самаряне, иоанниты, николаиты, ершовцы, имяславцы, молчальники, евлампиевцы, ерофеевцы, скрытники, васильевцы, Ревнители Церкви, Козловское подполье, Истинно-Православная Церковь (ИПЦ), Истинно-Православное Христианство (ИПХ) и др. [64]

В ходе обследования экспедициями Института Истории АН СССР и особенно в диссертации бывшего члена ИПХ, затем атеиста А. И. Демьянова прояснился факт огромного значения: все названные общины и «секты» были (и в какой-то степени остаются) единой религиозной организацией несектантского типа. Это именно часть традиционной канонической Русской Православной Церкви, возглавлявшейся Патриархом Тихоном, считающая его своим основным учителем и предстоятелем, а своими иерархами — митрополита Петра Крутицкого и митрополита Иосифа.[65]

Прояснилось, что течения церковной жизни, известные как староцерковники, тихоновцы, иосифляне, Катакомбная Церковь, Истинно-Православная Церковь и т. д. — это одно и то же единое православное движение, возникшее в 1918 году после январского воззвания Патриарха Тихона, а все перечисленные группы — его подразделения, существовавшие либо в крупных религиозных и административных центрах (Сергиев Посад, Ленинград), либо в провинции и по сёлам (Тамбов, Козлов, Моршанск, деревни уездов Тамбовской , Воронежской, Рязанской, Липецкой областей).[66] Единственное существенное отличие истинно-православного христианства от Православной Церкви, возглавляемой Московской Патриархией, — полное и окончательное неприятие советской власти, системы социализма, всех советских институтов, всей подсоветской жизни (включая работу, покупку продуктов, прописку, регистрацию новорожденных, переписи населения — всего советского быта во всей совокупности его проявлений) и — отсюда — отказ от канонического общения с послесергиевской Патриархией, полное непризнание её иерархии и благодати.[67]

Никаких собственно догматических и иных вероисповедных отличий истинно-православной Церкви от нынешней Русской Православной Церкви не обнаружено.[68] Отсутствие рукоположенных священников в истинно-православном христианстве — это сравнительно поздняя (с 1940-х годов) черта, связанная с историческими обстоятельствами, а не с каноникой. Просто старые священники погибли, а новых некому стало рукоположить. Но с 1918 и сквозь все 1920-е и отчасти 1930-е годы общины истинно-православной Катакомбной Церкви возглавлялись десятками священников, рукоположенных лично Патриархом Тихоном[69], а организационное основание этому церковному движению положил и возглавил его митрополит Иосиф (Петровых), а на Тамбовщине и в Воронежской губернии его последователь епископ Алексий (Буй).[70] В 1920-е—1930-е годы, когда год за годом насильственно прерываются даже тайные связи сельских православных общин тихоновской ориентации в Центральном Черноземье с иерархией и священством той же ориентации в религиозных и административных центрах, а сельское истинно-православное священство уничтожается до корня, а потом с 1945 года, когда после смерти патриарха Сергия часть членов иосифлянских групп и Катакомбной Церкви столиц признаёт Московскую Патриархию и Патриарха Алексия, — сельские истинно-православные группы в Тамбовщине, Воронежской, Липецкой и Рязанской областях остаются без священников и выделяются в самостоятельные и сепаратные внецерковные православные организации и даже в некоторых случаях начинают приобретать отдельные чисто внешние черты сект.[71] В частности, из-за физического исчезновения священства оно усилиями верующих заменяется различными проповедниками из среды мирян и местных почитаемых лиц, каковым в сознании верующих придаются черты новых святых; одновременно рядом групп неканонически освящаются о. Иоанн Кронштадтский (вряд ли кто из затерянных в сельской глубинке истинно-православных христиан знал, что он канонизирован Русской Зарубежной Церковью), император Николай II, наследник Алексей, старец Фёдор Рыбалкин, о. Михаил Ершов (провёл 43 года в лагере и умер в лагерной больнице), патриарх Тихон, епископ Алексий Буй и другие.[72]

В отдельных районах истинно-православное христианство тесно сращивается со старообрядчеством и даёт интересные образцы нового православного синтеза.[73] Во всяком случае, можно уверенно сказать, что Катакомбная Церковь, особенно в лице общин истинно-православного христианства, наряду со старообрядчеством, — была самой полной и самой последовательной — до «полной гибели всерьёз» — формой многолетнего массового

противостояния социализму за все 60 лет власти последнего на территории бывшей Российской империи.

Для настоящего исследования особенно важно, что истинно-православное христианство, или Катакомбная Церковь, зародились в ходе событий церковного сопротивления советской власти с января 1918 года и особенно в ходе повстанчества на территории Тамбовской и Воронежской губерний в 1918-1922 годах, где во время восстаний Союза Трудового Крестьянства, отрядов А. С. Антонова и И. Колесникова и появились главные, существующие посегодня, скопления истинно-православных христиан.[74] Можно сказать, что массовый костяк истинно-православной Катакомбной Церкви сложился именно в ходе восстания Союза Трудового Крестьянства на территории южного российского черноземья.

Первые группы истинно-православных христиан — в Кирсановском, Моршанском и Борисоглебском уездах[75], причём истинно-православная Церковь развернулась и окрепла непосредственно в процессе восстания.[76]

Очевидец восстания К. Криптон приводит много доказательств религиозной основы крестьянского повстанчества Тамбовской губернии.[77]

Имеются убедительные доказательства, что и в целом по России крестьянское повстанчество возникло именно на религиозной основе, на православном движении тихоновской ориентации. Последствием воззвания Патриарха Тихона в январе 1918 года явились 1 414 восстаний и выступлений верующих, в основном крестьян, по всей территории России.[78] Верный последователь патриарха Тихона воронежский епископ Алексий (Буй) был духовным вдохновителем сопротивления южного крестьянства в течение первых лет советской власти.[79]

Слитые крестьянское повстанчество и религиозное сопротивление членов Катакомбной истинно-православной Церкви прошли сквозь всю войну 1918-1922 годов и впоследствии возобновились с большой силой в годы коллективизации конца 1920-х — начала 1930-х.[80] Отдельные вспышки этого повстанчества и сопротивления зафиксированы также во второй половине 1940-х и вплоть до середины 1950-х годов.[81]

Совершенно консервативный, глубоко религиозный, не имеющий ничего общего с партиями конституционных демократов и социалистов-революционеров, характер крестьянского массового сопротивления социализму в Тамбовской губернии и по всей

России не подлежит для нас, на основании всей совокупности выявленных нами источников, никакому сомнению.

Таким образом, народное сопротивление, единое по всей России и сквозь всю войну 1917-1922 годов, никак не является третьей силой в социалистическом и революционном смысле, является, наоборот, силой антисоциалистической и антиреволюционной. И в этом глубокое историческое единородство повстанчества и всего народного сопротивления с белым движением.

Поэтому же нельзя объединять и тем более отождествлять народное повстанчество, народное сопротивление с так называемым «зелёным движением». Зелёные армии — явление исторически гораздо более узкое. Зелёные составляли крайне левый фланг повстанчества. Зелёными Черноморья руководили социалисты-революционеры, зелёными Украины — анархисты. В Средней России, на юге России и в Сибири зелёного движения не было, если не назвать зелёными, как это часто ошибочно делается, просто политически разложившиеся отряды, из матросов, из дезертиров белой и красной армии или отряды грабителей, бандитов. Таковых было немало во все смутные времена во всех странах, и при историческом анализе они выпадают в осадок. И было бы нелепо считать таковые третьей силой. Наименование третьей силы подходит только к демократическим и социалистическим партиям, то есть к массе российской интеллигенции, с одной стороны, и к зелёным армиям Черноморья и Украины, с другой.

Но это как раз третья сила очень условная. Зелёные Черноморья в решающие месяцы 1919-1920 годов ударили в тыл Добровольческой армии А. И. Деникина и разрушили его.[82] Армии Н. Махно разбили значительную часть белых на Украине, сорвали рывок Деникина на Москву, в разные периоды войны просто воевали в составе Красной Армии. О роли интеллигенции как третьей силы, объективно помогшей большевикам, уже сказано выше.

Таким образом, зелёное движение и третья сила в историческом смысле оказались в значительной степени силой прокоммунистической, как и все левые движения, массовые и политические. Они сражались против белых и против национальной России, лишь отчасти и прерывно против красных.

Тамбовское восстание ничего общего не имеет с зелёным движением, кроме внешнего сходства всякого повстанчества. О. Радки сделал принципиальную ошибку, рассматривая войну Тамбовского крестьянства против социализма как левое, социалистическое, зелёное движение.

На эту принципиальную ошибку указал в полемике с О. Радки М. Левин и на этом основании заявил, что «результаты работы О. Радки разочаровывающие».[83]

Однако следует сказать, что нас не меньше разочаровывает и рецензия М. Левина. Это один из самых знающих авторов по истории СССР на Западе. Он короткое время жил в СССР, работал в совхозе. Он написал лучшую пока что книгу о коллективизации «Русские крестьяне и советская власть».[84] Оказывается, тем не менее, что такой учёный не понимает и даже минимально не знает простой фактической истории крестьянства в первые годы Советской власти. Сначала, опираясь на О. Радки, он сводит восстание Тамбовского крестьянства к зелёному движению, а затем продолжает, что не было зелёного движения, а был просто бандитизм. Правильно указывая ошибку О. Радки насчёт якобы содержавшейся в Тамбовском восстании антибелой, революционно-демократической альтернативы, М. Левин делает заключение, что ни в Тамбове, ни вообще в России накакого народного сопротивления, никаких восстаний вообще не было, а был только бандитизм.[85] Все восстания, считает М. Левин, носили незначительный, локальный характер, сразу после введения НЭП сошли на нет.[86]

М. Левин забывает или не знает, что в 1918 году даже сами большевики насчитывали 245 крупных восстаний[87], что, по словам В. И. Ленина, в 1918 году пошла огромная волна крестьянских восстаний [88], что восставшие рабочие Ижевска и Воткинска сформировали армию в 70 000[89] и, после потери Ижевска, влились в армию А. В. Колчака и героически там сражались, освободив впоследствии Ижевск[90], что Донское восстание имело 30 000-ную армию, а с тылами 100 000 человек, прорвало красный фронт и расчистило Добровольческой армии А. И. Деникина путь на Москву[91], что восстание Григорьева на Украине оттянуло на себя те самые корпуса, которые большевики послали в Венгрию на помощь Бела Куну и на разжигание всеевропейской революции[92], что сам В. И. Ленин признавал, что во всей войне 1917-1921 годов крестьянские восстания «составляли всю картину России»[93], что, наконец, в Тамбовском восстании против социализма сражались три армии.[94]

Даже такой крайне беглый обзор снимает вопрос о бандитизме как о сколь-нибудь определяющем явлении.

Здесь, в этом историографическом обзоре, нам важно проследить, что же случилось с ходом мыслей таких крупных ученых, как О. Радки и М. Левин, откуда, в конце концов, происходит

их обскурантизм или почему они, говоря словами русской пословицы, начали за здравие, а кончили за упокой.

Нам кажется, что здесь мы имеем дело с известным феноменом левой, либеральной, интеллигентской мысли, лежащей в основе политической науки и не имеющей ничего общего с действительной наукой.

Согласно большевистской историографии, всё народное сопротивление или вообще не существовало или, поскольку оно было против коммунизма и социализма, было не более как бандитизмом.

Согласно О. Радки, повстанческое движение против коммунизма существовало лишь постольку, поскольку оно было одновременно и против белых (хотя, кстати, в описываемые О. Радки 1920-1921 годы белые армии никак не соприкасались с тамбовскими повстанцами, а вскоре вообще эвакуировались), поскольку оно было социалистическо-революционной третьей силой.

Согласно М. Левину, поскольку повстанчество не являлось такой силой, то его либо вообще не было, либо был сплошной бандитизм.

Так через замкнутый круг логики либерально-интеллигентской мысли возвращается коммунистическая интерпретация истории.

Мы хотим подчеркнуть, что интеллектуальный смысл всех этих концепций не положительно-научный, а идеологически-отрицательный. Именно, авторов всех таких концепций интересует не действительное состояние русского крестьянства и всего народа России в его борьбе против социализма, а как бы продолжение интеллектуальными, идеологическими средствами нескольковековой войны против старой, дореволюционной, консервативной России и её достаточно консервативных народных масс, прежде всего крестьянства.

Война русского рабочего класса и крестьянства против социализма в 1917-1922 годах (мы сейчас не рассматриваем последующие периоды) была, действительно, явлением достаточно консервативным, в терминах политической науки реакционным. И только стечение конкретных исторических обстоятельств не дало этой консервативной силе слиться с другой, соседней, — с белым движением, и вместе разгромить интернациональный социализм и мировой революционаризм, то есть продолжить то дело, которое вела старая консервативная Россия в 1812-1815, 1830, 1848, 1863 и в другие дореволюционные годы.

Выше уже говорилось о принципиальной антисоциалистической позиции российского рабочего класса. Рабочие восстания в Ярославле, в Ижевске и Воткинске, серия забастовок 1920-1921

годов в основных индустриальных центрах воплощают её. Такая позиция понятна. В революции рабочий класс потерял не только все политические, гражданские и социальные права. Он был и экономически подорван. За период Первой мировой войны, несмотря на падение промышленного производства на 10-15%, несмотря на рост цен, произошло повышение заработной платы фабрично-заводским рабочим, а семьи призванных на военную службу получили примерно 276,5 миллионов рублей пособия[95], что в процентном соотношении даже несколько превышает удельный вес рабочего класса в населении страны. За годы революции 1917-1920 годов объём промышленного производства упал до 4% довоенного[96], рабочий класс обнищал и деклассировался[97], нормы питания семей рабочих были значительно ниже минимально необходимых.[98] В. И. Ленин отмечал:

> «Эти три с половиной года ... означали собой для рабочего класса, для пролетариата, такие бедствия, такие лишения, такие жертвы, такое обострение всяческих нужд, как никогда в мире».[99]

Именно этим и мотивировали свою антисоциалистическую позицию рабочие представители на первых заседаниях Собрания Уполномоченных ещё в начале 1918.[100] Также понятна антисоциалистическая позиция крестьянства, вылившаяся в настоящую народную войну. Несмотря на то, что на крестьян обрушилась основная тяжесть Первой мировой войны, мобилизация, продовольственные заготовки[101], отобрание лошадей на нужды армии, крестьяне получили только за первые два года этой войны 925 миллионов рублей дополнительного дохода за счёт пособий семьям мобилизованных.[102] Запрещение продажи водки и пива улучшило экономическое положение крестьян на 600 миллионов рублей ежегодно.[103] За поставку лошадей крестьяне получили за два года свыше 450 миллионов рублей.[104] В итоге Первой мировой войны ежегодный денежный доход крестьянства как производящих, так и потребляющих губерний вырос очень существенно — на 82-87%.[105]

Надо иметь в виду, что в результате экономического развития России, особенно стимулированного реформами Петра Аркадьевича Столыпина, крестьяне к лету 1917 владели уже 77,4% всех сельскохозяйственных земель страны, то есть только по 38 губерниям — 117,2 миллионами десятин или 128 миллионами гектаров.[106]

В течение десятилетий многочисленные представители российской общественности вели пропаганду (и особенно усилили её, получив думскую трибуну) насильственного отчуждения частновладельческих свыше 50 десятин (помещичьих и так называемых «кулацких»), государственных, удельных, церковных, монастырских и кабинетских земель в пользу крестьянства. Разница политических группировок интеллигенции, стоявшей на этом требовании, заключалась лишь в методах такого отчуждения (с выкупом или без выкупа, сразу или постепенно и т. п.). По существу же это была пропаганда чёрного передела, в подтексте которой лежало народническое устремление перевести крестьянство через общину в социализм. И в экономическом смысле вся русская прогрессивная интеллигенция была по существу социалистической.

Но когда в результате Февральской революции 1917 эта интеллигенция получила государственную власть и свободу социальных экспериментов, она всячески оттягивала аграрную революцию, за которую прежде боролась. Большевики и другие левые радикалы использовали это обстоятельство в своей агитации и в организации аграрных волнений в ряде губерний летом 1917 года, особенно же в разложении крестьянской по составу армии. Большевики обвиняли взявшие власть политические партии в неискренности, в предательстве интересов крестьянства. Последнее обвинение справедливо, но вместо неискренности были — цинизм и провокаторство. Потому что никакой земли для чёрного передела в стране не было, и интеллигенты это знали или, по крайней мере, обязаны были знать.

Летом 1917 года партия конституционалистов-демократов даже начала контр-пропаганду и выпустила популярную брошюру выдающегося статистика А. А. Кауфмана, в которой убедительно, цифрами доказывалось, что вся призываемая к отчуждению земля — или уже во владении крестьян, или — леса, тайга и тундра.[107]

Объективные данные А. А. Кауфмана основывались на первоклассно полученных результатах сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года, но в целом положение было очевидно и до переписи, так сказать, невооружённым глазом. Но только оказавшись у власти, политическая общественность повела обратную пропаганду, когда от неё стали требовать передела, а делить было нечего, кроме самих крестьянских земель, — то есть оставалось только разрушить хозяйства крепких крестьян, так называемых кулаков, — правильно говоря, хозяев, вышедших по реформе П. А. Столыпина на хутора и отруба.

Политические партии знали положение задолго до революции, но им необходимо было любыми методами скомпрометировать и свалить историческую российскую государственность, хотя бы и натравив на неё население, выплеснув стихию. Таким образом, в течение десятилетий российская общественность, преследуя узко кастовые и идеологические интересы, выполняла в отношении государства и народа роль провокационную и объективно расчищала дорогу большевикам. Летом 1917 года уже, разумеется, было не остановить большевиков даже самыми лучшими брошюрами. Большевистская пропаганда в армии оказалась действеннее, чем контрпропаганда менее радикальной интеллигенции.

Остаётся констатировать, что в целом крестьяне в 1917 году проявили достаточное благоразумие, и аграрные волнения лета 1917 были значительно слабее, чем можно было ожидать, зная пропаганду предшествующих десятилетий. Тем не менее, по ходу революционного обвала, на головах растерявшейся интеллигенции к власти прорвались коммунисты. Они и завершили, в собственных стратегических целях, званную десятилетиями аграрную революцию и провели в 1918 году чёрный передел.

Советские официальные источники постоянно приводят цифру, перенятую у них западными учёными и уже общепринятую на Западе, что в результате аграрной революции 1917-1918 года крестьяне получили дополнительно 152 миллиона гектаров земли. Вместе с тем сами советские авторы неоднократно жаловались, что не знают, откуда взялась эта цифра, что это была за земля и кто конкретно, какие слои, её получили.[108]

На сессии аграрников-марксистов в Москве в 1969 году ведущий историк Октябрьской революции академик И. И. Минц рассказывал:

> «В. П. Данилов упомянул вопрос о том, что дала революция крестьянству. Назовите мне книгу, где было бы последовательно рассказано об этом, кроме общих фраз? Я обратился к нашим ведущим специалистам — товарищам Луцкому и Данилову с вопросом: сколько получили крестьяне земли в 1917 году? ... Не пора ли уже получить эти точные данные? Мы говорим, что крестьяне получили 150 миллионов десятин. Расшифруйте, покажите действительные данные по губерниям и областям».[109]

В. П. Данилов там же говорил:

> «Сколько земли получили крестьяне в России из рук Октябрьской революции?

> — 150 миллионов десятин! — отвечает наша статистика.
>
> Но мы не можем до сих пор ни раскрыть, ни объяснить этой цифры».[110]

Раскрыть и объяснить эту цифру, тем не менее, не представляет труда. Возможны даже два объяснения, не противоречащие друг другу, поскольку оба объясняют происхождение не реально полученной земли, а научной фикции.

Первое объяснение таково. По принятым советской статистикой исчислениям журнала «Новый экономист», в 1917 году государству, городам и Церкви принадлежало 151,2 миллиона десятин земли.[111] В результате Октябрьской революции вся эта земля естественно перешла новому государству, объявленному народным, — отсюда вывод, что она перешла народу. Этот вывод не вовсе абсурден: города на этой земле как стояли, так и продолжали стоять; тайга и тундра тоже не потеснились, остались на своём месте. В обживавших их лагерях поселился также народ, и каждый в конечном счёте получал этой земли — аршин на полтора. Второе объяснение таково. По данным Всероссийской и поземельной переписи 1917 года, по 38 губерниям России (без занятых неприятелем) крестьяне владели 117,2 миллиона десятин, равно 77,4% всей сельскохозяйственной земли, помещики владели 25,1 миллионов десятин, равно 16,6% земли, прочие хозяйства некрестьянского типа владели 9,05 миллионов десятин, равно 6% земли.[112] Итого сельскохозяйственной земли по 38 губерниям (без трёх уездов Смоленской губернии) в России было перед социалистической революцией 151,35 миллионов десятин или 165,36 миллионов гектаров. Все эти 151,35 миллионов десятин (из них 117,2 миллиона крестьянских десятин) были по существу конфискованы коммунистическим режимом, поскольку право собственности на землю было Декретом о земле 26 октября 1917 года отменено.[113] В результате организованного сверху чёрного передела — аграрной революции 1918 года — все 151,35 миллионов десятин оказались в распоряжении Советов, и они распределили всю землю заново — уже от себя. Часть земли была передана земельным обществам, часть осталась во владении Советов, часть была передана последними под совхозы и коммуны и т. п.[114] В результате конфискации, монопольное распоряжение землёй Советами стало безусловным, а передача части земли земельным обществам — выглядит уже как бы в качестве доброй воли, благодеяния, передачи земли крестьянам. В итоге советская наука считает, что эта, отчуждённая от крестьянской собственности, да ещё и вся на круг земля площадью в 151,35

миллионов десятин — перешла крестьянам. Более того, советские учёные считают, что в результате революции вся эта земля прибавилась к некоторой исходной величине, и вообще «крестьянское землепользование возросло на 150 миллионов гектаров».[115] В этом случае советские (и повторяющие их выкладки американские) специалисты должны доказать, что от революции территория России увеличилась в два раза, или что революция распахала тундру.

То, что крестьяне действительно владели, на правах частной собственности или в коллективной собственности (не в фиктивном распоряжении) земельных обществ до 1917 года сельскохозяйственными землями площадью 117,2 миллионов десятин или 77,4% всей сельскохозяйственной земли, советская наука, по логике конфискации, игнорирует. Советским специалистам важно только, что после революции крестьян посадили работать на эту землю (на деле — часть её), — это трактуется как подарок советской власти.

Однако, исходя из отмены права собственности на землю в 1917 году, правильнее сказать, что крестьяне не получили 151 миллион десятин, но — лишились 117,6 миллиона десятин. Часть этой земли как обрабатывалась крестьянами, так и продолжала обрабатываться, но отмена права собственности и введение продовольственной развёрстки, потом продовольственного налога, потом контрактации урожая, потом обязательных поставок государству и натуроплаты, — означали не просто изменение юридического статуса земли, но создание системы, известной из истории Востока как «условное землевладение», «феодальный социализм», «азиатский способ производства», «патримониальный строй» и т. д. И важно, что это явилось результатом не только коммунистических экспериментов, но и реализацией аграрной программы социалистов-революционеров и всей левой интеллигенции, о чем и сам Декрет о земле говорит, и В. И. Ленин многократно разъяснял, и вся советская литература подчёркивает.[116]

Кроме того, большая часть крестьянской земли — именно 80 миллионов гектаров равно 73,2 миллиона десятин равно 62,5% — уже находилась к 1917 году либо в частной собственности крестьян, прежде всего на хуторах и отрубах, либо в личном пользовании наиболее мощных в экономическом отношении членов земельных обществ, то есть в состоянии переходном к частной собственности.[117] Вся эта земля также была конфискована, и в результате чёрного передела сверху вся эта группа крестьян, имевшая в личном пользовании или собственности 73,2 миллиона десятин, получила из них же, да и то только на правах членов земельных обществ, только 30 миллионов гектаров равно 27,46 миллионов десятин, а 50 миллионов гектаров равно 45,76 миллионов десятин было конфисковано у этих крестьян даже из землепользования.[118]

Если даже допустить, что конфискованная помещичья земля, в той её части, которая перешла земельным обществам, всё же попала в крестьянское землепользование, то это — из-за условности землевладения с 1917 — есть величина относительная, потеря же 45,76 миллионов десятин крестьянством — есть величина абсолютная. Сальдо этих величин, представленное ниже в сводной таблице, позволит оценить, в терминах В. П. Данилова, «сколько земли получили крестьяне в России из рук Октябрьской революции».

	Источники	в десятинах (1 десятина = 1,09254 Гектара)	в миллионах десятин
1 Конфисковано в 1918 у помещиков и дворян	119)	24 258 438	**24,26**
2 Из них передано Советам, под совхозы и коммуны	120)	7 844 552	**7,84**
3 Из них передано земельным обществам	121)	16 413 886	**16,41**
4 Было земли у крестьянства в 1917	122)	117 200 616	**117,20**
5 В том числе в частной собственности либо в личном землепользовании	123)	73 223 864	**73,22**
6 Из них получено крестьянами в частную собственность за 1906-1916 по реформам П. А. Столыпина	124)	44 281 200	**44,28**
7 В том числе перешло в частную собственность крестьянства бывших помещичьих земель	125)	5 617 000	**5,62**
8 Получено земельными обществами и товариществами за 1906-1916 по реформе П. А. Столыпина	126)	4 963 700	**4,96**
9 Конфисковано и исключено из личного землепользования крестьянства, прежде всего на хуторах и отрубах в 1918	127)	45 764 915	**45,76**
10 САЛЬДО: «сколько земли получили крестьяне в России из рук Октябрьской революции»		—29 351 029	**— 29,35**

Сальдо, таким образом, равно отрицательной величине: минус 29,35 миллионов десятин или минус 32 миллиона гектаров, либо — что точнее с точки зрения права собственности, — сальдо равно минус 117,2 миллиона десятин. И никак не плюс 150 миллионов десятин.

Сводная таблица даёт нам для анализа ещё один важный показатель: получено крестьянами в частную собственность по реформе П. А. Столыпина 44,28 миллиона десятин, конфисковано у крестьян во время аграрной революции и исключено из личного землепользования — 45,76 миллионов десятин. Как видно, речь идёт об одной и той же земле.

Уже одно это даёт возможность сделать вывод, что, в сущности, аграрная революция свелась к аграрной контрреформе. Политическая революция означала экономическую контрреформу. Аграрные устремления самой прогрессивной интеллигенции и общественности имели самый регрессивный экономический смысл. Итогом свыше чем столетней борьбы прогрессивной общественности явилось разрушение не только тысячелетней русской государственности и национальной жизни, но и хозяйства страны. Последовавший перманентный голод и миллионы вымерших от него — вот что принесла русскому народу борьба интеллигенции за свободу, равенство, демократию и социализм.

Выдающийся советский экономист профессор И. А. Кириллов писал об этом ещё в 1920 году, в разгар событий. Он указывал, что противоставшая аграрной реформе аграрная революция явилась результатом никак не воли крестьянства, но и не одного стремления большевиков, — она явилась реализацией «сантиментально-народнического уравнительства», господствовавшего в умах всей российской общественности и интеллигенции, заражённой доктринёрством и не желавшей знать научных истин землеустройства.[128] Интеллигентский порыв к равенству, прогрессу и справедливости реализовали коммунисты, — в результате русское крестьянство потеряло землю, — и ту, что оно получило от Бога, родившись на этой земле, и ту, что оно получило по реформе из рук царского правительства.

Возникшее от чёрного передела сверху, подушное уравнительное землепользование возродило потребность в регулярных переделах, из-за которых нормальное землеустройство было опрокинуто. Так контрреформа органически привела к стихийной регенерации общины, причём исключительно в её фискальной функции, — особенно при политике продовольственной развёрстки,

продовольственного налога, контрактации посевов и урожая и т. п. Политический прогресс возродил, таким образом, даже не старую русскую общину, каковая не сводилась только к фиску, но — общину древнего Египта и Месопотамии, арабского халифата и средневековой Африки.[129] Как предсказывал в 1906 году Г. В. Плеханов, русское крестьянство получило из рук радикальной интеллигенции «азиатский способ производства».[130]

Сейчас в советской науке уже обсуждаются данные о том, что реставрированная община переросла в годы коллективизации непосредственно в колхозы.[131]

Ещё один важный результат аграрной революции, означавший полную экспроприацию всего крестьянства, — введение серией декретов и мероприятий, начиная сразу с 27 октября 1917, безвозмездного изъятия всей крестьянской продукции свыше потребительской нормы,[132] а на практике — ниже её.[133]

Вслед за И. А. Кирилловым и другими советскими авторами подчеркнём, что ошибочно было бы видеть в этом только диктаторский волюнтаризм большевиков. Последние только довели до логического конца прогрессистские тенденции общественности и интеллигенции, физически уничтожили созданные последними жупелы царя, помещика и кулака. Естественно, что при этом сломе экономического строя было раздавлено и всё крестьянство.

Поэтому же естественно, что крестьянство оказало повсеместное и многолетнее вооружённое сопротивление всем революционным и социалистическим преобразованиям и объективно явилось силой консервативной.

Естественно и то, что интеллигенция и общественность не поддержали крестьянского сопротивления, квалифицировали его как бандитизм и т. д., имея все основания рассматривать его как силу реставрационную.

Естественно, наконец, что западная политическая наука, в концептуальной, мировоззренческой базе которой лежат те же основания, что были у той российской интеллигенции, столкнувшись с материалами, которые 60 лет успешно игнорировались, — с материалами о народном сопротивлении, продолжает квалифицировать последнее как бандитизм, повторяя обвинение, бытующее и в официальной советской литературе.

Одним из корней легенды о бандитизме крестьянского повстанчества 1920-1921 годов является другая легенда — о чёрном переделе 1918, якобы произведённом самим крестьянством. Эта легенда была создана как большевистской историографией, так и её мнимыми идеологическими противниками — социал-демокра-

тами, социалистами-революционерами и т. п.[134] Из приведённых выше цифр и фактов понятно, что аграрная контрреформа 1918 не могла быть делом крестьянства, более того, — вызвала вооружённое сопротивление крестьянства. Вместе с тем, легенда об участии действительных слоёв крестьянства в аграрной революции — не подтверждается ровно никакими сколь-нибудь массовыми материалами. Во всяком случае, таковыми нельзя считать опубликованные отрывочные, собранные по каплям из разных месяцев и по разным местам, документы о разгромах крестьянами усадеб и т. п.

Нынешнее состояние источников уже позволяет ответить статистически, то есть на основании действительных массовых данных, о степени участия крестьянства в аграрной революции и вообще в коммунистической революции. В СССР опубликованы статистические сводки о количестве членов комитетов бедноты в 1918 году и о количестве членов сельских коммунистических организаций. Напомним, что именно комитеты бедноты были во второй половине 1918 года властью на селе, коммунистическими представителями и основными проводниками коммунистической аграрной политики, в частности аграрной революции, сведшейся к раскулачиванию и экспроприации крестьянства. Напомним также, что вступление в коммунистическую партию в 1917-1918 годах не было связано для сельских активистов никакими формальностями и поэтому всякий, кто хотел, немедленно принимался, и цифра членов полностью отражает количество желающих. Кроме того, логично предполагать, что цифры членов комитетов бедноты и цифры членов сельских партийных организаций РКП(б) накладываются друг на друга, то есть отражают примерно один и тот же круг лиц.

Произведя на основе опубликованных в СССР новейших, тщательно сверенных с местными архивами данных, ряд промежуточных исчислений (методологию последних переносим в примечания), мы получаем следующую сводную таблицу:

(см. стр. 288 и 289)

Чтение сводной таблицы приводит к выводу, что ничтожно малые количества активистов, едва составлявшие 2 -2,5% взрослого мужского сельского населения (да и то взятого в отсчёт без стариков), соответственно составлявшие около 0,5% всего сельского населения, — смогли произвести такие глобальные изменения экономической и политической жизни в русской деревне, каких не знала история.

С другой стороны, основная масса населения — его 99,5%, соответственно около 97,8% взрослого, трудоспособного, оружеспособного мужского сельского населения,— либо не принимали участия в аграрной революции, либо сопротивлялись ей и в активной части своей были раздавлены военной силой, направленными в русскую деревню экспедиционными и мобилизованными войсками.

Введя метод допустимого максимума, можно исчислить предельное число непосредственно работавших на селе коммунистов и активистов. Относительно соотношения сельских коммунистов и членов комитетов бедноты (примерно 3:1 активистов к членам партии) советские источники подтверждают наше указание, что это один и тот же круг лиц, статистически исчисленный по разным группировкам.[135] Всего в губернских партийных организациях, вместе сельских и городских, состояло, по тем же источникам, на конец 1918 года по 33 губерниям 198 107 членов РКП(б).[136] К сожалению, ещё не подобраны систематические погубернские сведения о соотношении членов РКП(б) и членов института сочувствующих РКП(б), то есть кандидатов в члены партии. Имеющиеся выборочные сведения по группе волостных советов Псковской губернии дают (в нашем исчислении) на конец 1918 года соотношение сочувствующих к членам партии в 1,4 пер капита.[137] По условиям очень быстрого приёма в партию в тот период, это, очевидно, предельный максимум. Если условно перенести его на весь состав партии по 33 губерниям, получим 475 000 членов и кандидатов партии, каковая цифра, повидимому, чрезвычайно завышена, и единственная возможность использования её — именно включение всего протекающего потока сочувствующих партии.

Важно констатировать, что всего это число не достигало и полумиллиона. Вместе с тем, мы имеем и другие, несколько большие сведения о составе комитетов бедноты по тем же 33 губерниям, не такие точные, как в составленной сводной таблице, но зато отражающие количество наплывавших активистов в ряде губерний в начале 1919 года, когда комбеды были уже декретно отменены, но фактически продолжали функционировать и вбирали в себя всех активистов на селе. Такое исчисление исходит из 139 849 комитетов бедноты[138] (вместо 104 997, рассчитанных для приведённой сводной таблицы[139]) и из 3,5 человека на один комитет вместо 3. Это исчисление даёт нам 489 000 активистов на селе, то есть и это число не достигает и полумиллиона.[140]

Ничего не изменит в этом итоге и рассмотрение депутатов местных Советов как активистов и проводников коммунистической

№ п. п.	Название района (группы губерний) и губернии	Общая численность сельского населения 1917 г. с прибавлением призванных в армию и без бежен-цев [1]	Процент мужского населения 16-59 лет от всего населения [2]	Число членов сельских ячеек РКП (б) в сентябре-декабре 1918 [3]	Число членов комитетов бедноты в июне-ноябре 1918 [4]	Процент коммунистов в сельском мужском населении 16-59 лет	Процент комбедовцев в сельском мужском населении 16-59 лет
1	2	3	4	5	6	7	8
А	**Центральный-промышленный**						
1	Владимирская	1 668 099	23,2	1 951	14 625	0,50	3,78
2	Иваново-Вознесенская	нет в адм. терр. дел.	—	990	3 552	—	—
3	Калужская	1 361 310	24,1	2 084	6 474	0,64	1,97
4	Костромская	1 661 910	23,6	628	19 560	0,16	4,99
5	Московская	1 594 945	23,6	1 365	13 263	0,36	3,52
6	Нижегородская	1 759 436	23,3	6 477	3 888	1,58	0,95
7	Тверская	2 038 474	23,7	4 039	18 675	0,84	3,87
8	Ярославская	1 159 098	23,8	1 120	24 123	0,41	8,74
А	Итого :	11 243 272	23,6	18 654	104 160	0,70	3,93
Б	**Центральный Черноземный**						
9	Воронежская	3 338 559	н. св.	4 865	3 936	—	—
10	Курская	2 793 487	23,7	10 190	7 227	1,54	1,09
11	Орловская	2 299 444	24,2	13 709	13 146	2,46	2,36
12	Рязанская	2 347 051	23,4	8 354	7 500	1,52	1,37
13	Тамбовская	3 527 289	23,4	7 739	9 033	0,94	1,09
14	Тульская	1 755 338	23,4	2 996	13 812	0,73	3,36
Б	Итого :	16 061 168	23,6	47 853	54 654	1,26	1,44
Б-Г	**Северо-Западный и Северный**						
15	Петроградская	828 618	24,5	2 504	7 413	1,23	3,65
16	Псковская	1 214 050	н. св.	644	9 126	—	—
17	Новгородская	1 543 528	24,0	700	15 000	0,19	4,05
18	Череповецкая	нет в адм. терр. дел.	—	222	5 679	—	—
19	Архангельская	405 075	23,7	92	570	0,01	0,59
20	Олонецкая	417 040	24,7	300	1 368	2,23	1,33
21	Вологодская	1 610 763	24,4	499	15 000	0,38	3,82
22	Северо-Двинская	нет в адм. терр. дел.	—	3 100	16 719	—	—
В-Г	Итого :	6 019 074	24,3	11 081	70 815	0,76	4,85
Д	**Западный**						
23	Витебская	1 244 300	24,9	1 891	9 996	0,61	3,23
24	Могилёвская	1 783 243	25,0	1 270	2 800	0,28	0,40
25	Смоленская	1 846 845	23,8	3 250	1 250	0,74	0,51
Д	Итого :	4 874 388	24,6	6 411	14 046	0,53	1,17

№ п. п.	Название района (группы губерний) и губернии	Общая численность сельского населения 1917 г. с прибавлением призванных в армию и без бежен-цев [1]	Процент мужского населения 16-59 лет от всего населения [2]	Число членов сельских ячеек РКП (б) в сентябре-декабре 1918 [3]	Число членов комитетов бедноты в июне-ноябре 1918 [4]	Процент коммунистов в сельском мужском населении 16-59 лет	Процент комбедовцев в сельском мужском населении 16-59 лет
1	2	3	4	5	6	7	8
Е	**Поволжский**						
26	Астраханская	1 159 200	23,5	1 850	45	0,68	0,02
27	Казанская	2 600 071	23,9	542	3 375	0,09	0,54
28	Пензенская	1 815 752	23,7	6 750	5 958	1,63	1,45
29	Самарская	3 406 176	23,4	1 500	1 425	0,19	0,18
30	Саратовская	2 772 579	23,7	8 554	6 660	1,30	1,01
31	Симбирская	1 896 110	23,1	1 380	1 521	0,32	0,35
Е	Итого :	13 649 888	23,5	20 576	18 984	0,64	0,59
Ж	**Приуральский**						
32	Вятская	3 640 262	24,1	250	47 964	0,03	5,47
33	Пермская	3 478 775	23,3	12 157	4 308	1,40	0,50
Ж	Итого :	7 219 037	24,2	12 407	52 272	0,71	2,99
	Итого по 4 районам потребляющей полосы (А, В, Г, Д)	22 136 734	24,2	36 146	189 081	0,67	3,53
	Итого по 3 районам производящей полосы (Б, Е, К)	36 930 093	23,8	80 836	125 910	0,92	1,43
	Всего в 33 губерниях России	**59 066 827**	**24,0**	**116 982**	**314 991**	**0,83**	**2,22**

[1] Материалы Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 887, л. 55. «Статистическое совещание для обсуждения вопроса о методах определения количества населения избирательных округов, образуемых по проекту положения о выборах в Учредительное Собрание». — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 967, лл. 24-27. «Вероятное население в 1917 году по данным, полученным до 1 августа 1917 г. ЦСУ РСФСР. 1919.» — ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 197, д. 1, лл. 1-6. Население городов Европейской России по данным переписи 1917 г. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 6, д. 3, лл. 1-82. Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 годов как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — «История СССР», 1961, кн. 6, стр. 102-104, 108-110, 114. Они же и Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населения России накануне ВОСР. — «Исторический архив», М., 1962, кн. 5, стр. 70-71, 76-82. Исчисления наши.

[2] Война 1914-1918 годов и крестьянское хозяйство. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года. — «ЦСУ СССР. Россия в мировой войне 1914-1918 года. В цифрах.» М., 1925, стр. 21, табл. 6.

[3] А. А. Чернобаев. О численности сельских большевистских организаций в 1918 году. — «Вопросы истории КПСС», 1978, кн. 2, стр. 81-82, 88.

[4] В. Г. Верховень. К вопросу о численности комбедов в РСФСР. — «История СССР», 1958, кн. 4, стр. 125.

политики, ибо во второй половине 1918 года удельный вес коммунистов в Советах увеличился до 82%, а удельный вес беспартийных упал до 13% и членов других партий до 5%.[141] Так что какие бы мы ни взяли сводки активистов, это будет один и тот же круг лиц, то есть менее 500 000 человек.

Советские источники указывают нам, что все эти активисты, как члены комитетов бедноты и прочие, состояли далеко не только из бедноты, то есть не только из экономических низов деревни, крестьянства. Сюда входили батраки, то есть сельский пролетариат, и— это очень важно — рабочие, то есть вообще пришлый элемент[142], а попадались и такие борцы за проведение аграрной революции в России, как австрийские военнопленные.[143] Что касается рабочих в комбедах, то часть их ушла из переживавших экономический упадок городов, не имела чем кормиться и была деклассированной силой в деревне, другая — значительная — часть была просто командированными на проведение аграрной революции коммунистами.

Но даже по отношению к общему количеству сельских батраков, составлявших до революции, по завышенной цифре, до 5 миллионов с семьями[144], активисты не дают больше 15-20% ко взрослой трудоспособной мужской части батрачества. Даже основная масса безземельных сельских низов, жившая наёмным трудом, не пошла в комбеды и в компартию.

По отношению ко всему мужскому трудоспособному (без стариков) сельскому населению 33 губерний число активистов в 0,5 миллиона, взятое как предельный максимум, составляет всего 3,5%, а ко всему населению села этих губерний — 0,85%. Собственно крестьянство, основное население России, дало революции вообще и аграрной революции в частности и того меньше кадров.

Вопрос об участии городских рабочих снимается как количественный фактор, если принять во внимание, что в одно из исчислений итогового состава коммунистов и сочувствующих мы включили выше по методу допустимого максимума весь состав губернских организаций партии вместе со всем потоком сочувствующих. То есть включены также коммунисты и сочувствующие городов, а итоговый максимальный процент исчислен только по сельскому населению уездов. Ничего не меняет и привлечение статистики продовольственных отрядов, орудовавших на селе. Своего максимума продовольственная армия достигла в конце октября 1919 года, когда составляла 45 444 человека.[145] К моменту значительного развития повстанчества в России, угрожавшего

самому существованию режима, — к весне 1921, — продовольственная армия поредела почти вдвое — до 23 625 человек.[146] Состав продовольственных отрядов был частью перебит повстанцами, частью перешёл на сторону народа.

Ещё значительной военно-политической силой были Внутренние (то есть карательные и охранные) войска, в них состояло к 1919 году — 80 000 бойцов.[147] Это число не меняет общей статистики расстановки сил, тем более что значительная часть этих войск — не русские крестьяне, а иностранцы-интернационалисты.

Таким образом, статистический взгляд на силы, сознательно, добровольно пошедшие в коммунистическую революцию (принудительно мобилизованных в Красную армию мы пока, естественно, не считаем) — приводит к очень важным выводам. Именно — основное население России, консервативное православное и мусульманское крестьянство, русские, татары, героические народы православного Поволжья, башкиры, — основное население дало активистов на проведение революции — значительно меньше 1 процента населения и соответственно меньше 3 процентов взрослого мужского населения.

Ниже мы покажем, что, напротив, в ряде мест России в народном повстанчестве против коммунизма принимали участие 25% всего населения, соответственно ВСЕ взрослое мужское население.

Одним этим сопоставлением разрушаются легенды не только о чёрном переделе 1918 как акции русского и поволжского крестьянства, но и — вообще о так называемой «русской революции». Наверное, народ ни одной страны ни в одной революции в истории не дал так мало своих представителей на осуществление революции и так много на сопротивление ей. Понятие «русская революция», на наш взгляд, вообще должно быть исключено из научного обихода. Также должны быть исключены понятия «рабочей» и «крестьянской» революции в России.

В нескольких волнах восстаний крестьянство сражалось против коммунизма не потому, что он не провёл или исказил аграрную программу левых и лево-центристских политических партий, но именно потому, что коммунизм провёл, углубил и логически завершил эту программу.

К сожалению, наука ещё не располагает статистикой участия крестьян в антисоциалистических восстаниях. Но некоторые данные для исчислений и выводов источники нам дают. Иногда это абсолютные цифры, иногда относительные — процентаж, иногда просто констатация факта поголовного участия крестьянства в

восстаниях, но даже небольшая выборка позволяет делать сравнения, поскольку мы располагаем и абсолютными, и относительными цифрами, характеризующими участие населения на противоположной, коммунистической стороне.

По Тамбовской губернии периода восстания 1920-1922 годов мы имеем выборочные данные по 22 сёлам:

Количество сёл	% населения, принимавшего активное участие в восстании
12	10
2	25
2	30
4	40
1	50
1	60
22	22,7

Источник: [148]

По другим данным, в среднем по всей Тамбовской губернии участвовало в восстании 25-30% всего населения.[149]

Виднейший советский экономический историк М. И. Кубанин делает верный вывод:

> «Несомненно, что 25-30% населения деревни означает, что всё взрослое мужское население ушло в армию Антонова».[150]

Нам представляется, что эта статистика полностью опровергает мнение М. Левина и о том, что повстанчество в Тамбовской губернии (и в целом по стране) не было существенным историческим феноменом и не отражало позиции основной массы крестьянства, и о том, что всё это был бандитизм.

М. И. Кубанин отмечает участие всего взрослого мужского населения также и в ряде других восстаний на протяжении всего периода военного коммунизма.[151] То, что повстанцам Ижевской народной армии, располагавшим, по усреднённым подсчётам, 70 000 человек[152], удалось продержаться свыше трёх месяцев[153], то, что в Донском восстании участвовало 30 000 вооружённых казаков и крестьян, а с тылами повстанцы располагали силой в 100 000 человек[154] и прорвали красный фронт[155], — вполне показательно. Особенно характерны для описываемого периода были многочисленные локальные восстания, нескольких сёл, двух-

трёх волостей. Чем меньше по территориальному охвату обычно было восстание, тем больше местных сил оно концентрировало. Например, в рабочем и крестьянском восстании летом 1918 года в Ярославле и Ярославской губернии участвовали тысячи городских рабочих и окрестных крестьян, а в одновременном самостоятельном восстании ближайшей Диево-Городищенской волости — просто взялась за оружие вся волость, включая женщин, стариков и подростков. [156] Видимо, в такого рода волостных восстаниях был уже какой-то элемент тотального самопожертвования, а восстания более крупные характеризовались разделением функций: часть населения продолжала обычную трудовую жизнь, составляя тыл повстанцев, обеспечивая их пищей, оружием.

Архивная сводка Штаба Восточного фронта содержит описание локального восстания в марте 1919 в Сенгилеевском и Белебеевском уезде Поволжья:

> «Крестьяне озверели, с вилами, с кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулемёты, несмотря на груды трупов, и их ярость не поддаётся описанию».[157]

Аналогичную картину описывает свидетель крестьянского выступления осенью 1918 в Шацком уезде Тамбовской губернии, когда крестьяне двинулись на здание уездной ЧК выручать конфискованную коммунистами икону Вышинской Божьей Матери:

> «Я солдат, был во многих боях с германцами, но такого я не видел. Пулемёт косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперёд, кричат: Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за Тебя ляжем.
>
> Страху уже в них не было никакого».[158]

Другого рода восстания и выступления — вооружённые, хорошо организованные, имеющие способных военных и политических руководителей, — также отличались массовостью и — что особенно важно для их политической характеристики — отчётливо выраженным религиозным характером. Собственно, источники совершенно не сообщают о лево-демократических, социалистических и атеистических повстанческих группировках и массовых движениях, кроме чисто анархических на Украине. Кроме последних, все другие достаточно консервативны по идеологии.

Вообще нам представляется, что по экономическим, социальным, политическим и идеологическим установкам большинство повстанческого движения стоит ближе к белому движению, чем

к отдельным явлениям левого и анархического порядка в повстанчестве окраин России.

Общая статистика и история народного сопротивления ещё не разработана. Источники насчитывают сотни восстаний по месяцам сквозь всю войну 1917-1922 годов.[159] Советский историк Л. М. Спирин обобщает:

> «С уверенностью можно сказать, что не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы ни происходили выступления и восстания населения против коммунистического режима».[160]

Мы полагаем, что сказанного достаточно для того, чтобы отказаться от укоренившихся в историографии вопреки всем фактам и статистике концепций о рабской природе населения России, воспитанного веками деспотизма и оттого добровольно построившего себе по ходу революции очередную стадию привычного деспотизма. Никаких фактов и положительных аргументов, кроме нескольких поверхностных аналогий, вырванных из исторического контекста институций, в литературе в защиту указанных концепций не существует. Однако вся история народного сопротивления коммунизму свидетельствует против этих концепций.

Наши историографические наблюдения порождают еще два важных вопроса, требующих специального исследования. Мы отметим основные их стороны в порядке постановки проблемы. Если отказаться от стереотипных, но не работающих на массовом материале концепций революции, необходимо по-новому выяснить причины поражения национальных и повстанческих сил России и причины победы интернационального социализма. Мы хотели бы здесь показать, какие направления исследования этих вопросов кажутся нам перспективными.

Политическая наука вообще, в том числе многое из написанного деятелями различных российских политических партий, западная (прежде всего американская) политическая наука в особенности сделала важное открытие, именно, что в почти любой стране, независимо от успешности её экономической жизни и состояния государственных институтов, хорошо организованная небольшая группа лиц, знающая, чего она хочет, может захватить власть, подавить народное волеизъявление и существенно повлиять на ход национальной, региональной и даже мировой истории. При помощи социальной и политической демагогии такая группа лиц, как до, так и после захвата власти может даже совершенно расстроить весь ход жизни основной массы населения и переориентировать массу населения в направлении, объективно враждебном интересам этого населения. Возможности манипулирования массовым сознанием оказываются почти безграничными, и группа политических авантюристов может захватить власть вполне демократическим путём (Германия, Испания, Чили) или однодневным государственным переворотом. Много также смешанных форм. И крайне редко население и политические противники оказывают серьёзное сопротивление.

Однако и при наличии сопротивления такие меры, как введение тоталитарных институтов управления, предельная концентрация власти, террор и массовое насилие — оказываются вполне достаточными, хотя и примитивными средствами для удержания власти, укрепления и развития её, затем территориального распространения и для постепенного подавления всех форм сопротивления.

Историческая наука XIX века оперировала классами и массами, политическая наука XX века по существу анализирует партии, группы и лидеров. Нет большего интеллектуального парадокса, чем тот, что наука либерального мировоззрения эмпирическим путём пришла фактически к отказу от либеральных иллюзий, от веры в силу демократических институтов и признала диктатуру и демагогию едва ли не единственными движущими силами истории.

Правда из этих выводов был сделан крен в сторону признания некоторых мифов — о неизменном, историко-генетически передающемся рабстве тех или иных народов, о вечности тоталитарных институтов в ряде регионов и т. д., но этот крен, повидимому, объясняется интеллектуальной боязнью довести эмпирически полученные наблюдения до логического конца, признать силу политической тоталитарной организации и слабость либеральных установок жизни, поскольку из такого логического доведения вытекал бы непремлемый для политической науки вывод о духовном, религиозном основании жизни как единственной положительной силе в истории, и пришлось бы критически переосмыслить весь ход человеческой цивилизации.

Однако, с кренами и парадоксами, выводы о исторически всеобъемлющей роли тоталитарных идеологий, партий и организаций уже по праву вошли в научную аксиоматику. И эта аксиоматика оставляет весьма мало места для того, чтобы концепция прогресса работала не отрицательно. В этом большая трудность для внут-

реннего развития политической науки, подрубающей по существу собственные исходные установки. Но здесь нам важно подчеркнуть несомненное достижение — открытие феномена тоталитаризма. Ибо последовательное развитие этой концепции уже заставляет ряд наиболее объективных учёных распространить понятие тоталитаризма за пределы политики, на социальные отношения, на идеологию, на экономику, а это, в свою очередь, приводит к тому, что от понятия тоталитаризм вообще приходится отказываться, как от узкой абстракции, и работать с более широким понятием социализм. В перспективе лежит исследование социализма как универсального исторического феномена и как глобальной силы в истории. В этой связи мы хотим отметить новаторское исследование академика И. Р. Шафаревича. [161]

И если заменить абстрактное понятие тоталитаризма на конкретное и исторически насыщенное понятие социализма, то мы обнаружим, что ни одна сила в истории не располагала такими благоприятными возможностями, как социализм. Никто не имел столько разнообразных союзников и так мало противников, как социалисты. Ни одна идея, ни одна политическая линия не пользовалась такой всесторонней симпатией именно в круге людей, являющихся сами производителями идей, и таким образом социализм, даже независимо от усилий собственных деятелей, имел целую армию пропагандистов и подготовщиков. Вся новая и новейшая история была по существу беременной социализмом. Главным проводником его была профессиональная армия производителей идей, — интеллигенция. И в тех странах, где интеллигенция не участвовала в положительной государственной жизни, но располагала огромным влиянием в качестве силы вне-государственно оппозиционной, там приход социализма был объективно лучше подготовлен. Особенную роль интеллигенция играла в России, и поэтому опасность социализма в этой стране была особенно велика, и поэтому же борьба государства против интеллигенции и социализма была особенно необходима. Но даже не чрезвычайно жёсткое проведение такой борьбы государства за своё сохранение вызывало к нему ненависть всей мировой интеллигенции и превращало борьбу против российской государственности в задачу интернациональную для мировой интеллигенции и мировой политической общественности. А особая роль России в защите в XIX веке европейской цивилизации от революций и социалистического движения усиливала антироссийскую активность интернациональной интеллигенции.

Это привело к губительной для любой воюющей страны революции Февраля 1917 года, в ходе которой единственная хорошо организованная социалистическая группа в Октябре 1917 захватила власть. Тоталитарные способности этой группы наложились на благоприятствующую ей позицию мировой интеллигенции. Многочисленные интеллигентские группировки, хотя и с оговорками, поддержали социалистическую революцию, уничтожающую консервативные устои России. Во всяком случае, большевики без больших усилий смогли создать из интеллигенции весь необходимый аппарат хозяйственного и гражданского управления. В то же время начавшее борьбу против большевиков в защиту национальной России белое движение не смогло опереться на соответствующий аппарат гражданского и хозяйственного управления, а сами военные естественно, пороводить профессиональную внутреннюю политику не могли. Связующего звена между группой патриотических военных и массой населения не оказалось. Белое движение было чрезвычайно малочисленно. К середине февраля 1919 года, то есть ко времени максимального развития белого движения, оно, по нашим исчислениям на основе советских военных сводок, располагало следующими силами:

Южный фронт	85000
Восточный фронт	140000
Западный фронт	104000
Северный фронт	12500
Северный Кавказ	7500
Тылы белых фронтов	188000
Итого:	537000

Из них убито за годы войны против социализма примерно 175 000 человек. [162] Из последнего оплота белых армий, Крыма, генералу Врангелю удалось эвакуировать только 83 000 человек, среди которых была значительная часть и гражданского населения. [164] Судьба остальных участников белого движения не отражена в документах, но она очевидно трагична.

Для сравнения укажем, что, несмотря на повстанчество, массовое сопротивление населения, дезертирство красноармейцев, переход их на сторону постанцев и т. д., коммунистическая группировка, опираясь на чётко поставленное внутреннее управление, смогла к лету 1920 года сформировать армию в несколько раз большую, чем была у белых. А к концу 1920, когда белая борьба

уже кончилась и основные силы коммунистов были сосредоточены на подавлении народных восстаний, Красная армия ещё выросла, причём разница составила больше, чем была вся белая армия. Вот эти цифры:

Красная армия на 28 августа 1920	3538000
Красная армия на 1 января 1921	4110000
Рост за вторую половину 1920	572000
Разница Красной и белых армий	3001000

В этой таблице нам важно и то, что рост свыше чем на полмиллиона человек и доведение армии до свыше четырёх миллионов связан исключительно с повстанческой активностью крестьянства в 1920-1921 году, и то, что коммунистам удалось организовать такую гигантскую армию. Напомним, что в месяцы проведения аграрной революции, когда активность коммунистических элементов деревни всячески поощрялась, максимальный коммунистический актив всей России, вместе с расплывчатым институтом сочувствующих в самом широком смысле последнего слова, не достигал и полумиллиона и составлял 0,79% сельского населения. К IX съезду РКП(б) в марте 1920, после нескольких кампаний «открытых дверей» и в обстановке, когда любой красноармеец легко вступал при желании в партию, она насчитывала менее 612 000. [166] Причём добрую половину последних составляли карьеристы, которых потом выгоняли из партии в ходе нескольких чисток, да интернационалисты. [167] Остаётся констатировать, что большевикам удалось организовать гигантскую военную силу из населения, им враждебного. Кроме насильственной мобилизации дезориентированного юношества, политической обработки призванных и оторванных от родных деревень молодых людей, важнейшим средством организации войск служил беспощадный террор внутри самой Красной армии, — положение, при котором, по словам коммунистической деятельницы Ларисы Рейснер,

«красноармейцев расстреливали, как собак».[168]

Простейший расчёт показывает, что Красная армия состояла из двух процессов и стояла на них: дезертирство и расстрелы. Причём не удастся точно сказать, были бы внутриармейские расстрелы без дезертирства, но что совершенно определённо — без расстрелов дезертирство одно — развалило бы Красную армию.

По тогдашней оценке, обобщённой А. И. Соколовым, дезертирство из Красной армии составляло до 20% её годового состава. [169] Иными словами, за годы войны 1918-1922 армия статистически обновилась из-за дезертирства по меньшей мере — если взвесить состав армии в различные периоды — на половину итогового состава. То есть в сумме из 4-миллионной итоговой армии дезертировало за весь период войны не меньше 2 миллионов человек.

Экстраполяция опубликованных данных ВЧК по Рязанской губернии позволяет предполагать, что этот вывод скорее занижен, чем завышен. По данным ВЧК, в одной только Рязанской губернии в 1918 - сентябре 1919 выловлено 54 697 дезертиров, часть «злостных дезертиров» расстреляна, остальные отправлены на фронт; в Тверской губернии только за две недели 28 сентября - 12 октября 1919 выловлено 5 430 дезертиров; в Московской губернии за одну неделю облава выловила с 16 по 23 сентября 1919 — 3 329 дезертиров, за ту же неделю во Владимирской губернии выловлено 1 525 дезертиров. По губерниям, тем не менее, удалось спрятаться от облав десяткам тысяч дезертирам; в ряде уездов осенью 1919 скопилось по нескольку тысяч в каждом, в одном только Старорусском уезде Новгородской губернии пряталось тогда 10 000 дезертиров. [170]

Однако именно за 1920-1921, то есть уже после времени действия описанной по данным ВЧК статистики, мобилизации привлекали в несколько раз больше человек. Поэтому если экстраполировать Рязанские данные на остальные годы, взвесив их с понедельными данными по другим губерниям, то только по 20 губерниям России, попавшим в обзор ВЧК, мы получим за 1918-1921 годы — даже свыше 2 миллионов дезертиров.

Причём это было опасное явление уже не только для большевиков, но и для страны в целом. Выдернутые из родных деревень, оторванные от духовных корней, пропитанные атмосферой насилия и лжи молодые люди — бежали в чужие леса, нападали на население, грабили, громили деревни, устраивали еврейские погромы и т. д. [171] Всё это безусловно было прямым результатом атмосферы и порядков, царивших тогда в Красной армии, где постоянно расстреливали командиров по подозрению в предательстве, а простых красноармейцев — «как собак» — за отступления, потерю оружия, обмен обмундирования на продовольствие, политическое инакомыслие и иные провинности такого рода.

Без внутреннего террора Красная армия не могла не только победить, но даже просто — как видно из изложенного — механически сохранить личный состав.

В. И. Ленин специально подчеркнул внутренний террор в армии как новую в истории черту специфической коммунистической военной политики:

«В Красной армии... применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, меры, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели, и ввели вполне сознательно».[172]

Это был уникальный исторический эксперимент — победить страну оккупационной армией, насильственно составленной из самого оккупированного населения, — армией, управляемой посредством расстрелов.

Изучение коммунистической революции приводит нас к нравственно тяжёлому, но научно необходимому выводу: политические возможности террора, его эффективность — едва не безграничны.

Проиллюстрируем примером населения, оказавшего социализму наиболее сильное сопротивление из всех народов России, — примером героического казачества Дона. По этому вопросу мы располагаем хотя и составленной из разных источников, но достаточно согласованной и специально разработанной нами статистикой.

Население Дона перед Октябрьской революцией приближалось к 4 миллионам человек, а без находившихся в войсках составляло 3 600 800 человек.[173]

На 15 марта 1923 года население бывшей области Войска Донского в составе примерно 7 бывших округов из бывших 9 — исчислено ЦСУ в 1 514 848 человек, [174] а с присоединением населения отошедших к Сталинградской губернии Хопёрского и Усть-Медведицкого округа и части северного Дона, отошедшего к Донецкой губернии Украины — едва достигает 2 миллионов человек. Следует учесть, что на территории Дона скопилось большое число беженцев от голода из Поволжья, и они на 1923 год числятся в составе донского населения, тогда как эмиграция коренного населения Дона с армиями А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, а также миграция во внутренние районы страны не составляет больших величин и для предварительного обзора не является демографически весомой. Число убитых во всех белых армиях на Южном фронте не превышает за 1918-1920 годы 50 000 человек, [175] и

число убитых в них, а также в Красной армии донцов не влияет на семизначный итог общих потерь.

Этот итог показывает, что за годы революции и войны 1917-1922 годов население Дона потеряло по целому ряду причин — примерно половину своего дореволюционной состава, около 2 миллионов человек.

Потеря 50% населения целой области и целого народа — ибо казачество и иногородние Дона представляли собой особое историческое образование — тем более уникальна и начинает собой целую серию социалистических геноцидов XX века, что лишь небольшая часть этих 2-миллионных потерь приходится на непосредственные военные жертвы, на недостачу от недорождения, на смертность от голода, массово смертельно не затронувшего Дон. Основная часть половинной потери населения имеет иные причины.

В нашем распоряжении имеется целая серия опубликованных и ещё не опубликованных документов, относящихся к политике коммунистической партии на Дону. Главнейший из этих документов — подписанное Я. М. Свердловым, тогдашним главой советского государства и партийного аппарата, Постановление Организационного Бюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года:

«Всем ответственным работникам в казачьих войсках.

• • •

Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильной самую беспощадную войну со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

• • •

5. Провести полное разоружение. Расстреливать всякого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. В станицах до установления полного порядка оставить вооружённые отряды».[176]

Даже из текста самого документа можно охватить масштаб террора: всё зажиточное казачье население — весьма значительная масса донцов; все участники противосоветской борьбы — почти все казаки-мужчины, ибо и до того шла, по словам самого документа, «гражданская война с казачеством»; все потенциальные противники из средней казачьей массы; наконец, все хранящие оружие, каковое казаки носили несколько веков и — не могли его сдавать.

Но установление такого массового террора вооружёнными оккупационными отрядами не могло остановиться даже и на весьма широкой букве документа. Жизнь ещё расширила применение террора.

В результате на Дону, согласно Докладу специальной комиссии казачьего отдела ВЦИК установился

«массовый террор без разбора»,

на который

«население казачьих областей ответило массовым восстанием». [177] В донском восстании весны-лета 1919 года, как приводилось выше, участвовало вместе с тылами 100 000 человек, восстание было успешно, разгромило армии красного Южного фронта, прорвало фронт, в прорыв устремилась Донская армия генерала Секретова, а за ней другие части Вооружённых сил Юга России А. И. Деникина. В сентябре-октябре 1919 г. эти армии уже угрожали Москве, и могло бы вообще не быть всей последующей истории. Но армии Деникина были вскоре разбиты ударами с тыла — зелёными Черноморья и анархистами и социалистами Украины во главе с Н. Махно, ударами с фронта — Красной армией. Зимой 1920 г. коммунисты вернулись на Дон.

Материалы переписи 28 августа 1920, которые ниже мы будем подробно анализировать, ещё не успевают оставить нам меты тех последствий, которые имело восстание для донцов. Подавление местностей, участвовавших в восстании, ещё не закончилось к лету 1920, они ещё были на военном положении, перепись как раз застала разгар расчистки Дона, о чём окаменелыми цифрами свидетельствуют все противоречия переписи — сведения даются не по всем округам равно, общие сводки — то по 7 округам, то по 9; и только «Статистические ежегодники» последующих лет досылают более или менее полную статистику населения Дона на дату переписи 28 августа 1920. Поэтому картина демографических потерь, устанавливаемая по итогам переписи 1920, будет лишь частичной. Правильнее подводить итоги по переписи 1923. Но последняя имела узкую городскую программу и подробно не разработана ЦСУ, а сельское население в ней даётся только в исчислениях. По переписи 1923 в сравнении с ранее относящимися материалами можно лишь приблизительно установить самый общий демографический итог — потерю населением Дона с 1917 года около 2 000 000 человек или около 50%. Основная часть этих жертв — погибла от террора до и после восстания 1919, сознательно физически истреблена коммунистическим режимом.

Только уничтожением миллионов, на Дону — до половины населения, было достигнуто временное повиновение народа. Нам представляется, что это и есть — демографическая модель работы социализма и главнейшее средство его победы. И донская статистика потерь не является исключительной по масштабу, по порядку абсолютных величин, а только по относительным величинам она сравнительно выше, чем в остальных районах страны.

Подробную картину демографической революции на Дону по имеющимся статистическим источникам пока можно проследить лишь в пределах 1917-1920 годов, она весьма показательна, но следует помнить, что всё продолжалось, что охват по итогам на 28 августа 1920 лишь частичен.

Источниками для последующих исчислений будут служить:

1) Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года, взвешенные и уточнённые Совещанием статистиков 27 июня 1917. [178] Из этих материалов мы используем прежде всего данные о наличном, без призванных в войска, населении сельских местностей Дона, а также сопоставимые данные, позволяющие судить о рождаемости, смертности и естественном приросте на Дону среди мирного населения между половиной 1916 и половиной 1917, на даты соответствующих переписей.
2) Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, которые учли также и городское население. [179] Из этих материалов мы используем данные о количестве донцов, призванных в войска — как находящихся в действующей армии, так и отсутствующих и числящихся за армией (то есть пленных, убитых, умерших от ран, пропавших без вести). Из этих же материалов мы почерпнём данные, позволяющие судить о естественном приросте среди мирного населения Дона между половинами 1916 и 1917 годов.

3) Подготовленные в 1919 году Сведения Центрального Статистического Управления о численности населения России по губерниям по данным Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года на 1 августа 1917 года.[180] Эти данные в целом заменьшены, и будут служить нам для сопоставлений.

4) Данные ЦСУ о сопоставлении рождаемости, смертности и естественном приросте по Европейской России и Северному Кавказу за период 1915, 1916 и 1917 годов, сообщаемые В. Г. Михайловским при публикации предварительных итогов переписи 28 августа 1920 года. [181]

5) Данные о естественной смертности населения Области Войска Донского до I мировой войны, полученные дореволюционным Центральным Статистическим Комитетом и взвешенные ЦСУ, при их публикации, в 1923 году. [182]

6) Материалы Всероссийской переписи населения 28 августа 1920 года. [183] Это базовый источник, но он страдает неполнотой для Дона, противоречиями и недостаточной разработанностью в программе самой переписи. Это объективные трудности всей переписи 1920 и особенно донской её части, так как перепись проходила в разгар войны, повстанчества и подавлений, особенно на Дону. Все данные переписи можно использовать только с коррекциями и дополнениями, как на основе последующих изданий ЦСУ, так и с поправочным материалом специальных самостоятельных исчислений. Взяв из переписи сведения о возрастных группах, родившихся между половинами 1917 и 1920, мы проведём самостоятельные исчисления рождаемости за 1917-1920, прибавив к дожившим до переписи 1920 когортам количество детей, родившихся после половины 1917, но не доживших до переписи 1920. Взяв из переписи итоговую цифру населения Дона, мы сверим её по округам и прибавим не вошедших в итоги переписи донцов, находившихся летом 1920 в войсках.

7) Сведения ЦСУ, разработанные в 1920-1922 годах, о прибавлениях к переписи 1920 в части дополнения демографической переписи данными о местных уроженцах, находившихся во время переписи в войсках. [184]

8) Сведения ЦСУ о смертности в различных возрастных группах по губерниям в 1923 году.[185] Из таблицы ЦСУ мы используем сведения об умерших в возрасте до 1 года в Сталинградской губернии, в которую в 1923 г. входила часть территории

бывшей Области Войска Донского; эти сведения мы сопоставляем с аналогичными данными, полученными из других источников (см. ниже), и, обнаружив их совпадение, считаем возможным перенести на соответствующую возрастную группу, родившуюся в половинах 1917, 1918, 1919 годов, так как масштаб детской смертности в экстремальных условиях после Поволжского и Северо-Кавказского голода 1921-1922 нам представляется близким к масштабу смертности этих групп в годы войны 1917-1920.

9) Материалы выборочного обследования, проведённого в Донском округе бывшей Области Войска Донского в 1924 году крупнейшим статистиком А. И. Гозуловым и охватывающего целый ряд показателей относящихся к демографическим процессам всего десятилетия 1914-1924.[186] Из этого источника мы используем как прямо, так и с применением специальной методологии исчислений, несколько показателей. Мы заимствуем данные о рождаемости, смертности и естественном приросте возрастной группы до 1 года, взвешенные для 3 лет 1920-1922 годы. Обнаружив их полное совпадение в отношении смертности к рождаемости с данными для той же возрастной группы в Сталинградской губернии, куда вошли Усть-Медведицкий, Хопёрский и часть 2-го Донского округа бывшей Области Войска Донского, мы полагаем правильным использовать из обследования А. И. Гозулова данные о смертности за 3 года 1920-1922 в следующей возрастной группе — в возрасте 1-3 лет — и на основании изложенного выше перенести их без специальных коррекций на аналогичные демографические процессы 1917-1920 годов. Так строятся поправки на выживание когорт до 1 года и 1-3 лет для рождаемости в 1917-1920 по материалам соответсствующих когорт из переписи 1920.

Из обследования А. И. Гозулова мы также используем данные о погибших в войне 1914-1918 на европейском театре военных действий — убитых, умерших от ран, пропавших без вести и не вернувшихся на Дон из германского и австровенгерского и турецкого плена. Оттуда же мы берём сведения о донцах, погибших в непосредственных боевых действиях на российском театре войны 1917-1922 годов. Все данные о военных потерях мы на основе специальной методологии, изложенной ниже, экстраполируем на всё донское население, взятое на 1916 и 1917.

10) Сведения председателя донского Войскового правительства В. Харламова об эмиграции донцов из России после войны 1917-1920 годов.[187]

11) Сведения о количестве донцов в Красной армии в 1920, в белых армиях, общие данные о численности Донской армии в 1918-1920 годах, о потерях Вооружённых сил Юга России, о потерях Красной армии — все эти данные военной статистики, извлечённые из различных источников[188] служат для выявления предположительного числа донцов, погибших на фронтах войны 1917-1920 исключительно в составе белых и Красной армии, без гибели донцов-повстанцев.

12) Информация различных архивных и опубликованных источников о проценте казачества в населении Области Войска Донского в 1917 году.[189] Этот процент будет сопоставлен в итоговой таблице людских потерь Дона за 1917-1920 с общим процентом потерь за эти годы от всего населения Дона 1917 года.

Рассмотрим несколько исчислений-лемм раздельно.

Сначала установим действительное минимальное абсолютное число родившихся на Дону в 1917-1920, считая от половины до половины года.

В первый вертикальный ряд таблицы выпишем совместно мужские и женские возрастные когорты из родившихся в 1917-18, 1918-19 и 1919-20 годах и доживших до переписи 28 августа 1920, использовав данные переписи.[190]

Для исчисления второго ряда таблицы используем данные о смертности детей в возрасте до 1 года из таблицы ЦСУ в части для Сталинградской губернии и из публикации выборочного обследования А. И. Гозулова. По таблице ЦСУ, в Сталинградской губернии в 1923 приходится на 44 573 рождения — 4 543 смерти детей в возрасте до 1 года[191] или 10,19%. По данным А. И. Гозулова, в другой части бывшей Области Войска Донского, в Донском округе, в 1920-1922 годах на 1 509 рождений в выборочной группе приходится 462 смерти детей в возрасте до 1 года[192] или 30,62% за 3 года и соответственно 10,21% в год. Такое совпадение по разным районам Дона позволяет взять средний коэффициент 10,20% как погодную смертность от общего числа новорожденных, а известное совпадение исторических условий позволяет перенести его на предшествующие 1917-1920 годы. Тогда

первый вертикальный ряд таблицы может быть перенесён на второй по формуле $x = \frac{У}{1 - м}$, где x — искомая величина родившихся, У — величина доживших в возрастной когорте, м — процент умерших до 1 года новорожденных.

Третий, итоговый, вертикальный ряд таблицы состраивается на основе следующих сведений, даваемых там же А. И. Гозуловым. К этим сведениям можно относиться с тем большим доверием, что его предыдущие сведения совпадают с полученными ЦСУ другим путём (повидимому, из ЗАГСов) по другой части бывшей Донской области, по округам, вошедшим в Сталинградскую губернию. Итак, А. И. Гозулов там же сообщает, что в зоне его обследования за 1920-1922 годы (показатели которых мы, на основе вышеприведённого обоснования, переносим на 1917-1920 годы) умерло 200 детей в возрасте 1-3 лет. Третью часть этих умерших мы, предполагая за неимением иных данных равномерность их смертности в когортах, — исключаем, поскольку дети, бывшие на половину 1920 старше 3 лет, родились до половины 1917. Остальные две трети дают нам по отношению к родившимся в данной зоне 1 509 человекам 8,84% смертности, по этому проценту мы по приведённой выше формуле корректируем графы второго вертикального ряда таблицы для переноса в третий, а также разносим для групп 1-2 лет коррекцию, и переносим рождаемость этих групп из второго вертикального ряда в третий. В итоге получаем следующую таблицу, последний вертикальный ряд которой даёт нам вероятную рождаемость с половины названного года до половины следующего.

Год рождения	Дожившие до переписи 1920	Они же плюс умершие в возрасте до 1 года	Все названные плюс умершие в возрасте 1-3 лет
1917	40 266	44 840	49 188
1918	25 707	28 627	31 403
1919	16 636	18 526	18 526
Итого:	82 609	91 993	99 117

Обратимся к вопросу о населении Области Войска Донского в 1916 и 1917 годах. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года с поправками, внесён-

ными на основе городской анкеты 1917 года Совещанием ведущих статистиков России 27-30 июня 1917, показывают наличное население Дона без находящихся в армии и временно отсутствующих в количестве 3 600 800 человек.[193] Данные переписи 1917 относительно Области Войска Донского получились, это надо прямо сказать, дефектными — очевидно, из-за политического брожения казачества в его реакции на Февральскую революцию 1917 и недоступности донской провинции для счётчиков. Однако число отсутствующих донцов, в том числе мобилизованных в армию и числящихся за ней (даже погибших, пленных, пропавших без вести), показано в опубликованных позднее материалах переписи 1917 довольно, на наш взгляд, достоверно. Возможно, это число получено ЦСУ не из переписи, но из доброкачественных документов Военного министерства, и, несомненно, взвешено перед публикацией с исчислениями и коррекциями по материалам переписи 1917, произведёнными ЦСУ в 1919. Для получения минимального, но достоверного результата, мы не будем причислять к наличному населению всех отсутствующих, но только мобилизованных и числящихся за войсками — как живых, так и погибших и пропавших без вести. Это число — 290 795. [194]

Очень важно, что все статистические и исторические источники, начиная с Совещания статистиков лета 1917 и разработок ЦСУ и кончая публикациями 1961-1962 годов, отождествляют наличное и постоянное население в 1916 году с наличным и постоянным населением в 1917 по соответствующим показателям. [195] Иначе говоря, подразумевается тождество наличного населения обоих лет, тождество количества донцов, числящихся за войсками (включая погибших, пленных и пропавших без вести, числящихся как мобилизованные).

Такое отождествление допустимо лишь в одном случае: если между половинами 1916 и 1917 понижение рождаемости и повышение смертности мирного населения пришли в соотношение равенства, и естественный прирост свёлся к нулю. Очевидно, названными источниками и публикациями подразумевается именно такое положение. Разумеется, при этом ещё не производится подсчёт жертв войны среди мобилизованных.

Другой источник по независимо опубликованным данным ЦСУ подтверждает показанное положение и полагает его типовым для всей страны: естественный прирост за годы 1 мировой войны ничтожен, но всё же выше нуля. С 1915 падает рождаемость, с 1916 повышается смертность, в 1916 по данным ЦСУ рождаемость

и смертность приблизительно сравнялись, а в 1917 началась естественная убыль.[196]

В связи со сказанным надо провести грань между демографическими процессами, и она проляжет по второй половине 1917 года. Экономический и политический кризис после Февральской революции 1917 привёл к появлению этой грани — переходу от прироста к убыли населения, наслоился на отрицательное — но не катастрофическое — влияние Мировой войны и стал переводить это влияние в демографический упадок. Октябрьская революция и начавшаяся война на самой территории России, во всех без исключения её частях, и волна голода в результате аграрной революции — перевели демографический кризис и упадок — в катастрофу. Вторая половина 1917 и является зоной демографического слома. Разумеется, советские статистические источники так прямо это не формулирует, но цифры говорят сами за себя — и соответственно против обеих революций 1917.

Мы полагаем, что в конечном счёте отождествление населения 1916 и 1917 годов, рождаемости и смертности с половины 1916 до половины 1917, принятие нулевого за этот период и ничтожного за весь период войны естественного прироста — и для всей России, и для Дона, — есть принятие минимальных величин для последующих исчислений. В самом деле, из позднее опубликованной статистики явствует, что война снизила естественный прирост за годы 1914-1917 лишь до 1/3 довоенного, и рождаемость в среднем была весьма выше смертности: ведь, как бы то ни было, население России в границах 1917-1939, куда входит весь Дон, увеличилось за годы 1 мировой войны свыше чем на 4 миллиона челвек, [197] иначе говоря, давало в среднем свыше чем миллионный годовой прирост.

Для благополучного, не знавшего не только голода, но и лишений за все 1914-1917 годы Дона говорить о демографической значимоости повышения довоенной нормы смертности никак не приходится.

Поэтому, даже если принять в качестве минимума нулевой естественный прирост на Дону между половинами 1916 и 1917, его следует связать с падением рождаемости. Исходя из сказанного, мы будем рассматривать для Дона его довоенную норму смертности — 26,1 промилей в год [198] — как константу естественной смертности для 1916 и для 1917, исключая в отдельный разряд исчислений чисто военные потери донцов за период 1 миро-

вой войны. Эту же константу мы будем считать, при презумпции минимального — нулевого — естественного прироста между половинами 1916-1917 годов, — нормой рождаемости между половинами этих годов.

Поскольку мировая война не принесла в естественное движение населения естественной убыли и не повысила норму смертности на Дону, и поскольку мировая война в историческом смысле событий кончилась для России с момента провозглашения её новым, Советским, правительством Декрета о мире, а с этого момента началась уже другая, коммунистическая внешняя и военная политика, — постольку мы будем считать названную константу 26,1 промилей смертности в год — нормой естественной, действительно естественной, природной смертности и для последующих лет 1917-1920. Повышение же смертности за счёт войны на самой территории России, за счёт захвата Дона немцами по Брестскому миру, за счёт превращения донских окрестностей, по словам советских источников, в «Красный Верден» [199] за счёт террора, «расказачивания», голода, эпидемий, тяжёлых условий жизни, отсутствия медицинской помощи и т. д. — мы будем рассматривать по другому разряду, как демографические пертурбации войны 1917-1920 годов. И ещё одно примечание. Подводя ниже итог людских потерь Дона за 1917-1920 годы, мы будем учитывать эмиграцию донцов из России. Вместе с тем мы не сможем, за отсутствием каких-либо сведений, учесть миграцию донцов внутри России. Нам представляется, что этот неучёт вполне допустим. Во-первых, мы также не учитываем для населения Дона половины 1917 года, то есть для исходного к последующему балансу, отсутствующее на месте жительства в момент переписи в августе 1917 мирное население, а ведь часть его в процессе последующей миграции столь же успешно могла вернуться на Дон, сколь успешно другая часть донцов могла мигрировать за пределы Дона. А таких отсутствующих мирных жителей было летом 1917 около 40 000 человек. [200] Во-вторых, мы не присчитываем к населению 1917, исходному для последующего баланса, всё-таки имевший место положительный естественный прирост с половины 1916, который, если принять его за половину довоенного, тоже даёт повышение населения на 40 000 человек. В-третьих, — в не в-последних, — сколь-нибудь успешной миграции на Дон и с Дона в 1918-1920 — просто не было и не могло быть. Границы Дона оказались границами военных действий, границами Красного Вердена — Царицына — с северо-востока; Украинского Вердена — с северо-запада, с Донбасса, —

на этой границе Дона сражалось между собой попеременно до десятка политических противников; границами Кубанского Вердена с юга, где дислоцировалась Белая Армия и где долгими периодами лежала красно-белая линия фронта; а на самом Дону в периоды его оккупации красными силами господствовало военное положение, в станицах и хуторах стояли вооружённые отряды, ревкомы и ревтрибуналы, которые имели единственной целью — по выражению тогдашнего трибунальца — «пройти Карфагеном» по Дону. [201] Единственный вид миграции между внешними Верденами и внутренним Карфагеном был для донцов — предписанная цитированным выше постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) депортация станичников на Север, но и она сорвалась из-за Донского восстания весны-лета 1919 и разгрома Южного красного фронта. Это шествие по Дону Карфагеном было продолжено только в 1920, но разгар его пришёлся на время уже после переписи 1920; впрочем, ведь и депортированные казаки — не выжил ни один, не осталось ни следа, ни упоминания.

Подводя итог сказанному, следует прямо заявить, что вся методика наших исчислений баланса потерь населения Дона за 1917-1920 годы содержит от исхода до итога некоторое принижение этих потерь. Мы делаем как бы поправку на возможные ошибки принятых данных, — и эта попровка содержит как бы преизумпционную фору социалистическому правительству, в ходе политики которого произошли исчисляемые потери.

Обратимся к непосредственным исчислениям. На основании изложенного выше следует для исходных исчислений принять для населения половины 1916 года — сумму наличного и мобилизованного населения, то есть 3 891 595 человек. Для половины 1917 следует условно принять это же число, но для реального счёта следует уже вычесть военные потери донцов.

В принципе, было бы правильней разнести военные потери по всем годам войны, как это и было в действительности, но состояние источников не позволяет сделать этого для отдельных губерний и для Донской области. Кроме того, это не представляется необходимым для настоящего исследования, рассматривающего демографические процессы не до, а после Октября 1917. Поэтому военные потери Дона — убитых, умерших от ран, пропавших без вести и не вернувшихся из плена, — короче, мобилизованных на войну и не вернувшихся в станицы и хутора Дона — мы рассмотрим как целокупность, выбывшую из населения условно между половинами 1916 и 1917 годов, а без этих

потерь столь же условно будем полагать население Дона на половины названных годов тождественным.

Для сосчёта военных потерь мы снова прибегаем к уже использованному нами выше источнику — выборочному обследованию А. И. Гозулова. На небольшой стихийной выборке (random sample в терминах теории статистики) в 18 090 человек населения Донского округа по данным А. И. Гозулова погибло и пропало без вести за I мировую войну 219 человек и пало в прямых боевых операциях войны 1917-1922 годов — 673 человека.[202] Основные военные и повстанческие действия, в каких принимали участие донцы, происходили в 1917-1920 годах, во всяком случае именно в эти годы они были наиболее кровопролитными. Поэтому при экстраполяции данных обследования А. И. Гозулова на всё донское население сконцентрируем боевые потери войны на территории России на периоде 1917-1920 годов. Возможная ошибка лишь несколько сместит соотношение боевых потерь и гибели мирного населения в сторону незначительного уменьшения гибели последнего, что опять-таки даёт принятую нами презумционную фору большевикам.

Мы должны экстраполировать потери донцов в I мировой войне на население Дона в 1916 году — на 3 891 595 человек, а потери донцов в открытых боевых действиях 1917-1920 годов — на население Дона в половине 1917, то есть на разницу между 3 891 595 и потерями донцов в I мировой войне.

Экстраполяция стихийной выборки на большую массу требует введения специальной методологии, в нашем случае — биономического распределения (bionomical distribution).

Отметим для сравнения, что советские статистики, если они вообще работают с реальными, а не идеальными предположительными (должными!) цифрами (последним 80 лет занимался академик С. Г. Струмилин и продолжает его школа, а в области демографии — вообще почти все советские авторы), обычно механически экстраполируют данные стихийной выборки на большие массы. Например, академик В. С. Немчинов в своей статистике урожайности по выборкам с опытных полей, — необоснованно применяя распределение Пуассона, получал результаты, арифметически превышающие действительность на 25%, и эта методологическая безграмотность и политическая предвзятость главы советской статистики была не из последних причин голода 1932-1934 годов. Орудийное, беспринципное использование статистики ввёл уже В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» (уже молчим о «Капитале» К. Маркса)...

Чтобы провести экстраполяцию по данным А. И. Гозулова, применим следующий трёступенчатый метод.

Во-первых, кроме долей искомых распределений в выборке — величины ω — найдём возможную ошибку распределения, отклонение распределения, называемое стандартная девиация (standard deviation) — величину μ.

Во-вторых, возьмём, как это принято делать в статистических исследованиях, утроенное отклонение — три стандартных девиации — 3μ, (что даёт вероятность 0,997 за то, что доля полученного результата в генеральной совокупности окажется в установленных пределах, то есть что действительность потерь во всём населении будет: ω результат $\pm 3\mu$) и присоединим её к распределённому (распространённому на всё население) ω. Тогда $\omega + 3\mu$ явится величиной как бы презумпционного максимума, а $\omega - 3\mu$ явится величиной как бы презумпционного минимума (PMax и PMin). Если результат важен для нас не как количественная зона, а как абсолютное число, мы в каждом случае можем обосновывать выбор презумпции. Для объективности нашего исследования мы предпочитаем делать выбор презумпции в пользу большевиков, рассматривая убитых в I мировой войне, то есть не коммунистами, через максимум и оставляя на счету коммунизма минимальные величины.

В-третьих, чтобы избежать механической манипуляции цифрами, презумпционные исчисления должны быть введены в разумную и максимально близкую со смежными данными по другим источникам зону. Тогда мы получим одновременно и наиболее объективные (элиминирующие мировоззрение наблюдателя), и наиболее статистико-математически уравновешенные результаты. Такой презумпционный оптимум (PO) будет средней величиной между распределением на генеральную совокупность и либо презумпционным минимумом, либо — как в нашем донском случае — презумпционным максимумом.

Формулы решения таковы:

$$(1) \qquad \mu = \sqrt{\frac{\omega\,(1-\omega)}{n}\left(1-\frac{n}{N}\right)}$$

где ω — доля выборки, в нашем случае — доля погибших от обследованного населения,

n — численность выборки — величина обследованного населения,

N — численность генеральной совокупности — население Дона в 1917.

$$PMax = (\omega + 3\mu)\ N$$

(2) $$PMin = (\omega - 3\mu)\ N$$

(3) $$PO = \frac{(\omega N) + [(\omega \pm 3\mu)\ N]}{2} = (\omega \pm 1{,}5\mu)\ N.$$

Мы хотели бы подчеркнуть, что при изучении истории СССР, особенно демографических потерь и повстанчества, вводимый трёхступенчатый метод имеет первостепенное значение: советские переписи для наших целей совершенно не разработаны, но имеется множество разнообразных выборочных данных в источниках, и по ним, используя вводимый метод, появляется возможность получить объективные результаты в объёме массовых величин путём экстраполяции стихийных выборок.

Введём обоснованные выше исходные донские данные в приведённые формулы.

$$\omega = \frac{219}{18090} = 0{,}01210614$$

$$\mu = \sqrt{\frac{0{,}01210614 \times (1 - 0{,}01210614)}{18090} \times \left(1 - \frac{18090}{3\,891\,595}\right)} = 0{,}0008112$$

$$PO = (0{,}01210614 + 0{,}0012168) \times 3\,891\,595 = 51\,847$$

Итак, на фронтах I мировой войны погибло, пропало без вести, не вернулось с полей сражений и из плена около 52 000 донцов. Исходя из предложенных и обоснованных выше данных о соотношении населения Области Войска Донского в половинах 1916 и 1917 годов, исчислим население Дона на конец лета 1917. Оно будет условно 3 839 748 человек.

Теперь можно исчислить потери населения Донской области в открытых боевых действиях войны 1917-1920 годов.

$$\omega = \frac{673}{18090} = 0{,}03720287$$

$$\mu = \sqrt{\frac{0{,}03720287 \times (1 - 0{,}03720287)}{18090} \times \left(1 - \frac{3\,839\,748}{18090}\right)} = 0{,}00140382$$

$$PO = (0{,}03720287 + 0{,}00210573) \times 3\,879\,748 = 150\,935$$

Итак, боевые потери населения Дона в войне 1917-1920 годов исчисляются в количестве примерно 150 000-151 000 человек.

Следует учитывать, что в составе белой Добровольческой армии донцы имели самостоятельное воинское формирование — Донскую армию, которая в 1918 году понесла большие потери

и к весне 1919 года, то есть к началу самостоятельного Донского восстания, в котором она не участвовала, насчитывала 15 000 бойцов и командиров.[203] Всего же белые армии потеряли на Южном фронте, как сказано выше, не более 50 000 человек за 1918-1919 годы, в 1920 они уже почти не вели боевых действий, максимальная их численность — на лето 1919 — достигала 85 000 человек, а за всё время военных действий на Южном фронте участвовало со стороны Белого движения не свыше 200 000 человек.[204] На момент переписи 28 августа 1920 года всего донцов во всех войсках, согласно сведениям ЦСУ, находилось 110 215 человек,[205] очевидно, прежде всего имеются в виду донцы в Красных войсках.

Вместе с тем, только в одном восстании весны-лета 1919 года на Дону принимало участие не состоявших в Донской армии, Красной армии и белом движении до 35 000 человек, по новейшему источнику с опорой на архивы — 25 000 конных и 10 000 пеших повстанцев,[206] а с тылами — до 100 000 человек.[207]

Но весьма кровопролитное повстанчество было на Дону и в 1918, и в 1920. Исходя из сказанного и взвешивая приведённые данные, мы считаем уместным остановиться на следующей сумме военных потерь донцов в войне 1917-1920 годов. Погибло в боевых действиях, принимая участие в Белых и Красной армии — 50 000 человек донского населения.

Погибло в открытом повстанчестве, в непосредственных боевых действиях — 100 000 человек донского населения. Цифры, разумеется, округлённые.

Обращает на себя внимание и очень важно для выводов всей нашей работы, что донцов-повстанцев погибло в 2 раза больше, чем донцов-армейцев. Потери повстанцев Дона в два раза больше, чем — другие сравнения — потери всех армий белого движения на Южном фронте за всю войну 1917-1920 годов, и это ещё один показатель размаха повстанчества.

Теперь мы имеем достаточную базу для построения сводных таблиц. Мы используем для первой из них предыдущую лемму — таблицу рождаемости; используем данные наших исчислений о населении Дона в половинах 1916 и 1917 годов; все проанализированные выше данные о рождаемости, смертности и естественном приросте. Остальные показатели таблицы естественно-вероятностных демографических процессов на Дону в 1916-1920 годах — исчисляются нами по введённым в таблицу данным. Точность цифр в таблице имеет, разумеется, чисто служебное значение,

исключительно для исчислений. Для выводов следует все данные округлять.

Год	Вероятное население в половине года при отсутствии дополнительных факторов убыли	Рождаемость с половины года до половины следующего года		Смертность с половины следующего года при отсутствии дополнительных факторов убыли		Естественный прирост с половины года до половины следующего года при том же условии	
		Абс.	‰	Абс.	‰	Абс.	‰
1916	3 891 595	101 571	26,1	153 418	39,42281	—51 847	—13,32
1917	3 839 748	49 188	12,81022	100 217	26,1	—51 029	—13,29
1918	3 788 719	31 403	8,28855	98 886	26,1	—67 483	—17,81
1919	3 721 236	18 526	4,97845	97 124	26,1	—78 598	—21,12
1920	3 642 637	...	...	...	...	...	...
Итого за 1916-1920	3 642 637	200 688	5,157%	449 645	11,554%	—248 957	—6,397%
Итого за 1917-1920	3 642 637	99 177	2,58%	296 227	7,71%	—197 110	—5,13%

Итак, вероятное население Донской области летом 1920 года при реальной (то есть резко пошедшей на спад и много ниже довоенной) рождаемости 1917-1920 годов и при естественной (только естественной) смертности в довоенных нормах — должно было составлять, без революции и последовавшей за ней войны на территории России, ориентировочно 3 642 637 человек. На самом деле, по переписи 28 августа 1920 года население 9 округов Дона в прежних границах Области Войска Донского составляло только 2 212 670 человек[208] и ещё 110 215 человек были переписаны особым порядком (очевидно, находились в войсках).[209] Таким образом, население Дона в половине 1920 составляло только 2 322 885 человек, а вероятные потери за 1917-1920 год составляли гораздо больше половины этого числа — 1 319 752 человека. Из этого дефицита очень небольшая часть приходится на эмиграцию военных донцов и мирного населения Дона с армиями А. И. Деникина и П. Н. Врангеля из России — 28 000 человек.[210]

1 291 752 человека, то есть около 1,3 миллионов человек составляют безвозвратные потери населения Дона только за 1917-1920, а за все годы войны 1917-1922 годов гибель населения Дона от всего комплекса причин приближается, как уже показано выше — к 2 миллионам человек и составляет больше половины дореволюционного населения Дона.

Из безвозвратных потерь за 1917-1920 года только 50 000 приходится на убитых в белых и красных армиях, то есть на то, что принято называть гражданской войной. Остальные почти 1,25 миллиона человек — это погибшее население, из них 100 000 повстанцев, остальные умерли от красного террора, подавлений Дона как такового — или, как говорили в те годы, «Русской Вандеи», — голода, эпидемий и всей послереволюционной политики.

Никак не будет преувеличением заключить, что за 1917-1922 годы около

1 миллиона человек

на Дону — было просто физически истреблено.

До революции 1917 года на Дону было 1 508 000 человек, относившихся (вместе с семьями) к казачьему сословию,[211] они составляли 39,27% населения. Очевидно, что в результате политики «расказачивания», провозглашённой Постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) в январе 1919 года, основной итог в 1,3 миллиона безвозвратных потерь населения Дона приходится именно на донское казачество. По данным переписи конца 1926 года процент казачества на Дону много ниже, чем, например, на Кубани или на Тереке.[212]

Не будет преувеличением заключить из всех приведённых данных, что в результате целенаправленной политики коммунистическая партия и советское правительство физически уничтожили примерно 70% донского казачества.

Следует подчеркнуть, что казаков уничтожали именно по принципу принадлежности к определённой исторически сложившейся группе людей, с её вековыми обычаями, родом занятий, обрядностью, одеждой, топонимикой, особым национальным самосознанием, мифологией и фольклором, и именно эти критерии лежали в основе политики расказачивания.[213] Вполне строго говоря, можно утверждать, что казаков уничтожали — по их этническим признакам.

Возможно, и не будучи отдельной нацией, отличной от великорусской нации, — казаки, тем не менее, осознали себя как

отдельную нацию, и их внешне-этническое отличие от других жителей России было как бы признано политикой расказачивания.

Тем самым в уничтожении 70% донского казачества и около половины населения Дона, около 2 миллионов человек за пять революционных лет, — слились не только особая социальная политика революции, но и — это следует сказать прямо — достаточно самоосознанный геноцид.

Соберём итоги нашего исследования по Дону в сводные таблицы.

Сначала произведём обзор результатов только за 1917-1920 годы, а потом сравним основные демографические процессы на Дону за декаду, включающую Мировую войну, Революцию и Войну 1917-1922 на территории России.

Население Области Войска Донского летом 1916 года вместе со всеми мобилизованными	3 891 595
Погибло и не вернулось за I мировую войну	51 847
Население Области Войска Донского летом 1917 вместе с мобилизованными за вычетом потерь в I мировой войне	3 839 748
Естественная убыль населения Дона за 1917-1920	197 110
Вероятное население 9 округов бывшей Области Войска Донского на лето 1920 года при реальной рождаемости 1917-1920 и при естественной смертности в довоенных нормах	3 642 637
Население 9 округов Донской области с добавление отсутствующих по переписи 28 августа 1920	2 322 885
Дефицит населения Дона за 1917-1920	1 319 752
Эмиграция населения Дона из России	28 000
Безвозвратные потери населения Дона за 1917-1920	1 291 752
Из них боевые потери на полях войны 1917-1920	150 935
В том числе потери донцов в Белых и Красной армиях	50 000
Боевые потери повстанцев	100 000
Потери мирного населения Дона в 1917-1920 годах от политики расказачивания, подавлений, красного террора, голода, эпидемий и военного коммунизма	1 140 817
Потери населения Дона (вместе с повстанцами) без потерь донцов у красных и белых за 1917-1920	1 241 752

Сравним наши итоги.

Безвозвратные потери населения Дона за I мировую войну	51 847
Безвозвратные потери населения Дона за революцию и войну 1917-1920	1 291 752

Общие потери за 1914-1920 за обе войны	1 343 599
Процент потерь за I мировую войну от общего итога	3,86
Процент потерь за 1917-1920 от общего итога	96,14
Процент боевых потерь донцов в 1 мировой войне от населения Дона 1916 года	1,33
Процент безвозвратных потерь населения Дона за революцию и войну 1917-1920 годов от населения Дона в 1917 году	33,64 (или больше трети)
Процент населения Дона, погибшего за годы революции и войны 1917-1920 без потерь в красных и белых войсках от населения Дона в 1917	32,32 (или около трети)
Погибло донцов за годы революции и войны 1917-1922 (цифра приблизительная)	2 000 000
Они же к населению Дона в 1917	свыше 50%
Из них физически истреблено в ходе политики расказачивания (цифра приблизительная)	1 000 000
Погибло и уничтожено донского казачества за годы революции и войны 1917-1922 (приблизительно)	70%

Остаётся отметить историографический и национальный аспекты донской проблемы. Уничтожение за несколько лет, а точнее за несколько месяцев 1919-1920 годов, около 2 миллионов человек — масштаб, до XX века и социализма неизвестный. По относительному масштабу — уничтожение свыше 50% населения огромной четырёхмиллионной области и около 70% однородной социально-этнической группы населения — можно сравнить только с завоеваниями Древности, варварским нашествием на Европу или колонизационными завоеваниями новых континентов. Очевидно, все эти черты были и в социалистическом завоевании России.

В XX веке «расказачивание» 2 миллионов человек открывает целую полосу социалистических массовых уничтожений — миллионов русского и украинского крестьянства в 1928-1938 в СССР и нескольких миллионов евреев в Центральной и Восточной Европе.

Повидимому, во всех этих случаях, начиная с донского, мы имеем дело с новым историческим феноменом — с тесным переплетением национальной и социальной проблемы, при «окончательном решении» которой на целые органические массы, то есть этносы или нации, переносятся социальные критерии. Собственно, даже один критерий — понятый в социальном аспекте прогрессизм. Один социализм исходит из того, что казаки — реакцион-

ная масса, мешающая революции. Другой социализм исходит из того, что евери — «плутократы», враждебные революции.

Нам важно здесь, что социализм в установлении таких теоретических критериев для практики массового уничтожения исходит именно из социально-прогрессистского мировоззрения и лишь доводит его до логического края. Этим, видимо, и объясняется тот характерный феномен историографии, что политическая наука, исходящая из тех же названных предпосылок, совершенно проигнорировала главнейший факт XX века — однородность социализма и геноцида. Нам представляется, что геноцид вытекает не из национализма, а из социализма; по крайней мере, далеко не из всякого национализма, а только из того, который является социальным, социалистическим.

Внимательное изучение истории социалистического движения подтверждает мнение о сородности социализма и геноцида. Одним из ведущих авторов, кто делил нации и их право на жизнь по критерию их отсталости и развитости, реакционности и прогрессивности, революционности и консервативности, — был Карл Маркс. Он приветствовал «самого умного из всех поляков» полковника Лапинского за то, что

> «вместо борьбы национальностей он признаёт лишь расовую борьбу. Он ненавидит армян и т. п.»[214]

К. Маркс с удовлетворением цитирует суждения Лапинского:

> «крестьяне — это природно-реакционная масса...
> Россиянин выказал себя опять настоящим татарином» и т. п.[215]

Ф. Энгельс писал:

> «На сантиментальные фразы о братстве народов, с которыми обращаются к нам от имени контр-революционных национальностей Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была поныне и является у немцев их первою революционною страстью».[216]

Совместно К. Маркс и Ф. Энгельс писали:

> «На одной стороне — революция немцев, поляков и мадьяр; на другой стороне — контрреволюция остальных народов, — всех славян (за вычетом поляков), румын и саксонцев.
> Откуда происходит это разделение наций, какие факты лежат в его основе? Разделение это соответствует всей предыдущей истории племён, о которых идёт вопрос. Оно — исходный пункт решения вопроса о жизни и смерти всех этих больших и малых наций. (...)
> Только три нации являлись в 1848 году носителями прогресса, активно вмешивались в историю и сохранили поныне свою жизнеспособность: немцы, поляки и мадьяры. Поэтому и теперь они революционны.
> Все остальные большие и малые нации и народы имеют, в качестве своей ближайшей миссии, — уничтожиться в мировой революционной буре. И поэтому теперь они контрреволюционны.»[217]

К. Маркс писал:

> «Чехи отброшены в объятия русских. И в великой войне между Востоком и Западом Европы (...) судьба ставит чехов на сторону России, то есть на сторону деспотизма против революции. Революция победит, и чехи станут первыми, которых она раздавит.»[218]

Ещё две цитаты из Ф. Энгельса:

> «При первом же победоносном восстании французского пролетариата (...) у австрийских немцев и мадьяр руки будут свободны, и они ответят славянским варварам кровавой местью. Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, — и это также будет прогрессом!»[219]
>
> «Со времени революции к ненависти к русским присоединилась ненависть против чехов и хорватов, и мы (...) утвердим революцию против этих славянских народов самыми решительными мерами терроризирования. (...) Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Тогда мы знаем, что нам делать! Тогда борьба, безжалостная борьба не на жизнь, а на смерть с изменническим, предательским по отношению к революции славянством. Тогда — истребительная война и безудержный террор — не в интересах Германии, а в интересах революции!»[220]

К. Маркс и Ф. Энгельс были не первыми носителями такой идеологии. Ещё Великая Французская революция делила нации на революционные и контрреволюционные, явилась носителем «революционного шовинизма».[221] Французские радикалы XIX века разви-

ли эту позицию, а Парижская Коммуна уже начинала воплощать в практику.[222] В течение столетия германская социал-демократия воспитывала население в соответствующем духе, — Гитлер пришёл на готовое.

В ходе революции и войны 1917-1922 годов на территории России социализм воплотил в жизнь установку прогрессистски мыслящей интеллигенции на физическое истребление реакционной массы контрреволюционной нации рабов, в завещанных К. Марксом и Ф. Энгельсом формах «кровавой мести славянским варварам», «истребительной войны и безудержного террора». Первой частью славянства и первой исторической массой, подвергшейся социалистическому геноциду, оказалось казачество Дона. Треть населения была истреблена. А. Н. Гозулов, выборочным исследованием которого мы пользовались выше, в другой работе указывает, что в ряде станиц Дона было уничтожено до 80-90% жителей.[223] Председатель Донского бюро РКП(б) С. И. Сырцов в 1919 году отмечал, что началась

«расправа с казачеством», «ликвидация казачества» — в итоге «станицы обезлюдели».[224]

Но хотя все статистические материалы, по которым мы исчислили гибель 2 000 000 человек, появились ещё в начале 1920-х годов — это опубликованные итоги переписей 1917, 1920 и 1923 годов, — и доступны в любой крупной университетской библиотеке мира, — о геноциде казачества, об истреблении миллионов людей нет в науке не только ни одного исследования, но даже буквально ни одного упоминания. Вообще, этот первый социалистический геноцид не поколебал нравственного чувства ни у одного западного интеллигента или политического деятеля, и в этом факте, наверное, одна из важных причин, почему не были предотвращены последующие геноциды в Европе.

Такой исторической лакуне, как замолчание в науке геноцида казачества, несмотря на доступность статистических материалов, — мы видим только одно рациональное объяснение — глубокую интеллектуальную сродственность той части прогрессистской мысли, которая делает историю, и той части, которая её пишет. Для прогрессистского сознания, господствующего в политической науке, донские казаки являются самым реакционным элементом среди самой реакционной массы — крестьянства — в самой реакционной стране — старой России. Являются, можно сказать, реакционерами в кубе. Казаки — символ опоры царского самодержавия и подавления европейских революций.

Один из образованнейших людей своего времени, вождь германской социал-демократии Ф. Лассаль выступал со следующими этно-политическими наблюдениями:

«Отчего русский казак так отстал в развитии? Оттого, что способен жрать сальные свечи и рад, если может напиться скверной сивухи.»[225]

Европейская интеллигенция довела пропаганду до того, что казаками матери в Европе начали пугать маленьких детей.

Как бы то ни было, для политической науки и для коммунизма остаётся общим знаменателем, что революция принесла индустриализацию, модернизацию, прогресс и т. п., и спор в политической науке идёт только о формах (о границах применения террора, например), — не о содержании.

Не случайно, в конце концов, такой крупный специалист, как М. Левин, трактует сопротивление рабочих и крестьян России социализму — как бандитизм. Движение против прогресса приобретает в трактовке объективного учёного криминальную квалификацию. Но во всех этих оценках с социальной точки зрения неизбежно присутствует, как сказано выше, и национальная аксиология.

Нам представляется, что историографическая судьба проблемы истребления донского казачества является очень важным фактом для изучения истории общественного и нравственного сознания современной цивилизации.

Теперь предстоит составить общий баланс потерь населения России за годы войны 1917-1920. Для получения исходных данных привлечём специальные разработки, проведённые нами в предыдущей, третьей главе этой книги, — в главе «Население России в 1917 году». Резюмируя несколько десятков страниц исчислений, можно получить следующий ступенчатый вывод. По сводным материалам переписей 1916 и 1917 годов с некоторыми добавлениями из расчётов Совещания статистиков 27-30 июня 1917 года и ЦСУ августа 1919 года[226] находим количество населения Российской империи (на территории 101 губернии) в 1917 году: 179 389 209 человек. Предлагаемая цифра существенно расходится со всеми прежде имевшими место исчислениями: в сторону уменьшения сравнительно с официальной дореволюционной статистикой, в сторону большого увеличения сравнительно с расчётами дореволюционной прогрессивной научной общественности и советской официальной и полуофициальной статистики. Разбор ошибок дореволюционной статистики в определении общего ко-

личества населения России и анализ методологической несостоятельности исчислений прогрессивной общественности (то есть меньшевиков) и советской статистики (тех же самых меньшевиков, но уже на службе) были проведены в упомянутой третьей главе нашей книги, и здесь мы не будем на этом останавливаться. Подчеркнём лишь, что наши выводы базируются на первоисточниках — переписях населения, тогда как выводы досоветских и подсоветских социал-демократов от статистики содержат простое механическое заменьшение официальных дореволюционных прикидок, то есть базируются на предрассудках о работе «царских учреждений». Кроме того, советские (приготовленные социал-демократами-спецами) расчёты имеют целевую установку занизить дореволюционное количество населения, чтобы скрыть потери от революции. За деталями отсылаем читателя к нашей предыдущей главе.

179 389 209 человек в 1917 году — это гросс-население бывшей Российской империи, то есть найденное переписями постоянное население, включающее всех живых людей и всех состоящих на военной службе, о ком родственникам дополнительно неизвестно, что они уже мертвы, и кого родственники соответственно записали в переписных листах как временно отсутствующих по мобилизации. Тем самым, в переписи попали люди, которые в течение 1917 года убиты на фронте, умерли от ран и умерли на фронте и в войсках от болезней, все русские пленные, включая умерших в плену (известий о них у родственников ещё не было) и все пропавшие без вести за все годы войны 1914-1917. Все эти названные категории уже несуществующих на время социалистической революции людей мы находим по русским, советским и немецким статистическим источникам (умерших в плену и пропавших без вести — по немецким и австровенгерским данным, найденным в архивах генералом Н. Н. Головиным).[227] Общее число, включающее безвозвратные потери 1917 года и умерших в плену и пропавших без вести за 1914-1917 годы, определяется нами в процессе сложных исчислений по указанным источникам в 1 375 064 человека.

За вычетом этого числа из гросс-населения получаем нетто-население, то есть реально существовавшее население 1917 года в границах Российской империи — 178 014 145 человек.

Следующая стадия расчётов — перенос нетто-населения на территорию СССР в границах после 1917 года, то есть на территорию в границах 1924-1939 годов без Бухары и Хивы. Методом исчисления плотности населения на 1 квадратную версту на территориях отошедших от России и не вошедших в СССР губерний и уездов по специальному справочнику ЦСУ о территориальном распределении[228] находим отошедшее от России население 1917 года: 31 477 972 человека. Это гросс-население, а оставшееся в пределах будущего СССР гросс-население исчисляется в 147 911 237 человек.

По равномерному распределению показанных выше потерь на всё население России без Финляндии (откуда не было призыва на войну), находим, что на попавшее в пределы СССР гросс-население России 1917 года приходится 1 155 717 человек потерь. Таким образом, нетто-население 1917 года в пределах будущего СССР — 146 755 520 человек. Такова исходная цифра населения, которое с октября 1917 года оказалось в зоне работы социалистической революции. На той же территории перепись 28 августа 1920 года по собранным нами самым максимальным итогам (и вместе с находящимися в армии) находит только 134 569 206 человек.[229]

Дефицит населения — 12 186 314 человек. Таким образом, за неполных 3 первых года социалистической революции на территории бывшей Российской империи (с осени 1917 по 28 августа 1920) население потеряло 8,3% своего исходного состава. Исследованию этого процесса будет посвящена следующая, пятая глава настоящей книги. Пока же представим ориентировочный баланс потерь.

Население в границах СССР 1924-1939 годов без Бухары и Хивы перед революцией 25 октября 1917	146 755 520
Население СССР по переписи 28 августа 1920	134 569 206
Дефицит за 1917-1920	12 186 314
Эмиграция из России[230]	860 000
Безвозвратные потери	11 326 314
Естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью)[231]	873 623
Потери от революции и её войны без естественной убыли	10 452 691
Погибло на фронтах, при подавлениях и умерло от болезней со стороны Красной Армии, Продармии, ВЧК, ВОХР[232]	900 000
Убито повстанцами и зелёными сторонников Советской власти и советских служащих (невоенных)[233]	100 000
Убито на фронтах, умерло от ран и болезней участников белого движения[234]	300 000
Убито в боях повстанцев и зелёных[235]	1 000 000

Убито белыми при подавлениях, карательных экспедициях, расстреляно и умерло в тюрьмах у белых[236]	200 000
Погибло мирного населения от межнациональных конфликтов на Украине, в Средней Азии, Закавказьи и при нападениях красных, зелёных, белых и иностранных формирований на мирное население (погромы, захваты городов и сёл и т. д.)[237]	500 000
Умерло мирного населения от голода, эпидемий и отсутствия медицинской помощи[238]	2 500 000
Расстреляно органами советской власти, умерло в тюрьмах, пало от красного террора и в результате массового уничтожения мирного населения в зонах подавления народного сопротивления[239]	около 5 000 000
Итого потери от революции за первые неполные 3 года без эмиграции и без естественной убыли	около 10 500 000
Из них мирного населения (без служащих)	8 200 000

На самом деле, из общего числа погибших за эти неполные три года, мирного населения уничтожено ещё больше, ибо: кто такие повстанцы, павшие на поле боя? — крестьяне, защищавшие свои сёла и семьи от продразвёрстки. Если к тому же учесть, что счёт, приходящийся на ответственность белых и зелёных нами взят по советским источникам по максимуму (см. соответствующие примечания к таблице), то реальные соотношения ещё более сдвигаются в сторону увеличения гибели мирного населения от красного террора и революционных подавлений. Наконец, и графа «естественная убыль» требует разумной интерпретации: почему убыль? уместен ли здесь принятый в науке термин «естественная»? ясно, что превышение смертности над рождаемостью без внешней войны есть явление противоестественное и тоже относится к демографическим итогам революции и социалистического эксперимента.

Полезно провести следующее сравнение. За три года подавления предыдущей революции, в 1906-1908 годах, власть того времени казнила, по подсчётам общественности (завышенным[240]), — 2 200 человек,[241] причём исключительно террористов и экспроприаторов.[242] За три неполных года революции, 1917-1920 до осени, уничтожено новой властью только путём террора и подавлений около 6 000 000 человек — участников народного сопротивления и просто мирных жителей сёл и городов России (и это — без жертв участников белого движения), из названного числа уничтожено новой властью путём террора — 5 000 000 мирного населения (и это не считая жертв разгрома городов и сёл, погромов национальных меньшинств и т. д., в чём формирования Красной армии тоже отличались больше, чем белые, и не меньше, чем зелёные).

Таким образом, мирного населения от террора новой власти за неполные её три первые года уничтожено в 2 270 раз больше, чем прежняя власть за такой же срок и в такой же экспериментальный период уничтожила террористов в защиту порядка и мирного населения.

Такова количественная и — что особенно важно — качественная разница двух политических систем, существовавших на территории России — одна до, другая после 1917 года. Здесь начинает работать закон больших чисел, и должна прекратиться демагогия, до сих пор господствующая по этому вопросу в политической науке.

Всё это кажется на этих страницах элементарным, и на этом не стоило бы заострять внимание, если бы в многочисленной (разумеется, не официальной советской, но и не лучшего уровня) литературе научной и якобы научной этот простой вопрос не подвергался бы искажениям разного рода. Вообще-то искажения очень полезны в науке, как начало эвристическое. Но у искажённых толкований природы и происхождения описываемого террора существует иная, далёкая от научных интересов, причина: авторы соответствующих логических построений не могут не ощущать своего общего интеллектуального происхождения с авторами соответствующих акций и поэтому стараются списать эти акции на безответного старца Филофея.

На самом деле, количественным и прежде всего качественным анализом приведённых по ходу настоящей работы статистических выкладок — снимаются все аналогии двух политических систем, до и после 1917, все теории преемственности, реставрации и т. д. Здесь уместно воспользоваться гегелевской формулой: количество переходит в какое-то исторически (или даже метаисторически) новое качество. Это новое качество, определяющее социализм от его первых практических дней, и является, на наш взгляд, тем фактором, который послужил одной из основных причин победы социализма.

Нам представляется, что серьёзным исследователям следует изучать это вполне реальное новое качество, вместо того, чтобы искать квазинаучный флогистон-вековой деспотизм, вековое рабство населения и т. п. Во всяком случае, данные статистики опровергают все эти легенды.

Наличие тысяч восстаний, очевидное из приведённой таблицы, миллионные цифры их участников, стоящие за примерно

1 000 000 их жертв, — убедительно опровергают все концепции о русской революции, о незначительности сопротивления, об участии действительных народных масс в приходе социализма в эту страну. Наконец, вряд ли кто-либо из учёных теперь решится называть повстанческие миллионы — бандитами.

Следующий вывод, вытекающий из чтения сводной таблицы, и впервые появляющийся в научной литературе, — говорит о том, что военные действия между народным повстанчеством и организованной коммунистами армией охватывали количественно примерно в три раза больше участников, чем война между белым движением и той же Красной армией.

Тем не менее, социализму, воевавшему против двух сил — белого движения и численно в три раза большего повстанчества, — удалось временно победить национальные силы России. Мы хотим подчеркнуть, что важнейшей причиной победы является именно уничтожение гигантских масс в зонах сопротивления и всех мало-мальски потенциально активных элементов. Иначе говоря, побеждает фактор наличия в социалистической революции явления, которое уместно назвать демографической революцией. Покажем это на материале таблицы возрастных когорт и полового состава населения в Верхне-Донском округе Донской области в 1920 году, то есть после возвращения коммунистов в зону 100 000-ного восстания. Таблица взята из переписи 28 августа 1920.[243]

Возрастные группы	Количество мужчин	Количество женщин	На 100 женщин приходится мужчин (исчисление наше по формуле): $r = \frac{M}{Ж} \times 100$
0 — 9 лет	17165	17548	97,8
10 — 19	17388	20187	86,1
20 — 24	2079	6386	32,6
25 — 29	1713	6238	27,5
30 — 39	3414	9193	37,1
40 — 49	3394	7133	54,6
50 — 59	3063	5350	57,3
60 лет и старше	3472	4663	74,5

Аналогична, согласно тому же источнику, структура населения в результате революции по всему Дону:[244]

Возрастные группы	Количество мужчин	Количество женщин	Процент мужчин во всём населении	На 100 женщин приходится мужчин
0 — 9 лет	249656	250015	49,96	99,9
10 — 19	244792	271478	47,4	90,2
20 — 24	31676	86578	26,8	36,6
25 — 29	31160	81110	27,8	38,4
30 — 39	58617	115880	33,6	50,6
40 — 49	72391	93319	43,7	77,6
50 — 59	57158	72914	43,9	78,4
60 лет и старше	62411	73378	46,0	85,1

Как видно из таблиц, были выбиты целые возрастные когорты, и женские, и мужские особенно в возрасте 20-50 лет, основной удар пришёлся естественно на мужчин, причём такой, что из примерно 250 000-ной мужской когорты 20-30 лет по всему Дону уничтожалось около 190 000 человек.

Сопоставимые по масштабу отношения можно получить и по другим частям России. Они характеризуют и масштабы повстанчества и сопротивления, и механизм работы демографической революции, давшей победу социализму.

В терминах цитированного выше постановления Оргбюро ЦК РКП(б) это и было «поголовное истребление». Вместе с тем, это было и поголовное сопротивление, и видно, что речь идёт не о «третьей силе», а о — главной национальной силе противостоящей интернациональному социализму.

Видно из приведённой выше сводной таблицы, по которой на 1 000 000 потерь мобилизованной социализмом армии приходится свыше 10 000 000 погибшего населения России (да и армия воевала не за социализм, а под дулом террора), — что в 1917-1920 и также позже в России не было никакой гражданской войны. Это была война универсальной исторической силы, — интернационального социализма против России и её народов посредством механизма демографической революции.

Можно высказать предположение (как всякое предположение, оно очень условно и нам нужно только для полного анализа событий), что объединённые белое движение и народное повстанчество вместе с массовым сопротивлением могли общими усилиями победить силу социализма. Однако даже допустим, что не могли. Важно здесь, что факт разъединения белого движения и народного сопротивления облегчил победу социализма. Мы уже отмечали, что многие части народного повстанчества действовали

целиком или в отдельные периоды восстания — совместно с белым движением. Так было в Ярославле летом 1918, в Ижевске и Воткинске, в Донском восстании 1919 и в ряде других. Но существеннее то, что, как мы уже пытались показать, всё в целом народное сопротивление было в сущности своей — силой антисоциалистической, национальной, консервативной, за отдельными окраинными исключениями. Иными словами, по историческому стечению обстоятельств единая патриотическая антисоциалистическая сила сопротивлялась социализму исторически едино, но событийно раздвоенно. Не две силы противостояли социализму, а одна. Но — раздвоенная. Иногда, в самые критические моменты соединявшаяся, но в основном по ходу войны действовавшая разрозненно.

И это явилось второй главной причиной победы социализма. (Первая, как уже было сказано, особая историческая сила социализма и его метод демографической революции, а также предварительное разрушение многих устоев жизни его объективной союзницей — интеллигенцией).

Также было сказано о том, что важнейшая причина раздвоенности антисоциалистического сопротивления России на белое и рабоче-крестьянское повстанчество — особая позиция интеллигенции, выразившаяся в создании большевикам аппарата гражданского управления, в создании прежде всего против белых политической «третьей силы» и — это мы считаем важным подчеркнуть — в предательстве консервативного движения. Это предательство конкретно воплощалось в бездействии интеллигенции и политической общественности в деле создания необходимого белому движению аппарата гражданского управления. Мы уже говорили, что отсутствие такого аппарата привело к тому, что белые армии на территориях своей дислокации и военных действий вынуждены были прибегать к реквизициям, чрезвычайным мерам и т. п. методам чисто военного управления, без чего при наличии аппарата управления можно было обойтись. Методы военного управления приводили крестьянское население занятых белыми территорий к убеждению, что белые такие же насильники, как и красные, и что поэтому надо воевать против большевиков обособленно, не в единстве с белым движением. Сравнительно небольшая группа профессиональных военных не могла решить всего комплекса чисто политических проблем, стоявших перед белыми как перед представительной силой России. А общественность, которая уже по одной профессиональной принадлежности своей к политике, экономике и т. п. обязана была участвовать в

решении этого комплекса проблем, не дала белому движению необходимого количества кадров. В белом движении участвовало слишком небольшое число квалифицированных политиков и экономистов — М. В. Бернацкий, П. Б. Струве, Н. В. Чайковский и немногие другие. Основная масса интеллигенции служила большевикам или заняла позицию сторонних наблюдателей в самой главной войне своей страны против разрушительной мировой силы, каковой позицией также объктивно служила победе социализма.

Это явилось третьей главной причиной поражения России.

Наконец, осталось сказать о четвёртой причине, имеющей не меньшее значение. Ясно, что полмиллиона, и менее того, активистов, рассеянных по стране, по 3 человека в каждой деревне, где они были, а они были, как показывает статистика, далеко не в каждой деревне,[245] не могли парализовать массовое сопротивление без дополнительной военной силы. Такая сила — Красная армия — была создана коммунистами далеко не сразу. В первые месяцы революции военная сила коммунистов состояла из разрозненных отрядов, и только в августе-сентябре 1918 их удалось превратить в армию в собственном смысле слова.[246] Но и эта армия, как указывалось выше, была не надёжна, и бывали острые моменты, когда только организаторская сила коммунистов удерживала от того, чтобы эта армия чуть не целиком не повернула бы против режима.[247] Для управления страной и для управления такой ненадёжной многомиллионной армией нужен был такому не имевшему опоры в населении режиму, как социалистический, некий военный костяк, ударный кулак, мобильный, на всё готовый, нацеленный на террор против всех и вся. Нужны были, говоря языком политической аналогии, военные формирования типа СС в национал-социалистической Германии. Без таких формирований вся работа социализма в России не могла увенчаться успехом. Создание таких формирований стало задачей с первых дней революции и даже в процессе её подготовки. И они были созданы, что в конечном счёте обеспечило победу социализма против более опасной силы, чем белое движение вместе взятое, — против массового сопротивления народа.[248] Эту ударную силу мы предложили бы называть — ландскнехты революции, с той существенной усиливающей разницей, что ландскнехты социализма воевали не за деньги, а движимые политической организацией и интернациональной социалистической идеологией. В литературе их называют — интернационалисты,[249] и этот термин также работает.

Это была денационализированная и деклассированная чело-

веческая прослойка, собранная, спропагандированная и сооргани-зованная из находившихся в России ко времени революции военнопленных и из люмпен-пролетариата разных стран, находившегося в России на заработках.[250] Значительная часть этой массы и была превращена в ландскнехтов мировой революции, часть из которых воевала против народа в России, а другая часть, приобретя опыт первой интернационально-социалистической революции, была разослана по миру в качестве подготовителей следующих ударов этой революции в других странах. Пропаганда и организация ландскнехтов-интернационалистов явилась делом основного ядра интернационального социализма — интернациональной социалистической интеллигенции, оказавшейся в России или съехавшейся туда сразу после революции.[251]

Эта часть работы социализма, почти совершенно не замеченная в западной научной литературе, явилась на деле одним из самых успешных мероприятий и условием успеха в войне на территории России. Советские источники недвусмысленно говорят, что до осени 1918, когда мобилизованные формирования Красной армии были малочисленны, неорганизованны и необучены, ударные отряды интернационалистов и, в частности, полки и бригады Латышской стрелковой дивизии, были основной военной силой в основных операциях, а эти операции были — подавления народных восстаний.[252]

Положение в следующие годы войны представлено ниже в сводной таблице. Она составлена по советским источникам, в которых подчёркивается, что статистические данные об интернационалистах далеко не полны, значительно заменьшены, ибо включают бывших военнопленных Центральных держав в рядах Красной армии и внутренних войсках, но упускают поляков, финнов, китайцев, корейцев, персов, сербов и других.[253] Но и в настоящем виде сводная таблица, по нашему мнению, достаточно показательна для анализа структуры вооружённых сил интернационального социализма.

Дата	Численность Красной армии[254]	В том числе интернационалисты (без Латышской дивизии)[255]	Латыш. дивизия[256]	Всего интернационалистов	% всех интернационалистов в войсках
Осень 1918	387 500	50 000	24 000	74 000	19,1
Лето 1920	3 538 000	250 000	18 000	268 000	7,6

Чтение таблицы даёт основания для серии важных заключений. Во-первых, 8-19% интернационалистов — очень высокий процент для любой армии в любой войне, и уникален в истории. Для войны же, в которой основная, набранная по мобилизации, армия — ненадёжна, требует постоянного контроля и террористических прочисток, значение такого процента ударных войск чрезвычайно возрастает. Для войны, в которой основные операции — не стратегические фронтовые, а подавление повстанчества и сопротивления коренного населения,[257] роль 8-19-процентного ударного костяка, именно на подавлениях сосредоточенного, — является, на наш взгляд, ключевой ролью в победе режима над населением. Особенно это важно для трудного коммунистам первого года революции — 1918, когда мобилизация только началась, регулярной армии почти не было, восстания не прекращались ни на день, — тогда не неуправляемые отряды красноармейцев, а 19% костяк интернационалистов спас мировую революцию от русского народа. Контролируя остальную армейскую массу, подавляя повстанчество в её рядах и являясь ударным кулаком в войне против населения, формирования ландскнехтов-интернационалистов стали главной, решающей силой социализма в 1917-1920. Следовательно, социалистический режим на территории России по существу оказался режимом оккупационным, а война 1917-1922 годов была интернационалистско-социалистической оккупацией России.

Во-вторых, при хорошо организованной постоянной переброске по территории страны,[258] гигантский ударный кулак интернационалистов был способен подавить даже 100-тысячные восстания. Социализм проявил феноменальные способности и организовал мощную стратегическо-политическую систему, способную завоевать очень большую страну с очень непокорным народом.

Следовательно, всемирно-историческое значение народного сопротивления в России состоит в том, что оно отвлекло на себя вооружённую интернациональную силу, возглавляемую самым стратегически способным политическим аппаратом в истории, и защитило остальной мир от мировой революции.

На основании изложенного можно подвести итоги наших наблюдений над новейшей историографией народного сопротивления России коммунизму.

Апофеоз политического прогресса оказался крайним выражением экономического регресса, экономической реакции, серией

революционных преобразований произвёл экономическую контрреформу и разрушил хозяйство страны, прежде всего сельское хозяйство. В качестве экономической контрреформы политический прогресс явился переломом исторического развития России, затормозил её производительные ресурсы, разрушил все основания её жизни и создал систему, квазицивилизацию нового типа. Средством утверждения новой цивилизации явилась демографическая революция — были истреблены, выбиты целые когорты населения. Утвердился интернационалистический оккупационный режим, русская история осталась только в сопротивлении ему, в сопротивлении, оградившем остальной мир от сокрушительной ударной силы социализма.

Однако вся историография новейшей истории России основана именно на исходной концепции политического прогресса. Соответственно она глубоко отрицательна в отношении старой России за то, что она несколько десятилетий боролась против социализма в Европе и на российской территории; применяя только политические оценки, апеллирующая к прогрессу политическая наука игнорирует экономический прогресс старой России и глубоко деструктивную, регрессивную в этом отношении роль интеллигенции в её интеллектуальной и политической войне против России.

Когда в оборот политической науки попали факты о террористическом характере социалистического режима на территории бывшей Российской империи, в рамках исходных прогрессивных установок не оставалось ничего другого, как создать концепцию, что в СССР не социализм и не прогресс, а каким-то сложным генетическим путём произошедшая реставрация извечного русского деспотизма, возможная благодаря рабской природе населения.

Когда появились в научном обороте факты о массовом народном сопротивлении, разрушающие легенду о впитанном веками русском деспотизме, пошли трещины по всем предыдущим концепциям прогрессивного пути в истории, возникла ситуация, в которой научно честное мышление должно отказаться от интеллектуальных верований по меньше мере трёх веков. Сдерживающая попытка найти компромисс и объявить народное сопротивление коммунизму дополнительной антиконсервативной, революционно-демократической, социалистической силой, не выдержала проверки ни фактами, ни логикой, и вызвала скептическое отношение в среде самих политических учёных.

Создалось кризисное положение науки, основанной на концепции политического прогресса. Отрицать факты она не может, но признать их — значит отказаться от собственных исходных установок в отношении русской и европейской истории нескольких веков. В этом кризисном положении один из самых серьёзных представителей политической науки не нашёл иного выхода, кроме как обвинить сопротивлявшуюся насилию и замкнувшую на себя коммунизм нацию — в бандитизме.

...

Двести лет, с апелляцией к прогрессу, твердилось: нация рабов. Когда эта нация преградила своим телом путь основному результату прогресса, и к концу 1970-х годов такое положение прояснилось, только и осталось сказать: нация бандитов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Rewriting of Russian History. NY, 1956. 2 ed. 1962.

[2] R. Conquest. The Great Terror. L., 1968. Русское издание: Рим, 1974.

[3] Там же, стр. 663, 883-884, 16.

[4] Н. С. Хрущев. О преодолении культа личности и его последствий. Доклад на XX съезде КПСС. М., 1956.

[5] В. А. Максимов. Кулацкая контрреволюция и Ижевско-Воткинское восстание. Ижевск, 1933, стр. 65. Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. Т. I. М.-Л., 1925, стр. 96.

[6] В стане контрреволюции. "Известия ВЦИК", 1918, № 156, 25 июля, стр. 2. "Шестнадцать дней". Ярославль, 1924, стр. 253. Д. Малинин. У белых под пятой. — "Шестнадцать дней", стр. 83.

[7] Стратегический очерк наступательной операции Южного фронта за период январь-май 1919 года. М., 1919, стр. 45-47. Н. Е. Какурин. Ук. соч., стр. 96-98. М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. III. М., 1936, примечание к главе 57, стр. 364-366. В других изданиях эпопеи историческая справка отсутствует.

[8] М. Кубанин. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). — "На аграрном фронте", 1926, № 1, 2. И. Н. Кольбин. Борьба за Волгу и Каму в 1918 году. Л.-М., 1931. Г. Семенов (Васильев). Военная боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 годы. М., 1922. Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, стр. 177-271. Н. Е. Какурин. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.-Л., 1928. Его же. Как сражалась революция. т. I, стр. 96-111. И. А. Кириллов. Очерки земле-

устройства за три года революции. 1917-1920. П., 1922. Антоновщина. Сборник статей. Тамбов, 1923. Н. А. Орлов. Система продовольственной заготовки. Тамбов, 1920. М. Н. Покровский. Контр-революция за 4 года. М., 1922. Ленинский сборник. XVIII. М., 1931, стр. 200-209. В. А. Максимов. Ук. соч., стр. 43 сл. Е. Б. Бош. Встречи и беседы с Владимиром Ильичом. — "Пролетарская революция", 1924, № 3, стр. 167-169. Внутренние войска Советской республики. 1917-1922. Документы и материалы. М., 1972, стр. 6, 66.

"Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской области", 1918, 3 апреля. Г. Д. Костомаров. Боевые годы. — "За власть Советов". Орел, 1957, стр. 125. Государственный Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОРСС МО), ф. 2188, оп. I, ед. хр. 1854, л. 2. Там же, ф. 2184, оп. I, ед. хр. 1857, л. 4. В. М. Фефелов. Установление Советской власти в уездных центрах Воронежской губернии. — "Известия Воронежского педагогического института", т. 31. Воронеж, 1960, стр. 39-41. ГАОРСС МО, ф. 2185, оп. 1, ед. хр. 1076, л. 1. Р. Г. Цыпкина. Красная гвардия в сельской местности Центрального района. Апрель 1917-май 1918. — "Борьба за победу и укрепление Советской власти. 1917-1918". Сборник статей М., 1966, стр. 148. ГАОРСС МО, ф. 2184, оп. 1, ед. хр. 1582, л. 1-2, ед. хр. 1167, л. 1.

Центральный государственный Архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51, л. 7, 12, 30, 36, 44, 49, 54. Центральный Государственный Архив Удмуртской АССР, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 34, л. 4. А. В. Шестаков. Блок с левыми эсерами. — "Историк-марксист", 1927, № 6, стр. 102. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 152-153. ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, ед. хр. 32-б, л. 1, оп. 4, ед. хр. 51, л. 7-54, оп. 3, ед. хр. 34, л. 148, 161-162. "Правда", 1918, 13 ноября. М. Я. Лацис-Судрабс. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920, стр. 56. ЦГАОР, ф. 393, оп. 4, ед. хр. 22, л. 15, оп. 2, ед. хр. 127, л. 45, оп. 1, ед. хр. 122, л. 23, 30, 42. ГАОРСС МО, ф. 2188, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2; ф. 2189, оп. 1, ед. хр. 91, л. 2; ф. 2191, оп. 1, ед. хр. 1561, л. 2; ф. 2187, оп. 1, ед. хр. 103, л. 3, 9; ф. 2165, оп. 1, ед. хр. 450, л. 6. И. Флеровский. Мятеж мобилизованных матросов в Петербурге 14 октября 1918 года. — "Пролетарская революция", 1926, № 8, стр. 218-238. Я. Яковлев. Русский анархизм в великой русской революции. М., 1921. Гражданская война. Т 1., 1923. Путь коммунизма. Кн. 8. Краснодар, 1922. М. Равич-Черкасский. История коммунистической партии Украины. Харьков, 1923. И. Н. Смирнов. Конец борьбы с колчаковщиной. — "Пролетарская революция", 1926, № 1. И. Строд. Из эпохи гражданской войны в Восточной Сибири. — Там же, 1926, № 5. Б. Леонидов. Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним. — "Революция и война", 1922, № 14-15. М. Н. Тухачевский. Борьба с контрреволюционными восстаниями. — "Война и революция", 1926, № 8, стр. 5-11. Антоновщина. Сборник материалов и документов. Тамбов. 1921. М. А. Богданов. Разгром Ишимско-Петропавловского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 году. — "Ученые записки Ишимского Гос. Педагогического Института", т. 3. 1959. В. І. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. т. IV. М., 1933.

[9] В. И. Ленин. Сочинения. 1-е издание. т. XVIII, часть II, стр. 93.

[10] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17201. (Переписка Ф. С. Степного, Ф. Э. Дзержинского и В. И. Ленина) Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам от 26 марта 1921. — В. И. Ленин и ВЧК. М., 1975, стр. 435, пункты 2, 4, 5 и преамбула. В. И. Ленин. Полное собр. соч. т. 43, стр. 23-24. Там же, т. 50, стр. 306, 314, 319. Там же, стр. 290.

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 34, л. 93.

[12] В. И. Ленин. Полное собр. соч. т. 43, стр. 23-24. Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам от 26 марта 1921 г. М. Н. Тухачевский. Ук. соч. — "Война и революция". 1926, №№ 7, 8, 9.

[13] Постановление ЦК ВКП(б) от 3 мая 1928 "О состоянии и работе казакской парторганизации". — "Справочник партийного работника" (СПР), вып. VII, ч. 1. М., 1930, стр. 325-326. Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 "О положении в Якутской парторганизации". — СПР, вып. VII, ч, 1. стр. 349-350. Запись беседы Н. И. Бухарина с Л. Б. Каменевым. — "Бюллетень оппозиции", 1929. Запись беседы М. С. Бернштама с сыном генерала А. И. Верховского. — Приводится в названной книге Бернштама. Постановление XVI съезда ВКП(б). — "КПСС в резолюциях...". т. 3. М., 1954, стр. 61. Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока. М., 1938, стр. 156. Резолюция Январского 1933 Пленума ЦК ВКП(б). — "КПСС в резолюциях". т. 3, стр. 187. Б. П. Шеболдаев. Речь на партийном активе в Ростове 12 ноября 1932 года. Цит. по: А. Радин, Л. Шаумян. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов, Партиздат, 1933, стр. 14 сл.

[14] Пограничные войска СССР в 1945-1950 годах. Документы и материалы. М., 1975.

[15] «Unita», Roma, 1949, 27 febbraio.

[16] А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. Ч. V-VI-VII. Париж, 1975, стр. 239-351.

[17] K. Wittfogel. The Oriental Despotism. New-Haven, 1957.

[18] И. Р. Шафаревич. Социализм. — "Из-под глыб". Париж, 1974.
Его же. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977.

[19] Н. Б. Тер-Акопян. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и общину. — "Народы Азии и Африки". М., 1965, №№ 2, 3, 4.

[20] H. J. S. Maine. Popular Government. London, 1885, p. 154.

[21] К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 585-593. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание 2. Том 42. М., 1974, стр. 114-120, 127.

[22] Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому. 16 февраля 1884 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 372. Ф. Энгельс. Письмо П. Лафаргу. 11 августа 1884. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 издание. Том 36, стр. 166-167. Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому. 16 февраля 1884 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 96-97.

[23] К. Маркс. Второй Манифест Генерального Совета Интернационала. 9 сентября 1870. — "Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю-ону с приложением некоторых мест из их писем к другим лицам." СПб., 1908, стр. 105-106: "Для Германии останутся открытыми в будущем только два пути. Ей придётся или стать откровенным слугою усиления и возвеличения России, к чему бы это ни привело; или же изготовиться после кратковременного отдыха к новой "оборонительной" войне, и притом не к одной из новоиспечённых "локализированных" войн, а к настоящей расовой борьбе против соединённых славянских и романских рас".

Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. т. 22. М., 1962, стр. 11-52.

Сборник документов см.: K. Marx et F. Engels. La Russie. Paris, «Inedit», 1974. Сводку материалов см.: Д. Б. Рязанов. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. Историко-критический этюд. П., 1918.
В. М. Чернов. Марксизм и аграрный вопрос. Историко-критический очерк. Ч. 1. СПб., 1906. Его же. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. П., 1917.

[24] Paul Avrich. Kronstadt 1921. NY, 1974.
W. H. Chamberlin. The Russian Revolution, 1917-1921. vv. 1-2. NY, 1935.
A. Ciliga. The Kronstadt Revolt. L., 1942.
U. Fedeli. Dalla insurrezione dei contadini in Ucraina alla rivolta di Cronstadt. Milano, 1950.
I. Melt. The Kronstadt Commune. L., 1967.
E. Pollack. The Kronstadt Rebellion. NY, 1959.
S. Singleton. The Tambov Revolt (1920-1921). — «Slavic Review» XXV, Sept. 1966, p. 497-512.
Oliver H. Radkey. The Unknown civil war in Soviet Russia: A study of the Green movement in the Tambov region 1920-1921. Stanfort, 1976.

[25] Moshe Lewin. Review on: O. Radkey 1976. In: «Slavic Review», v. 36, No. 4, Dec. 1977, p. 682-683. (below: M. Lewin 1977).

[26] O. Radkey. The election to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambr., Mass., 1950.

[27] O. Radkey. The Sickle under the Hummer: the Russian Socialist Revolutionaries in the early months of Soviet Rule. NY & L., 1963.

[28] O. Radkey. The agrarian foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries. February to October, 1917. NY & L., 1958.

[29] Leopold H. Haimson. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambr., Mass., 1955.
L. Haimson, ed. Inter-University Project on the Menshevik movement. v. 1-14. NY, 1960-1963 (below: IUPMM).
L. H. Haimson. Three Generations of the Soviet Intelligentsia. In: «Foreign Affairs», v. XXXVII, Jan. 1959.
L. Haimson. Preface. In: B. L. Dvinov. From Legality to the Underground. Stanford, Ca., 1968, p. 5-8.
L. Haimson, ed. and Preface. In: The Mensheviks: from the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago, 1974.

[30] IUPMM: Г. Я. Аронсон. Движение Уполномоченных от рабочих и заводов в 1918 году. 1960.
М. Хиной. У истоков меньшевизма. 1960.
Г. Аронсон. К истории правого течения среди меньшевиков. 1960.
М. Д. Шишкин. Из воспоминаний кооперативных и политических. 1960.
Б. Двинов. Московский Совет рабочих депутатов. 1917-1922. 1961.
П. А. Гарви. Революционные силуэты. 1962.
С. Волин. Меньшевизм в первые годы НЭП'а. 1961.
Л. Дан. Из встреч с Верой Николаевной Фигнер. 1961.
Статьи, посвящённые Ю. О. Мартову, собранные из разных источников И. М. Геупером. 1961.
Е. А. Ананьин. Из воспоминаний революционера. 1905-1923. 1961.
Б. И. Николаевский. Меньшевики в дни Октябрьского переворота. 1962.
Ю. Гринфельд. Из воспоминаний о борьбе за свободу и народовластие в Одессе 1918-1920 гг.1962. И т. д.
The Mensheviks. Chicago, 1974.

[31] In: «The Mensheviks»: D. Dallin, L. Lande, J. Denike, S. Wolin, B. Sapir.
In:IUPMM: П. А. Гарви. Ук. соч. Е. А. Ананьин. Ук. соч.
Б. Л. Двинов. От легальности к подполью. 1921-1922. Приложение:
Г. Кучин-Оранский. Записки. Стэнфорд, 1968.

[32] Г. Я. Аронсон. Движение Уполномоченных от рабочих фабрик и заводов в 1918 году. Нью-Йорк, 1960.

[33] Чрезвычайное собрание уполномоченных от фабрик и заводов г. Петрограда. № 1-2. 18 марта 1918 г. — "Континент", кн. 2. Париж, 1975, стр. 385-419.

[34] А. Г. Ефимов. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 гг. Конкорд, Калифорния, 1975.

[35] А. Ган (А. Гутман). Россия и большевизм. Ч. 1. 1914-1920. Шанхай, 1921, глава "Ижевское восстание", стр. 262-271.
Г. Аронсон. Рабочее движение в борьбе с большевистской диктатурой. — "Против течения". вып. 1-2. Нью-Йорк, 1952, стр. 66-77.
Н. Сапожников. Ижевско-Воткинское восстание. Август-ноябрь 1918 г. — "Пролетарская революция", Москва, 1924, № 8-9 (31-32, стр. 5-41.
Владимирцев. Как рабочие и крестьяне восстали против большевиков. Омск, "Русское общество печатного дела", 1919.
Из недавнего прошлого. Ижевск, 1921.
Г. Струмилло. Из записок рабочего. — "Заря", Берлин, 1922, № 3, стр. 76-81; № 4, стр. 112-116; № 5, стр. 143-148; № 6, стр. 171-175.
И. Уповалов. Как мы потеряли свободу. Из воспоминаний рабочего социал-демократа. — "Заря", 1922, № 7, стр. 202-206; № 8, стр. 244-248; 1923, № 2, стр. 51-56; № 3, стр. 78-82.
И. Уповалов. Рабочее восстание против советской власти. — "Заря", 1923, № 4, стр. 115-120; № 5, стр. 140-143; № 6-7, стр. 178-181.

[36] В. Сергеев. Ижевск в огне гражданской войны. 1917-18 годы. Ижевск, 1927, стр. 38-39, 41-44.

[37] В. И. Ленин. Телеграмма выксунским рабочим. 31 мая 1918. — В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, 5 издание (далее — ПСС), с. 50, стр. 86.

[38] В. М. Корнев. Инициатива выксунцев. — "Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917-1922 годах". М., 1972, стр. 63-65.

[39] "Собрание Уполномоченных...", стр. 417-419.
Листовка Организационного комитета по созыву Рабочего съезда. — Приводится по: "Известия ВЦИК", 1918, № 156 (420), 25 июля, стр. 3.
Тезисы Рабочего съезда. — Приводится по: "Дело рабочей конференции", — "Известия ВЦИК", 1918, № 158, 27 июля, стр. 3-4.

[40] Р. Г. Цыпкина. Сельская красная гвардия в Октябрьской революции. По материалам Центрального промышленного района. М., 1970.

[41] Д. Малинин. У белых под пятой. — "Шестнадцать дней. Материалы по истории Ярославского белогвардейского мятежа. 6-21 июля 1918 г.". Ярославль, 1924, стр. 72-73.
Очерки истории Ярославской организации КПСС. Яр., 1967, стр. 189.

[42] В. М. Чернов. Историк или истерик? — "Воля России", Прага, 1925, кн. 3, стр. 114.

[43] П. Г. Софинов. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917-1922 годы. М., 1960, стр. 88. Многочисленные источники перечислены в примечаниях 6 и 8.

[44] Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, стр. 236. Многочисленные источники представлены в примечаниях 7 и 8.

[45] Источники перечислены в примечаниях 5, 34, 35, 36.

[46] Н. Н. Воронович. Зелёная книга. История крестьянского движения в Черноморской губернии. Сборник материалов и документов. Прага, 1921.
Н. Н. Воронович. Меж двух огней. — "Архив русской революции". Берлин, 1922, том VII.
М. Василенко. Страницы прошлого. — "Военный вестник", 1921, № 4, стр. 9-12.
И. Шевцов. Как я взял Майкоп. — "Пролетарская революция", 1922, № 7.
М. Добраницкий. Зелёные партизаны. — "Пролетарская революция" 1924, № 8-9 (31-32), стр. 72-98.
П. А. Аршинов. История махновского движения. 1918-1921 гг. Берлин, 1923.
Я. А. Яковлев. Русский анархизм в великой русской революции. Харьков, 1921.
М. И. Кубанин. Махновщина. М., 1927.

[47] Стенограмма 1 партийной конференции военных коммунистов. Борисоглебск, июль 1921. — "К истории ликвидации антоновского мятежа. 1921 г." — "Исторический архив". М., 1962, № 4, стр. 203-208.

[48] Там же, стр. 203.

[49] К. Т. Вакулин. — "В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917-1922 гг." М., 1975, стр. 584. Телеграмма председателя Астраханской ГубЧК Ф. С. Степного Председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому. 7 февраля 1921. — Там же, стр. 434. Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам. 26 марта 1921. — Там же, стр. 435.

[50] М. Н. Тухачевский. Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение типичного бандитизма. — "Война и революция", № 8, стр. 7-8. Этот источник О. Радки, к сожалению, также не удалось использовать, так как сделанные им в Москве выписки у него украли советские коллеги, о чём автор сообщает на стр. 438 своего труда.

[51] Стенограмма 1 партийной конференции военных коммунистов, стр. 204.

[52] Там же, стр. 205, 207-208.

[53] Там же, стр. 208.

[54] В. И. Ленин. Отчёт о политической деятельности ЦК РКП(б) X съезду РКП(б). 8 марта 1921. — В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 24.
М. Кубанин. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). — "На аграрном фронте", 1926, № 2, стр. 43.
М. Н. Тухачевский. Ук. соч. "Война и революция", 1926, № 7, стр. 5.
Л. М. Спирин. Ук. соч., стр. 245.
Г. Лелевич. Стрекопытовщина. М.-Л., 1923.
В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. том IV. М., 1933: об отряде И. С. Колесникова.
Д. Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917-1925 гг. М., 1975, стр. 276-290, 370-423, 450-473, 483-493, 584-609.
И. Горелов. Подтёлков и Кривошлыков. Ростов, 1937.
А. И. Панасюк. Документы январского восстания 1919 г. в Ташкенте. Ташк., 1925.
С. Болотов. Из истории Осиповского мятежа в Туркестане. — "Пролетарская революция", 1926, № 6.
Б. Леонидов. Эсеро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним. — "Революция и война", 1922, № 14-15. Этот важный источник также упущен О. Радки, хотя входит в зону его исследования.
И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. 1921-1923 гг. Ч. 1. Борьба с вооружённой кулацкой контрреволюцией. Л., 1964, стр. 109-114, 259-265.
И. Т. Смилга. На повороте. Только для членов РКП(б). М., 1921.
И. Т. Смилга. Речь на X съезде РКП(б). — "Стенографический отчёт X съезда Российской коммунистической партии. 8-16 марта 1921 г." М., 1921, стр. 114-118.
К. Х. Данишевский. Речь на X съезде РКП(б). — "Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г." М., 1963, стр. 284-285.
Десятый съезд РКП(б), стр. 258, 787, 880: об отрядах Маслакова.
Там же, стр. 285, 881: о восстании 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии в Самарской губернии под руководством командира дивизии Сапожникова.

[55] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии. 1917-1918 годы. Сборник документов. Тамбов, 1957, стр. 124-125, 139, 142-143, 157, 162, 177, 181-182, 188, 190, 198, 202, 206-207, 208-211, 90, 223-229, 232, 240-245.
В. С. Александров. Предисловие. — Там же, стр. 3-20.
В. И. Ленин. Доклад о текущем моменте. 27 июня 1918. IV конференция профсоюзов и фабзавкомов Москвы. — В. И. Ленин. ПСС, т. 36, стр. 444-445, 450-451.
Красная Книга ВЧК. т. 1. М., 1920, глава1.

[56] С. Волин. Меньшевизм в первые годы НЭПа. Нью-Йорк, 1961, стр. 8. Передовая статья. — "Социалистический вестник", 1921, № 21.

[57] А. Казаков. Партия социалистов-революционеров в Тамбовском восстании 1920-1921 гг. М., 1922. Выражаем глубокую благодарность А. И. Солженицыну за предоставление копии этого важного источника.

[58] М. А. Богданов. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.

[59] И. Я. Трифонов. Ук. соч. "Десятый съезд РКП(б)", стр. 258, 284-285, 881.

[60] В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 23-24.

[61] М. С. Бернштам. Отмечая 5 сентября. Историческая справка. — "Вестник РХД", кн. 120. Париж, 1977.

[62] Вопросы истории религии и атеизма. Том 9. Современное сектантство и его преодоление. По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 году. М., 1961.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области. По материалам экспедиции Института истории АН СССР в 1959 г. — "Вопросы истории религии и атеизма" (далее — ВИРА), том 8. М., 1960, стр. 59-100.
А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии религиозного течения истинно-православных христиан по материалам исследований

в центральных областях РСФСР. — "Вопросы научного атеизма". Том 16. М., 1974, стр. 103-124.
На всякий случай, во избежание кривотолков, подчеркнём, что мы, как все пишущие по этому вопросу, употребляем понятие "истинно-православные" как термин, не давая явлению никакой религиозной оценки и не противопоставляя его другим явлениям Православия и Христианства.

[63] В. Рожицын. Тихоновцы, обновленцы и контрреволюция. М., 1926.
Ф. Путинцев. Политическая роль и тактика сект. М., 1935.
Ф. Путинцев. Политическая маскировка религиозных организаций. М., 1931.
М. В. Попов. Церковь в годы реакции и революции. Иваново, 1931.
М. В. Попов. Церковь в наши дни. Иваново, 1930.
М. В. Попов. Рясники и сектанты. Иваново, 1930.
По очагам сектантского мракобесия. М.-Л., 1931.
С. Навагинский. Церковное подполье. Воронеж, 1929.
А. Лунин. Фёдоровцы-крестоносцы. М., 1930.
А. Лунин. Фёдоровщина и тихоновщина. — "Безбожник", М., 1929, кн. 23.
А. Логинов. Сектантская контрреволюция перед пролетарским судом. М., 1933.
П. К. Зарин. Политическая маскировка религиозных организаций. М., 1934.
П. К. Зарин. Добьём классового врага, прикрывающегося религией. — "Безбожник". М., 1934, кн. 1.
П. К. Зарин. Работа сектантов в Воронежской губернии. — "Антирелигиозник". М., 1928, кн. 1.
А. Долотов. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930.
М. Дубровский. Чёрный отец и жёлтые братцы. М., 1930.
Б. Кандидов. Церковь и гражданская война. М., 1931.
А. Юрин. Под маской религии. М., 1939.
М. В. Попов. Сектантство ИПО прежде и теперь. Иваново, 1931. и мн. др.

[64] Обзор см.: А. И. Демьянов. Истинно православное христианство. Критика идеологии и деятельности. Воронеж, 1977, стр. 8-22 и др.

[65] А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 91-97.
Л. Н. Митрохин. Реакционная идеология истинно-православной церкви на Тамбовщине. — "ВИРА", том 9, стр. 146-155.
З. А. Никольская. К характеристике течения так называемых истинно-православных христиан. — Там же, стр. 161-173.
А. И. Клибанов. Религиозное сектантство и современность. М., 1969, стр. 5 сл.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 13-40, 59-113.

[66] Там же.

[67] Там же. А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 113-120.

[68] А. И. Клибанов. Там же. А. И. Демьянов. Там же.

[69] Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 147.
Запись воспоминаний священника Г-ма. — Там же, стр. 147-148.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 91.

[70] А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 92.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 149-153.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 15-27.

[71] А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 14, 22-70, 103-119.

[72] Там же, стр. 12-14, 18-22, 24-26, 27-28, 33-36, 41, 62-64, 67, 81, 86-88, 109-111.

[73] Ю. В. Крянев. Типология религиозных объединений и дифференциация атеистического воспитания. — "Вопросы научного атеизма". том 3. М., 1967, стр. 41 сл.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 61-67.

[74] Там же, стр. 17-21.
З. А. Никольская. Ук. соч., стр. 164.
А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии..., стр. 104, 107.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 61, 91.

[75] А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии..., стр. 107.

[76] Там же.
З. А. Никольская. Ук. соч., стр. 164.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 17.

[77] К. Криптон. К вопросу исторического прошлого Русской Православной Церкви. — "Вестник РХД", кн. 118. Париж, 1976, стр. 91.
К. Криптон. О тамбовском восстании 1921 г. Из записок очевидца. — Там же, кн. 121. Париж, 1977, стр. 361-362.

[78] А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 92.

[79] Там же, стр. 94-95.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 149-153.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 24-26.

[80] Там же, стр. 26-40.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 151-154.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 92-93.

[81] А. И. Демьянов. К вопросу о современном состоянии, стр. 106.
А. И. Клибанов. Современное сектантство в Тамбовской области, стр. 95-97.
Л. Н. Митрохин. Ук. соч., стр. 155.
З. А. Никольская. Ук. соч., стр. 166-173.
А. И. Демьянов. Истинно-православное христианство, стр. 40-59, 68, 80-102, 107-111, 28-40.

[82] Н. Н. Воронович. Ук. соч. М. Василенко. Ук. соч. М. Добраницкий. Ук. соч.

[83] М. Левин. Ук. соч., р. 683.

[84] M. Lewin. La paysannerie et le pouvoir sovietique, 1928-1930. Paris, 1966.
M. Lewin. Russian Peasants and Soviet power: a study of collectivisation. Evanston, Ill., 1968.

[85] M. Lewin. Review 1977, p. 683.

[86] Ibid.

[87] П. Г. Софинов. Ук. соч., стр. 88: только по 20 губерниям Центральной России только по данным ВЧК только крупных антикоммунистических восстаний — 245, только за 1918 год.

[88] В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 313.

[89] В. А. Максимов. Ук. соч., стр. 65.

[90] В. Сергеев. Ук. соч. А. Г. Ефимов. Ук. соч.

[91] История гражданской войны в СССР. Том 4. М., 1959, стр. 71.
Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. 1. М.-Л., 1925, стр. 96-98.
Л. М. Спирин. Ук. соч., стр. 324.
М. А. Шолохов. Ук. соч. М., 1936, примечание к главе 57, стр. 364-366.

[92] Е. А. Щаденко. Григорьевщина. — "Гражданская война 1918-1921. Том 1. Боевая жизнь Красной армии." М., 1928, стр. 68-95.
М. Е. Раковский. Крах григорьевщины. — "История СССР", 1966, № 5, стр. 36-51.
История гражданской войны в СССР, том 4, стр. 176.
Телеграмма В. И. Ленина главкому Вацетису и члену РВСР Аралову. 22 апреля 1919 года. — "Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трёх томах." т. 2. М., 1961, стр. 383.
Телеграмма Главного командования с резолюцией В. И. Ленина по поводу продвижения войск Украинского фронта в Галицию и Буковину. 21 апреля 1919. — Там же, стр. 382.
Из отчёта Полевого штаба Реввоенсовета Республики о боевых действиях на Южном фронте в первой половине 1919 г. — там же, стр. 381-382.
Телеграмма Главного командования во Всероглавштаб. 3 мая 1919. — Там же, стр. 385.
Телеграмма В. И. Ленина и И. В. Сталина Совнаркому Украины. 8 мая 1919. — Там же, стр. 385-386.
Телеграмма В. И. Ленина Совнаркому Украины. 26 мая 1919. — Там же, стр. 388-389.
Директива ЦК Председателю Совнаркома Украины. 28 мая 1919. — там же, стр. 389. Директива Главного Командования Командованию Южного фронта. 12 июня 1919. — Там же, стр. 391-392.
Из доклада Главного командования в Реввоенсовет Республики о положении на Южном фронте к 15 июня 1919. 24 июня 1919. — Там же, стр. 393-397.
Приказ войскам Южного фронта. 26 июня 1919. — Там же, стр. 399-401.

[93] В. И. Ленин. Соч. 1 издание. т. XVIII, ч. II, стр. 93.
[94] Стенограмма 1 партийной конференции военных коммунистов, стр. 204.

[95] Н. А. Данилов. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Лекции, читанные в Военно-Инженерной академии. Пг., 1922, стр. 43-44. Исчисления сделаны нами на основе цифр, заимствованных Н. А. Даниловым из статьи С. А. Первушина в "Трудах комиссии по изучению современной дороговизны".

[96] А. В. Голубев, С. Ф. Найда. Гражданская война и военная интервенция 1918-1920 в России. — "Большая советская энциклопедия", 3 издание, том 7. М., 1972, стр. 234.

[97] В. И. Ленин. Заключительное слово по отчёту ЦК РКП(б) X съезду. 9 марта 1921. — В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 42.

[98] С. Г. Струмилин. К хозяйственному плану на 1921-22 год. —"Народное хозяйство". 1921, № 5. — С. Г. Струмилин. Избранные произведения в 5 томах. Том 2. М., 1963, стр. 20-21.
Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. За пять лет работы ЦСУ. — "Труды ЦСУ". Том XVIII. М., 1924, стр. 380-383: Нормы потребления на душу городского населения (рабочие):

Дата	1919 III-IV	1919 VII	1919 XII	1920 V	1920 X	1921 IV	1921 IX	1922 II	1922 X	Миним. норма
Калорий в день	2268	2517	2845	2786	2783	2391	2621	2465	3193	**3200**

[99] В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. — В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 132.

[100] Чрезвычайное Собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. № 1-2. 18 марта 1918 г., стр. 385, 390, 392, 393, 397, 399 и др.

[101] Н. А. Орлов. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918. Н. А. Орлов. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919. Н. А. Орлов. Система продовольственной заготовки. Тамбов, 1920.

[102] Н. А. Данилов. Ук. соч., стр. 44. Исчисления наши по данным С. А. Первушина.

[103] Там же, стр. 45.

[104] Там же.

[105] Там же, стр. 47.

[106] Рассчитано нами по данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, относящимся к 38 губерниям России без оккупированных неприятелем и без трёх уездов Смоленской губернии. — "Труды ЦСУ", том V, вып. 1. "Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям." М., 1921, стр. 42-49.

В порядке научной объективности, не следует умалчивать о том, что данные переписи 1917 года, взятой нами за исходную основу, подвергаются сомнению большинством советских и американских исследователей как касательно населения, так и относительно структуры землевладения.

Академик И. И. Минц категорически заявляет, что перепись недоброкачественна, количество помещичьей земли заменьшено. (И. И. Минц. — Доклад. —"Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной сессии 9-12 июня 1969 года." М., 1971, стр. 355). Перепись показывает помещичьей земли 25 127 929,3 десятины, на лето 1917 года. Когда в 1918 году помещичья земля была примерно по той же территории конфискована, её оказалось 24 258 438 десятин. ("Аграрная политика Советской власти. 1917-1918 гг. Документы и материалы." М., 1954, стр. 498-506. В. Р. Герасимюк. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. — "История СССР", 1965, № 1, стр. 95). Данные переписи полностью подтвердились. Верны и данные переписи о населении в 1917 году а заменьшающие исчисления В. А. Зайцева, Б. Гухмана, А. Л. Вайнштейна и др. не содержат никаких обоснований, кроме далёкого от науки желания авторов опорочить сведения царского Центрального Статистического Комитета; перепись показывает, что количество населения в 1917 году ближе к цифрам царского ЦСК, чем к предположениям А. А. Чупрова, С. Н. Прокоповича, А. Е. Лосицкого, В. А. Зайцева и др. Мы вернёмся к этому вопросу в примечании 151 и 182.

[107] А. А. Кауфман. Что говорят цифры о земельном вопросе. Пг., 1917.

[108] Б. К. Юркевич. Таблица "Баланс аграрной реформы. Распределение земель сельскохозяйственного назначения (без лесов) по СССР." — "Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917-1927." М., ЦСУ, 1927, стр. 118-119.
В. М. Молотов. Доклад о работе в деревне. — "Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стеографический отчёт. Том II, М., 1962, стр. 1177-1179.
В. В. Осинский, зав. ЦСУ. Речь на XV съезде. — Там же, стр. 1349-1351.
И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции СССР. М., 1936, стр. 30.
История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938, стр. 200, 212.
Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957, стр. 24.
Страна Советов за 50 лет. М., 1967, стр. 115.
И. А. Чемерисский. Влияние аграрной революции 1917-1918 годов на сельскохозяйственное производство в СССР. — "Проблемы аграрной истории советского общества. Материалы научной конференции 9-12 июня 1969. М., 1969, стр. 67-68.

[109] И. И. Минц. Ук. соч., стр. 354-355.

[110] В. П. Данилов. Заключительное слово по докладу. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 350.

[111] "Новый экономист", 1917, № 32, стр. 5.
Предисловие. — "Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Часть 3. Сельское хозяйство и крестьянство." Л., 1967, стр. 8.

[112] Труды ЦСУ, т. V. Вып. 1. Погубернские итоги всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., стр. 42-49.

[113] Декрет о земле съезда советов рабочих и солдатских депутатов. — "Известия ВЦИК", 1917, № 209, 28 октября. "Собрание Узаконений РСФСР", 1917, № 1, статья 3. "Декреты Советской власти". т. 1. М., 1957, стр. 17-20. В. И. Ленин. Доклад о земле 26 октября 1917. — В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 24-26.

[114] И. А. Кириллов. Очерки землеустройства за три года революции. 1917-1920 гг. Пг., 1922, стр. 4-11, 146-200. И. Е. Зеленин. К вопросу о землепользовании советских хозяйств в период аграрной революции. 1917-1918 гг. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 24-28.

[115] В. Н. Яковцевский. Доклад. — "История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии 18-21 апреля 1961." М., 1963, стр. 135.

[116] В. И. Ленин. Доклад о земле 26 октября 1917. — В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 27.
В. И. Ленин. Речь о годовщине революции 6 ноября 1918. VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов. — В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 138, 141-144.
А. А. Воронович. Аграрная программа партии в трудах В. И. Ленина. М., 1971, стр. 153-154.
П. Н. Першин. В. И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 10.
Литература по этому вопросу бесчисленна.

[117] П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. II. М., 1966, стр. 435.

[118] В. М. Молотов. Ук. соч., стр. 1178-1179.
П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. II, стр. 435.

[119] Аграрная политика Советской власти. 1917-1918 гг. Документы и материалы. М., 1954, стр. 498-506.
Все данные сводной таблицы баланса аграрной революции даны по сопоставимой территории РЕФСР без национальных окраин.

[120] Там же. Исчисление наше.

[121] Там же.

[122] Труды ЦСУ, т. V. Вып. 1, стр. 42-49. Данные переписи 1917 относятся к 38 губерниям Центральной России.

[123] П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. 2, стр. 435. Пересчёт наш.

[124] М. С. Симонова. Столыпинская аграрная реформа. — "Советская историческая энциклопедия", том 13. М., 1971, стлб. 845-846. Исчисление наше.

[125] Статистический справочник по аграрному вопросу. Вып. 1. М., 1917, стр. 14.

[126] М. С. Симонова. Ук. соч., стлб. 845-846. Исчисление наше. В баланс аграрной реформы П. А. Столыпина мы сочли необходимым включить также земли, распределённые до 1917 года через Крестьянский банк, независимо от состояния выкупных платежей.

[127] В. М. Молотов. Ук. соч., стр. 1178-1179.

[128] И. А. Кириллов. Ук. соч., стр. 146.

[129] М. С. Бернштам. Об основных социально-экономических структурах традиционных африканских обществ. К проблеме азиатского способа производства. Доклад на 1 Всесоюзной конференции африканистов. М., 1969.

[130] Г. В. Плеханов. К аграрному вопросу в России. — Г. В. Плеханов. Сочинения. том XV. М.-Л., 1926, стр. 25-27, 31-37. Характерно, что на стр. 37-40 Г. В. Плеханов в числе русских социалистов, объективно идущих к возрождению "китайского коммунизма XI века", отмечает В. Г. Громана — того самого будущего меньшевистского специалиста в коммунистическом Госплане, который был ведущим автором плана 1 пятилетки и который поныне пользуется на Западе безупречным авторитетом как якобы выдающийся экономист.

[131] В. П. Данилов. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. — "История СССР", 1958, № 3, стр. 102, 122, 124, 127.
В. Е. Муравьёв. Земельные отношения в уральской деревне накануне коллективизации. — "Вопросы истории Урала. Ученые Записки Пермского ГУ." т. 158. Пермь, 1966, стр. 331.
С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959, стр. 65-66:
"Октябрьская революция возродила земельную общину... Она подготовила её для перехода в высшую форму, превратив, таким образом, земельные общества в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства страны."
М. М. Широков. Работа коммунистической партии по овладению земельными обществами и переводу их на социалистический путь развития. 1927-1929. — "Вестник МГУ", серия IX. М., 1966, № 4, стр. 53-54, 37.
А. М. Анфимов. Доклад. — "Проблемы аграрной истории советского общества", стр. 77.
Н. Я. Гущин. Доклад. — Там же, стр. 331: где были общины, там легче

получились колхозы; на хуторах и отрубах в ряде округов Сибири добровольно не возникло ни одного колхоза.
В. П. Данилов. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. — Там же, стр. 233.
В. И. Погудин. Советская историография о некоторых проблемах социально-экономических отношений в доколхозной деревне СССР. — "История СССР", 1973, № 3, стр. 161-163.
В. П. Данилов. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977, стр. 95-138.

[132] Постановление правительства о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле. Положение. — "Известия ВЦИК", 1917, 28 октября. "Собрание узаконений РСФСР", 1917-1918, № 1, статья 6, пункты 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9, 11.
А. Г. Шлихтер. Воспоминания о хлебе. — "Хлеб и революция". М., 1972, стр. 25-27.
А. Е. Бадаев. Продовольственная работа в Петрограде. — Там же, стр. 41-42.
А. Г. Шлихтер. Предисловие. — Н. А. Орлов. Система продовольственной заготовки, стр. I-V. Н. А. Орлов. Там же.

[133] В. И. Ленин. Отчёт о политической деятельности ЦК РКП(б) X съезду. 8 марта 1921. — В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 13-14, 29.
В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих. 27 марта 1921. — Там же, стр. 141.

[134] В. М. Чернов. Чёрный передел 1918 года. — "Записки Института изучения России". Том 2. Прага, 1925, стр. 82-159. 115-117 перенесены в примечания к таблице в тексте.

[135] А. А. Чернобаев. О численности сельских большевистских организаций в 1918 году. — "Вопросы истории КПСС", 1978, № 2, стр. 80.

[136] Там же, стр. 81-82, 88.

[137] Государственный Архив Псковской области, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 343, лл. 55-62.
А. А. Чернобаев. Развитие социалистической революции в деревне. Октябрь 1917-1918. М., 1975, стр. 92. Исчисление наше.

[138] Там же, стр. 78-80.

[139] Б. Г. Верховень. К вопросу о численности комбедов в РСФСР. — "История СССР", 1958, № 4, стр. 125.

[140] А. А. Чернобаев. Развитие социалистической революции в деревне, стр. 78.

[141] Подсчитано П. Н. Першиным по данным журнала "Власть Советов", 1919, № 11, стр. 11. П. Н. Першин. Аграрная революция в России. том II. стр. 406.

[142] Б. Г. Верховень. Ук. соч. стр. 125.

[143] В. И. Ленин. ПСС, том 50, стр. 387.

[144] И. И. Минц. Ук. соч. стр. 355.

[145] Ю. К. Стрижков. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917-1921 гг. М., 1973, стр. 211.

[146] Там же, стр. 293.

[147] Доклад Главного Командования в Реввоенсовет Республики о стратегическом положении Республики к 1 декабря 1918 г. — "Директивы Главного Командования Красной армии. Сборник документов". М., 1969, стр. 131.

[148] В. Докукин. — "Антоновщина. Статьи, воспоминания и другие материалы. К истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии." Тамбов, 1923.

[149] М. И. Кубанин. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). — "На аграрном фронте", 1926, № 2, стр. 42.

[150] Там же.

[151] Там же, стр. 40-42.

[152] В. А. Максимов. Ук. соч., стр. 65.

[153] В истории Ижевского восстания сопротивление рабочих — забастовки, демонстрации, массовые выступления — следует рассматривать с самого начала 1918 года. Непосредственные боевые действия с 8 августа по 16 ноября 1918, после чего повстанцы отступили с территории заводов. В. Н. Ладухин. Ижевско-Воткинская операция 1918. — "Советская историческая энциклопедия", том 5. М., 1964, стр. 759.

[154] С. Н. Семанов. "Тихий Дон": литература и история. — "Москва", 1973, № 5, стр. 210.
И. Г. Лежнев. Путь Шолохова. М., 1958, стр. 234.

[155] Стратегический очерк наступательной операции Южного фронта за период январь-май 1919 года. М., 1919, стр. 45-47.
Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. 1, М.,-Л., 1925, стр. 96-98.
Л. С. Дегтярёв. Политработа в Красной армии в военное время. М.-Л., 1930, стр. 104-105.
М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 3. М., 1936, примечание к главе 57, стр. 364-366.

[156] Д. Малинин. У белых под пятой. — "Шестнадцать дней". Ярославль, 1924, стр. 63-65.

[157] Цит. по: М. И. Кубанин. Ук. соч., стр. 41.

[158] Бюллетень ЦК партии левых с.-р. № 1 Январь 1919. Цит. по: И. З. Штейнберг. Нравственный лик революции. Берлин, 1923, стр. 62.

[159] П. Г. Софинов. Ук. соч., стр. 88.
Р. Г. Цыпкина. Ук. соч. См. многочисленные указания в литературе в примечаниях 6, 7, 8.

[160] Л. М. Спирин. Ук. соч., стр. 180.

[161] И. Р. Шафаревич. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977.

[162] Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. II. М.-Л., 1926, стр. 137. Данные взяты из доклада Главкома № 849. Исчисление резерва и баланса наше.

[163] Исчисления Б. Ц. Урланиса, которые нам представляется возможным взять за основу. Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил. Историко-статистическое исследование. М., 1960 стр. 187-188.

[164] Там же, стр. 187.

[165] Десять лет Советской власти в цифрах. 1917-1927. М., ЦСУ, стр. 74. Ten years of Soviet Power in Figures. 1917-1927, p. 74. Moscow, TsSU, 1927.

[166] "Известия ЦК РКП(б)", 1920, № 15, 24 марта: 611 978.

[167] Н. Р. Андрухов. Партийное строительство после Октября. 1917-1924. М., 1973, стр. 75-77.
М. А. Китаев. Партийное строительство в годы гражданской войны. М., 1975, стр. 173-175.

[168] Л. М. Рейснер. Свияжские дни. Авуст-сентябрь 1918 г. — "Пролетарская революция", 1923, № 6-7 (18-19), стр. 185.

[169] А. И. Соколов. Борьба с большевиками в Туркестане. — "Русское обозрение", Харбин, 1921, кн. 3-4, стр. 117.

[170] М. Я. Лацис (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. ("Речи и беседы агитатора", № 9). М., 1920, стр. 74, 73.

[171] Там же, стр. 73.

[172] В. И. Ленин. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. — В. И. Ленин. ПСС, том 44, стр. 166.

[173] Здесь и в дальнейших исчислениях мы пользуемся единственным точным и адекватным источником по населению России в целом и по губерниям в 1917 году — материалами всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года, распространёнными на всё население всех городов и губерний России путём приведения предшествующих данных царского ЦСК в соответствие с переписью рядом поправочных коэффициентов. Последняя работа приведения в порядок баланса проделана летом 1917 совещанием наиболее выдающихся статистиков России, и в 1961-1962 году сводные таблицы переписи, переработанные совещанием статистиков, были опубликованы. Тем не менее, этот источник в названном виде ни разу не использован ни в советской, ни в западной науке для демографических и исторических анализов. Применение его для подведения балансов в настоящей работе следует считать первой попыткой такого рода.
Население Дона в 1917 году взято по итоговым таблицам:
Население России в 1917 г. — Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — "Исторический архив", М., 1962, кн. 5, стр. 70. Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 годов как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — "История СССР", 1961, № 6, стр. 108, 114.

[174] Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. За пять лет работы ЦСУ. — "Труды ЦСУ", т. XVIII. М., 1924, стр. 4.

[175] Б. Ц. Урланис. Ук. соч. стр. 187.

[176] Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) всем ответственным работникам в казачьих войсках. 24 января 1919 года. — Центр. Парт. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, фонд 17, опись 4, ед. хр. 7, л. 1.

[177] Доклад специальной комиссии казачьего отдела ВЦИК Совету народных комиссаров. Лето 1919. — ЦГАОР, ф. 1235, оп. 83, ед. хр. 8, л. 68. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 34, л. 104.

[178] Население России к 1 января 1917 года (без состоящих на военной службе и с учётом беженцев). — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 967.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Пг., 1916.

Статистическое совещание для обсуждения вопроса о методах определения количества населения избирательных округов, образуемых по проекту положения о выборах в Учредительное Собрание. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 967, лл. 24-27.

Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйсвенных переписей 1916-1917 годов как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — "История СССР", 1961, кн. 6, стр. 97-115.

Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населения России накануне Октября. — "Исторический архив". М., 1962, кн. 5, стр. 58-82.

[179] Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. — "Труды ЦСУ", том V, вып. 2. М., 1923, стр. 26, 30.

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года. — ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 877, л. 55 др.

[180] Ведомость "Вероятное население в 1917 году по данным, полученным до 1 августа 1917 года. ЦСУ РСФСР. В. Михайловский. Август 1919." — ЦГАОР, ф. 1562, оп. 197, д. 1, лл. 1-6. ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 197, д. 1, лл. 1-6.

[181] В. Г. Михайловский, зав. отделом демографии ЦСУ. Введение. — "Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. — "Труды ЦСУ", том 1, вып. 3. М., 1921, стр. 4.

[182] Сборник статистических сведений по Союзу СССР. 1918-1923. За пять лет работы ЦСУ. — "Труды ЦСУ", том XVIII. М., 1924, стр. 39.

[183] Статистический ежегодник 1918-1920 гг. вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 1. М., 1921, стр. 38, 46, 4, 13.

[184] Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 3. М., 1922, стр. 8.

[185] Статистический ежегодник 1924 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 7. М., 1926, стр. 40-41.

[186] А. И. Гозулов. Опыты изучения влияния мощности хозяйства на социально-гигиеническое состояние деревни. — "Вестник статистики". М., 1925, кн. XXIII, № 10-12, стр. 185, 196, 203.

[187] В. Харламов. Из жизни русской эмиграции. IV. Казаки в эмиграции. — "Свободная Россия". Берлин, 1924, кн. IV, октябрь, стр. 238, 242.

[188] Поуездные итоги... переписи 1917 года, стр. 30.
Статистический ежегодник 1921 года, стр. 8.
Б. Ц. Урланис. Ук. соч., стр. 187.
Доклад Главного Командования в Реввоенсовет Республики. 1 декабря 1918. — "Директивы Главного командования Красной армии. 1917-1920. Сборник документов". М., 1969, стр. 132.
И. Г. Лежнев. Путь Шолохова. М., 1958, стр. 234.
Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. т. II. М.-Л., 1926, стр 137.
Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1925, стр. 110.

[189] Гос. архив Ростовской области, ф. 98, оп. 1, д. 43, лл. 33-34, ф. 1824, оп. 1, д. 3, лл. 9-27.
Л. Берз, К. Хмелевский. Героические годы. Ростов, 1964, стр. 8.
В. И. Иванов, П. Г. Чернопицкий. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. Ростов, 1971, стр. 8.
Б. И. Степаненко. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. — "Вопросы истории". М., 1976, кн. 9, стр. 17.

[190] Статистический ежегодник 1918-1920 гг. вып. 1, стр. 38, 46.

[191] Статистический ежегодник 1924 года. Вып. 1, стр. 40-41.

[192] А. И. Гозулов. Ук. соч., стр. 196, 203.

[193] См. перечень архивных материалов в примечании 156.
Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1961 года, стр. 102, 108, 114.
Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1962 года, стр. 70 ,72.

[194] Поуездные итоги переписи 1917 года, стр. 26, 30.

[195] См. примечание 169б.

[196] В. Г. Михайловский. Введение, стр. 4.

[197] Народное хозяйство СССР в 1962 году. Статистический ежегодник. М., 1963, стр. 7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. М., 1962, стр. 13.

[198] Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923, стр. 39.

[199] Ф. Акулов. Красный Верден. — "Сборник трудов Военно-научного общества". Кн. 3. М., 1922, сентябрь, стр. 58, 60-61, 64-65.
Достаточно сказать, что в течение нескольких месяцев Дон с северо-востока в 1918-1919 ограждало 15 круглосуточно маневрирующих бронепоездов. На северо-восточной границе Дона скопилось в 1918-1919 противостоящих друг другу 50 000 конных и пеших солдат. С обеих сторон шёл непрерывный огонь из около 300 орудий и свыше 1 000 пулемётов.
Остаётся добавить, что, кроме бронепоездов, красную часть границы охраняли Сталин и Ворошилов.

[200] Поуездные итоги переписи 1917 года, стр. 26, 30.

[201] Письмо коммуниста К. Краснушкина в Казачий отдел ВЦИК и ЦК РКП(б). — ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 34, л. 93.

[202] А. И. Гозулов. Ук. соч., стр. 183.

[203] И. Г. Лежнев. Ук. соч., стр. 234.

[204] Б. Ц. Урланис. Ук. соч., стр. 187.
Доклад Главного командования в РВС. 1 декарбря 1918., стр. 132.

[205] Статистический ежегодник 1921 года, стр. 8.

[206] С. Н. Семанов. "Тихий Дон": литература и история. — "Москва", 1975, № 5, стр. 210.
С. Н. Семанов. Некоторые исторические реалии "Тихого Дона", "Вопросы истории", 1977, № 5, стр. 136.

[207] М. А. Шолохов. Ук. соч., стр. 364-366.

[208] Статистический ежегодник 1918-1920 гг. Вып. 1, стр. 13.
Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1., остр. 8.

[209] Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1, стр. 8.

[210] В. Харламов. Ук. соч., стр. 238, 242. Подсчитано нами.

[211] Л. Берз, К. Хмелевский. Ук. соч., стр. 8.
В. И. Иванов, П. Г. Чернопицкий. Ук. соч., стр. 8.

[212] Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 года. Ростов-н-Д, 1928.
Е. Н. Осколков. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов, 1973, стр. 48.

[213] Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) 24 января 1919 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 7, л. 1.
В. И. Ленин. ПСС, том 50, стр. 387, 480.
С. Н. Семанов. Некоторые исторические реалии..., стр. 135-136.
Л. М. Спирин. Ук. соч., стр. 322-324.
Ф. Г. Бирюков. "Тихий Дон" и его критики. — "Русская литература", 1968, кн. 2, стр. 100.
Ю. В. Трифонов. Отблеск костра. М., 1966, стр. 151-152, 160.
А. Ф. Бритиков. Старое и новое в трактовке Григория Мелехова. — "Русская литература", 1968, кн. 4, стр. 136.
И мн. мн. др.

[214] «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844-1883.» Hgb. von A. Bebel und Ed. Bernstein. Stuttgart, 1913, B. 111, S. 145-14».

[215] Ibidem.

[216] F. Engels. Der demokratische Panslavismus. — «Aus dem Literarischen Nachlass von K. Marks, F. Engels und F. Lassale.» Stuttgart, verlag Dietz, B. 111, S. 263-264.

[217] K. Darx und F. Engels. Die Ungarische Revolution. — Ibid., S. 236.

[218] K. Marx. — Ibid., S. 109-110.

[219] F. Engels, — Ibid., S. 245.

[220] F. Engels. Der demokratische Panslavismus. — Ibid., S. 264.

[221] В. М. Чернов. Марксизм и славянство. К вопросу о внешней политике социализма. Пг., 1917, стр. 10-12, 14.

[222] Там же, стр. 13, 17.

[223] А. И. Гозулов. Нижний Дон. Ростовская и Каменская области. Природа, население, хозяйство. Харьков, 1956, стр. 42.

[224] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, ед. хр. 83, л. 1.

[225] Ф. Лассаль. Сочинения. т. 2. СПб., 1908, стр. 129.

[226] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Тома 1-II-III. Пг., 1916.
Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и Поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. — "Труды ЦСУ", том V, вып. 2. М., 1923, стр. 2-213, особенно для исчислений стр. 2-3, 6-7, 26-27, 30-31, 74-75, 78-79.
Статистический сборник за 1913-1917 годы. — "Труды ЦСУ", т. VII, вып. 1, М., 1921, стр. 184-207, 208-239.
Материалы Совещания статистиков 1917 года. — Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населе-

ния России накануне ВОСР. — "Исторический архив". М., 1962, кн. 4, стр. 61-69, 70-71, 72-75.

Материалы Совещания статистиков 1917 года. — Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 гг. как источник определения численности населения накануне Октябрьской революции. — "История СССР", М., 1961, кн. 6, стр. 102-104, 108-110, 114.

Ведомость ЦСУ 1919 "Вероятное население России в 1917 году". — Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1961 года, стр. 102-104. Их же. Публикация 1962 года, стр. 76-82.

Материалы переписи 1917 года. — Центр. гос. историч. архив в Ленинграде, ф. 1290, оп. 2, д. 877, л. 55. Л. С. Гапоненко и др. Публикация 1961 г., стр. 102-104.

[227] В. Аврамов. Жертвы империалистической войны в России. — "Известия Народного комиссариата здравоохранения". М., 1920, кн. 1-2, стр. 40-41.

Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). ЦСУ. М., 1925, стр. 30, 36, 42, 32, 38-39.

Н. Н. Головин. Военные усилия России в мировой войне. том 1. Париж, 1939, стр. 142-150, 171-172, 140-142, 128-133.

[228] ЦСУ СССР. Административно-территориальный состав СССР на 1 июля 1925 года и на 1 июля 1926 года, в сопоставлении с довоенным делением России. Опыт установления связи между административно-территориальным составом довоенной России и современным составом СССР. М., 1926, стр. 49-58.

[229] Статистический ежегодник 1921 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 3. М., 1922, стр. 8.

Статистический ежегодник 1924 года. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", том VIII, вып. 7. М., 1926, стр. 2. Исчисления везде наши.

[230] М. Алёхин. Эмиграция белая. — "Большая советская энциклопедия". 1 изд. том 64. М., 1934, стлб. 163.

[231] Из 0.002 естественной убыли, перенесённых на 1918-1920 и исчисленных для нетто-населения 1917 в границах СССР за вычетом эмиграции. Источник: "Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. За пять лет работы ЦСУ." — "Труды ЦСУ". том XVIII. М., 1924, стр. 42.

[232] Потери в личном составе Красной армии с 1918. По данным статистического отдела главного управления РККА. — "Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Статистический справочник. Год 2-й" М., 1925, стр. 110.

[233] Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, стр. 185. Данные экстраполированы.

И. Я. Трифонов. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. том 1. Борьба с вооружённой кулацкой контрреволюцией. Л., 1964, стр. 114-129. Исчисления с завышением, ибо основные жертвы совработников от повстанцев приходятся на время разгара восстаний во второй половине 1920-1921, а мы рассматриваем только 1918-1920 до осени, но принимаем цифры, близкие к итоговым.

[234] Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, стр. 184-187, 305-308, 399-400. Исчисление наше.

[235] Исходя из масштаба фактически двух войн со стороны Красной Армии внутри войны 1917-1922 (война против повстанцев), мы полагаем, что ориентировочно, при тотальной войне, повстанцев погибло никак не меньше, чем красных бойцов и советских работников вместе взятых. Кроме того зелёные армии Черноморья и Украины сражались против белых. В итоге ориентировочно определим гибель повстанцев и зелёных за 1917-1920 равной гибели красных и советских служащих за тот же период — около 1 000 000 человек.

[236] Нами собраны все максимальные данные, приводящиеся в советских работах по данной теме и очевидно страдающие преувеличениями (например, происходит двойной счёт жертв населения от расстрелов белыми карательными экспедициями, потому что те же самые жертвы значатся под рубрикой потерь от подавлений и под рубрикой потерь от расстрелов и белого террора). В настоящее время не представляется возможным произвести точное научное распределение этой категории потерь, и мы вынуждены принять завышенные цифры. Источники см.:

О. Ф. Соловьёв. Современная буржуазная историография о подавлении контрреволюции в Советской России в годы гражданской войны. — "Исторический опыт Великого Октября. Сб. ст." М., 1975, стр. 420.

Ю. А. Поляков. Некоторые черты вооружённой борьбы в годы гражданской войны. — Там же, стр. 123-126.

П. Рассказов. Записки заключённого. Архангельск, 1935, стр. 7-8.

[237] Исчисление наше. См.: Б. Савинков перед судом Военной Коллегии Верховного Суда СССР. М., 1924, стр. 195.

Ф. Костяев. Интервенция на Юге России, Кавказе и Туркестане 1918-1920 г. — "Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции." М., 1926, стр. 363. См. также: **Там же,** приложения, документы 37 и 38, стр. 422-428.

[238] По данным санитарной статистики, обработанным С. А. Новосельским, смертность в Петрограде от специфических болезней, принесённых войной, голодом, эпидемиями, равна в 1920 году, за вычетом естественной смертности, 28,87 ‰. ("Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии." вып. 5. Пг., 1921, стр. 26-28. "Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии." Пг., 1922, стр. 14 сл.). Использовать Петроград как выборку нет никакой возможности, — смертность в Петрограде была экстремальной. По данным заведующего статистикой народного здравия ЦСУ доктора С. М. Богословского, за 1918-1920 годы в стране было 5 640 720 случаев заболевания сыпным тифом и холерой. (Сводка наша по: Л. И. Лубны-Герцык. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926, стр. 29-30.). Других данных нет. Вместе с тем, источники не позволяют говорить о массовой голодной смертности, каннибализме и т. п. в 1918-1920 годах в масштабах, сколь-нибудь сравнимых с этими явлениями в 1921-1922 годах. Если взять от всех случаев заболеваний по данным д-ра С. М. Богословского 33-40 % летальности, и затем присоединить соответствующую ориентировку смертности от возвратного тифа и от голода, то максимальный результат смертности по всей категории потерь от эпидемий, болезней, голода будет 2 500 000 случаев за 1917-август 1920. Этот результат представляется несколько завышенным и за счёт него, как и за счёт завышения соседних показателей, получаются несколько преуменьшенные итоги потерь от красного террора.

[239] Исчисление произведено путём нахождения разницы между исходными данными о населении в 1917 году и всеми предыдущими категориями потерь. Из-за превышения ряда категорий потерь, численность жертв красного террора и подавлений оказывается несколько заниженной.

[240] М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. том 4. М., 1962, стр. 105-107.

[241] Н. С. Таганцев. Смертная казнь. СПб., 1913. Приводится по: А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Ч. I-II. Париж, 1973, стр. 434.

[242] М. Н. Гернет. Ук. соч., том 4, стр. 98-99, 130-131, 105-107 и др.

[243] Статистический ежегодник 1918-1920 гг. Вып. 1. — "Труды ЦСУ", т. VIII, вып. 1, М., 1921, стр. 39, 47. Сводная поло-возрастная таблица составлена нами.

[244] Там же. Составлено нами.

[245] А. А. Чернобаев. О численности сельских большевистских организаций в 1918 году. — "Вопросы истории КПСС", 1978, № 2, стр. 88.

[246] Л. М. Рейснер. Ук. соч., стр. 177. Автор, по существу, излагает взгляд на этот вопрос Л. Д. Троцкого.

[247] Шифротелеграмма ЦК РКП(б) всем губкомам от 26 марта 1921. "В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917-1922 гг." М., 1975, стр. 435.

[248] В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 24.

[249] Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М., 1967.
Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. М., 1971.
Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М., 1967.
Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960.
Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов тт. 1-2. М., 1968.

[250] Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 7-53.
А. Манусевич. Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917-1920 гг. — "Участие трудящихся зарубежных стран...", стр. 15: в России в годы социалистической революции находилось примерно 4 000 000 иностранцев: военнопленных, рабочих, сочувствующих интеллигентов и т. п.
Л. Яковлев. Об источниковедческой базе изучения истории интернациональной солидарности трудящихся. — Там же, стр. 55-56.

[251] А. Х. Клеванский. Развитие интернационалистского движения в феврале-октябре 1917 г. — "Интернационалисты", 1967, стр. 57-73.
Б. Б. Медведев. Федерация иностранных групп РКП(б). — Там же, стр. 176-228.
А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты. — Там же, стр. 229-280.
Л. М. Зак и др. Французская, англо-американская и итальянская коммунистические группы. — Там же, стр. 516-572.
В. Копылов. Из истории интернациональных организаций военнопленных социал-демократов и местных иностранных групп РКП(б) в 1918 г. " "Участие трудящихся зарубежных стран...", стр. 80-94.
В. Коновалов. Иностранная коллегия коммунистической пропаганды. — там же, стр. 163-168.
Б. А. Томан. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год советской власти. М., 1975, стр. 128-165.

[252] А. И. Спреслис. Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917-1918. Рига, 1967, стр. 49-64, 108-124, 124-150.
История латышских стрелков, стр. 245-270, 302-317.
Б. А. Томан. Ук. соч., стр. 166-197.
Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 59.
Н. Субаев. Иностранные интернационалисты в Татарии. 1917-1920. —"Участие...", стр. 287-289.
"Интернационалисты", 1971, стр. 60-66, 192-207.
Именно интернационалисты применяли артиллерийский обстрел химическими снарядами при подавлении Ярославля и подавили рабочее восстание в Ижевске и Воткинске. ("Шестнадцать дней". Ярославль, 1924, стр. 253.)
"Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917-1920 годах. Воспоминания и документы." Рига, 1962, стр. 155-160.

[253] Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 51.
"Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах". М., 1918, № 20, стр. 8.
Л. Н. Жаров. Центральные органы формирования интернациональных частей Красной армии. Интернациональные части и соединения на фронтах гражданской войны. — "Интернационалисты". М., 1967, стр. 577.

[254] Для 1918 исчислено нами по: Из доклада Главного командования в Реввоенсовет республики о стратегическом положении Республики. 1 декабря 1918. — "Директивы Главного командования Красной армии". М., 1969, стр. 130-131.
Для 1920 приводится по: "Десять лет Советской власти в цифрах". М., 1927, стр. 74.

[255] Для 1918: "Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах". М., 1918, № 20, стр. 8.
Л. И. Жаров. Центральные органы формирования..., стр. 577.
Для 1920: Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 51.

[256] Для 1918: "История латышских стрелков", стр. 194, 232, 302, 315 — исчисление наше.
Б. А. Томан. Ук. соч., стр. 120.
Для 1920: "История латышских стрелков", стр. 552.

[257] Это очевидно из представленных в предыдущих таблицах соотношений: с одной стороны, соотношение погибших красных и белых, с другой — красных и повстанцев.

[258] "История латышских стрелков", стр. 268-170.
Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Ук. соч., стр. 63-64, 145-147, 155-158.
П. М. Калениченко, И. М. Кулинич, П. Сохань. Интернационалисты на Украине. — "Интернационалисты". М., 1974, стр. 51-60.
См. также источники, указанные в примечаниях 200 и 202.
Проблема интернационалистов разработана также в исследовании: И. А. Курганов. Иностранные участники коммунистической революции в России. — "Записки Русской Академической группы в США". Нью-Йорк, 1970, том IV, стр. 55-72.

В. Н. ТРОСТНИКОВ

О ГАРВАРДСКОЙ РЕЧИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Восьмого июня Солженицын выступил в Гарвардском университете с речью, которую можно назвать обращением к Западу. Поскольку писатель давно уже не выступал публично, эта речь привлекла внимание не только в Америке, но и повсюду, в том числе и в России. Реакция на нее в Соединенных Штатах, как и следовало ожидать, была мгновенной. Отклики на эту речь в России не могут быть столь быстрыми, так как официальная пресса для них закрыта. Но наша вынужденная медлительность в данном случае сослужила нам полезную службу: теперь мы можем высказать свое мнение сразу по столь обширному и важному вопросу, который включает в себя и призыв Солженицына и ответ на него американцев.

В заключительной части своего выступления, явившейся философским обобщением сказанного, Солженицын призвал американцев пересмотреть основные человеческие ценности и впредь развивать более духовный, чем материальный аспект жизни. Он назвал это «восхождением на новую антропологическую ступень». Достигнув в конце речи ее высочайшей патетической ноты, он заявил, что «ни у кого на земле не осталось другого выхода, как вверх».

Писатель было глубоко убежден в правоте своих слов и, несмотря на некоторое разочарование, которое он испытал, увидя Запад воочию, все-таки надеялся на какое-то понимание. Но эта надежда его должна теперь рассеяться. Отклики на его выступление в американской печати были либо критическими, либо ироническими, и никто не подхватил того мировоззреческого тона, который прозвучал в его речи. Главное возражение было такое: Солженицын не понимает сущности нашей демократии, поэтому считает нас бездуховными. На самом деле мы живем вовсе не единым хлебом, а и высокими идеалами, и его мрачные предвидения могут вызвать только улыбку. Один журналист сказал, что Солженицын показал себя таким же необоснованным пессимистом, каким был в начале века Освальд Шпенглер.

Итак, Солженицын напрасно бьет тревогу. Но ведь так можно было бы сказать только в том случае, если бы Запад имел перед собой хорошие перспективы. А все объективные данные единодушно свидетельствуют о страшной опасности, нависшей над всем

миром. Какими бы красивыми фразами ни прикрывались современные политики, в действительности все они являются прагматистами и руководствуются лишь сиюминутными интересами, а на такой базе истинная разрядка напряженности в принципе неосуществима. От войны нас спасает пока только относительное равновесие сил, а это значит, что чуть оно сдвинется в пользу СССР, США или Китая, или какого-то парного альянса, сразу же разразится ядерная бойня. Во весь рост поднимается угроза экологической катастрофы, и в прессе постоянно пишут об этом, приводя ужасающие факты и цифры. Не за горами исчерпание запасов нефти и газа, следовательно неизбежен и энергетический кризис, который нанесет удар, в первую очередь, по западному миру. Уже этих трех угроз достаточно, чтобы устрашиться будущего и забить в колокола. Это как раз и делает Солженицын, но над ним смеются. А ведь если бы он говорил то же самое спокойно и академично, как на научных симпозиумах, никто и не подумал бы ему возразить. Создается впечатление, что американцы *понимают* угрозу, но не *чувствуют* ее. Почему?

Ответ совершенно ясен. Беспрецедентная в истории опасность, нависшая над человечеством, возникла не на индивидуальном, а на социальном уровне. Когда Солженицын говорит, что мир, возможно, подошел сейчас к своей гибели, он имеет в виду в основном гибель общества, а затем уже вытекающую отсюда гибель отдельных людей. Болезнь сидит не в наших телах, а в коллективном теле. И подобно тому, как приближение личной смерти предчувствуют не отдельные клетки, а целостная индивидуальная душа умирающего, так и приближение коллективной смерти способна почувствовать лишь та особая, не сводимая к сумме индивидуумов, данность, которую можно назвать коллективной или национальной душой. А ее-то у американцев и нет.

Я предвижу, какую обиду вызовет эта фраза и заранее сожалею об этом. Но ведь в серьезном разговоре нельзя руководствоваться тем, обидится ли на тебя кто-то или нет. У американцев есть государство, федеральные законы, вооруженные силы, политическая платформа, целостность территории, общность языка и истории, но у них нет подымающей их над простой суммой граждан *метафизической идеи*, а значит и нет национальной души в строгом смысле этого слова. Мне ответят, что такая идея есть, и она заключается в святости индивидуальной свободы и личных прав. Это — рекламируемый на весь мир

идеал американцев, о котором только и говорят политические деятели. Но именно такой идеал меннее всего годится для данной цели... В самом деле, как общество может образовать соединение высшего порядка на основе заведомо антиобщественной установки, какой является мысль о примате личных прав при туманном представлении о внутренних обязанностях? Эта индивидуалистическая идея способна образовать конгломерат, но никак не сверхорганизм, ибо в ней самой уже заложено противодействие его сформированию. Идея, порождающая нацию как сверхорганизм, т. е. как сообщество, обладающее собственной трансцендентной жизнью, собственными инстинктами и собственной мудростью, должна иметь порядок, отличный от порядка той идеи, которая дает жизнь частям. А американцы просто увеличили до масштабов государства бытовое представление о личном благополучии и утверждают, что это есть их национальная идея. Нет, для возникновения живой нации нужно нечто такое, что формулируется в языке в н е ш н е м по отношению к языку, оправдывающему частную жизнь. Это ясно и из философских и из логических соображений. Если этой внешней идеи нет, то собрание индивидуумов не превратится в некую дренажную систему, по которой в отдельные умы и души начнет проникать сверхчеловеческая интуиция. В этом мире за все приходится платить. Если человек желает приобщиться к социальному инстинкту высшего ранга, он должен поступиться какими-то эгоистическими началами или, по крайней мере, признать, что целое больше совокупности частей.

Солженицын и ответившая ему пресса говорили на разных языках. Беда не в том, что с ним не согласились, его просто никто не услышал. Вещи, которые его заботят, лежат в плоскости, недоступной американским журналистам и обозревателям. Он ставит вопросы мировоззренческого характера, затрагивает проблему смысла человеческого существования, а ему отвечают: садись на автобус, поезжай по штату Вермонт, и ты увидишь хороших и здоровых и телом и духом людей. Да ведь он и не отрицает индивидуального здоровья богатых американских обывателей. Он видит б о л е з н ь о б щ е с т в а. И видеть эту болезнь дает ему то, чего у американцев нет и быть не может.

В откликах на гарвардское выступление проскальзывали нотки: с чего вдруг этот русский присвоил себе право поучать нас жить? Гордящаяся своей объективностью пресса в данном случае почему-то забыла пословицу «со стороны виднее». Но дело

не только в этом. Именно р у с с к о г о американцам следовало бы выслушать с повышенным вниманием. Какие бы промахи мы ни находили в нашей истории, одного никто нас не лишит: национальная идея всегда существовала в России, коренилась в душах русских людей и помогла нам пережить невероятные испытания. Эта идея была насильственно разрушена в России совсем недавно, поэтому она до сих пор не погасла окончательно в душах особо чувствительных к своей истории людей, к которым, бесспорно, принадлежит Солженицын. Имея в себе частицу выработанного веками коллективного инстинкта, такие люди способны подниматься над личным сознанием, над тем, что философы называют «обыденной реальностью» и делаться проводниками общественного сознания, т. е. п р о р о к а м и. И американцы, у которых по молодости их истории и по отсутствию истинно метафизической национальной идеи, питающей национальный дух мудростью, таких пророков быть не может, должны были не только задуматься над словами Солженицына, но и благодарить судьбу за то, что из-за совпадения тысячи случайностей эти слова были произнесены в их стране.

Но похоже, что они даже просто не задумываются над ними, хотя некоторые журналисты вежливо приглашают сделать это. Национальное чувство в США есть простая сумма индивидуальных чувств биологически здоровых индивидуумов, поэтому оно совершенно спокойно и безмятежно. А Солженицын пытался выйти именно на уровень национального сознания. Провал его призыва был предопределен. Общество, руководимое только идеей личного благополучия, не имеет органа для восприятия того, что лежит за рамками индивидуальной жизни. Что ж, как сказал Вивекананда, истина не обязана преклоняться ни перед каким обществом — это общество должно преклониться перед истиной или погибнуть. Но сейчас произнести эту фразу куда труднее, чем сто лет назад. Гибель западного общества, составляющего неотъемлемую часть нашей современной цивилизации, может обернуться нашей всеобщей гибелью. Разве в этом смысле не оправдано наше острое внимание — иногда болезненное — ко всему, что делается в Соединенных Штатах?

ОТКЛИКИ НА ГАРВАРДСКУЮ РЕЧЬ СОЛЖЕНИЦЫНА В США

Отклик на речь, произнесенную А. И. Солженицыным в июне 1978 в Гарварде, был всеамериканским. Речь всколыхнула всю страну и вызвала в ней широкий спор, продолжающийся и поныне. Журналисты признали потом, что пресса ожидала злободневной речи. От глубокого духовного и нравственного уровня услышанного пресса в значительной мере растерялась и сумела сосредоточиться лишь на отдельных темах. Масса же слушателей и читателей оказалась более способной воспринять подлинное значение речи. Это, впрочем, естественно, поскольку религиозно мыслящих людей в Америке куда больше процентно, чем религиозно мыслящих журналистов. Спор о солженицынской речи разгорелся на страницах всех американских газет и журналов, и по мере того, как в него вступали те органы печати, которые в Америке принято называть газетами и журналами мнений (в отличие от чисто информационной прессы), начали раздаваться более глубокие суждения за и против. В спор включились и читатели, письмами в редакции, — часто с суровой критикой в адрес самих органов печати.

1. Отклик телевидения

Через несколько часов после выступления Солженицына Бостонская некоммерческая телевизионная станция устроила часовую передачу, в которую включила отрывки из речи и комментарии о ней. Выбор был характерен для первой реакции американских «медиа» — политическая часть была передана почти полностью, а историко-философская просто опущена. От оценки вьетнамского поражения прямым прыжком перешли к концу речи, к словам о повороте, к которому подошёл мир — и невнятно стало, почему же ни у кого не остаётся никакого пути, кроме как вверх. И хотя один из комментаторов, Харисон Солсбери, часть своих замечаний посвятил именно духовно-религиозному аспекту, это ни в коей мере не восполнило пробела передачи.

В комментариях особенно второго журналиста, Лидона, явно ощущалась растерянность. «Уже давно не слышали мы такого пуританина. Знаменитый пуританский проповедник Мадер, один из бывших президентов Гарвардского университета, показался бы

нравственно расслабленным в сравнении с требованиями Солженицына...» И дальше: «отдельные пункты речи звучат почти безрассудно, однако в общем это была поразительно мощная и глубоко духовная речь». А какие же отдельные пункты неприемлемы? и отказ от окостенелых формул Просвещения. Но ведь они — Вполне твёрдо: «неверие в свободу прессы и в ценность законов... столпы американской интеллектуальной, политической и юридической жизни».

«Солженицын видит мир в категориях добра и зла, он верит в первородный грех: он — прямой преемник проповеднической традиции Новой Англии. Место, где он выступал, было самым подходящим для такого выступления, потому что в Новой Англии призывы такого рода раздавались в течение трёхсот лет; правда в последнее время не так уж часто...»

«А какова может быть реакция политических кругов Америки на эту речь? ...Ведь Картер — первый президент, который вёл свою предвыборную кампанию, как христианин». Тем не менее оба журналиста убеждены, что американские политические круги и даже вообще американская интеллигенция в наши дни не могут принять этой речи (за исключением правых консерваторов, которые по их мнению используют её политически, а не духовно).

Первые два комментатора не во всем были согласны друг с другом. «Мне кажется, — говорит Лидон, — Солженицын несчастен вне своей тюрьмы и в этой речи он как бы объявляет себе другую, внутреннюю ссылку уже в этой стране. Может быть это просто его умственный склад?» Солсбери возражал: «Посмотрите на всю его жизнь, он всегда относился критически к своему пути... Даже в юности он критиковал свое общество — а теперь он критикует здешнее общество. Я не могу себе представить, чтобы этот человек, с его живым, активным, энергичным умом, с его сильными страстями, с его напором, когда-либо отдыхал или чувствовал себя вполне умиротворённым». Он считает, что мы становимся шаткими потому, что у нас нехватает напора. Посмотрите на него: ему 60 лет, а говорит он, как будто ему на 20 лет меньше, он полон жизни и силы. Лидон задал вопрос, который не раз потом повторялся: «Не слишком ли много мы ему спускаем? Ведь Вы бы не стали писать отчёт об американской жизни из Кавендиша в Вермонте... Ведь смешно судить об американской жизни, не выходя за свои ворота...» Солсбери ответил: «У нас было множество сельских философов, это — в

нашей традиции. Философ не обязательно вращается во всех тех кругах, о которых пишет. Он может ошибаться в частностях, но быть правым в основном».

Пресса реагировала на следующий же день. [illegible]

2. Реакция «Нью-Йорк Таймс».

Самую чёткую позицию в духе «всё у нас построено на формулах Просвещения» занял «Нью-Йорк Таймс», который своей односторонней реакцией подтвердил суровое суждение Солженицына о прессе. «Нью-Йорк Таймс» напечатал лишь несколько коротких отрывков из речи, лишив читателей возможности составить себе о ней собственное мнение; в то же время он поместил резко отрицательные статьи, одну от редакции, другую, написанную известным политическим комментатором Джемсом Рестоном. Передовая в «Нью-Йорк Таймс» (от 13 июня) начинается с признания за Солженицыным полного права — больше, чем за кем бы то ни было — призывать Запад к нравственной ответственности и к самокритике. Некоторая доля самокритики допущена газетой: «да, законы используются богатыми и могущественными людьми для того, чтобы добывать себе ещё больше богатства и могущества»; «наша пресса часто безответственна, телевидение — болото глупости; порнография процветает, и нация боготворит материальные блага...» Тем не менее, по мнению Н.-Й.Т., мировоззрение Солженицына гораздо опаснее, чем все эти беды, вместе взятые. «Выдвинутый им спор не нов: он восходит к самому началу республики, и с тех пор никогда не прекращался. По сути дела это контраст между религиозными Энтузиастами (представителями религиозных сект и течений, в основном кальвинистского происхождения, которые играли большую роль в духовной и интеллектуальной жизни Америки, — прим. пер.), и людьми Просвещения». «Правда, Солженицын совсем иной традиции, но общее между ним и Энтузиастами — это убеждение в том, что они владеют истиной, а что вокруг них всё — сплошная ошибка». Джемса Рестона особенно задели слова о том, что на Востоке народы «прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт»; он понял их неверно — в том смысле, что советский строй, как таковой, выше западного, — и удивляется: «как же так, такое заявление от писателя, давшего миру потрясающее свидетельство о советских тюрьмах и лагерях». Гнев Рестона вызвали конечно и слова Солженицына о Вьетнаме: «Он (Солженицын) справедливо напоминает нам, что полноценны только нравственные критерии, но противоречит сам себе, утверждая, что надо было продолжать бойню во Вьетнаме». В своей оценке современного мира «Солженицын перешёл все границы», в сравнении с ним «Закат Европы» Шпенглера звучит оптимистически». Хотя он и прав, что «поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века», его «жестокая критика прессы отчасти справедлива», он «высказал много верных и даже благородных мыслей... о моральной убогости западных наций, об эгоистическом злоупотреблении свободой», но тем не менее «слова его звучат иногда как высказывания расколотого разума», так как «духовное превосходство СССР не позволило бы ему произнести такой речи в Московском Университете».

Затем «Нью-Йорк Таймс» опубликовал несколько писем читателей (получено было множество). Вот несколько выдержек:

«В Гарвардской речи нас рассердила манера обращения и высокомерное снисхождение оратора...» «А какую альтернативу он нам предлагает? Дореволюционную аграрную Россию? Это реакционно...» «Солженицын — в духовном изгнании на всей планете...» Но: «Для нашего общества было неожиданностью услышать разрушительную критику, с безжалостной логикой большого писателя...» «...Какое облегчение это услышать!» и т. д.

3. Реакция «Вашингтон Пост».

«Солженицын похож и на голубя из Книги Бытия, не находившего, куда опуститься отдохнуть, и на тех пророков, которые другим не позволяют отдыхать... Как и полагается пророку, своей Гарвардской речью он вызвал реакцию, которая разоблачает самодовольство нашего общества...», — так пишет в «Вашингтон Пост» крупный американский обозреватель Джордж Уилл. «...Нью-Йорк Таймс, широкий скептицизм которого распространяется на всё, кроме собственных взглядов и мнений, называет Солженицына опасным фанатиком потому, что он будто бы считает себя обладателем Истины, и высказывает при этом пожелание, чтобы Солженицын больше походил на основателей нашей страны. Однако Таймс забывает, что для того, чтобы наше государство основать, наши праотцы совершили предательство (т. е. нарушили присягу английскому королю) и вступили в восьмилетнюю войну в защиту Истины, для них очевидной и неоспоримой... Говорят, что взгляды Солженицына глубоко русские, что они вытекают

из особых политических и религиозных источников, далёких от современного западного мира. Да, взгляды Солженицына не современны, они даже идут против общего современного течения, но они отнюдь не исключительно русские. Его понимание природы человека и основной политической проблемы широко совпадают с идеями Цицерона и других древних мыслителей, с идеями Блаженного Августина, Фомы Аквината, Паскаля, Томаса Мора, Бурка, Гегеля и других. Его идеи уходят корнями в долгую и широкую интеллектуальную традицию, по сравнению с которой тонка и коротка традиция так называемого новейшего мышления...» Уилл резко критикует газеты, в которых сам печатается, как «Вашингтон Пост».

В редакционной статье этой газеты считают, что «враг Солженицына — не столько коммунизм, сколько природа современного человека».

«Вашингтон Пост» не только опубликовала пространные выдержки из речи, но дала возможность высказаться и многочисленным читателям. В одной из статей обозревателей мы читаем: «Тон (Солженицына) раздражает, его суждения высокомерны, как будто он говорит с высоты Олимпа, в них нет оттенков, и тем не менее... резкий и горький Солженицын оказал нам большую услугу. Он бросает нам вызов и заставляет нас внимательно присмотреться к самим себе. Можно бурно возражать против его взглядов, но нельзя игнорировать ни их, ни его».

Другой комментатор, несколько дней спустя: «Критика Солженицына... была резкой, вызывающей и интересной на всём протяжении его речи. Но поскольку моя профессия — журнализм, то я и ограничусь тем, что он сказал о прессе, — а это немало... В каждом его критическом высказывании о печати есть преувеличения и неправильные толкования фактов, однако в каждом из них есть и доля правды... Надо признать, что американская пресса страдает от потери разнообразия и значительной доли своей традиционной и благодетельной сварливости и придирчивости. Большая пресса, т. е. самые влиятельные газеты и журналы, преподносят нам однородную пищу, замалчивая крайние идеи и мнения...»

Даже самые отрицательные и раздражённые отзывы на речь содержат признание Солженицына великим писателем. Это находим мы и в одной из самых полемических статей по поводу Гарвардской речи, опубликованной тоже «Вашингтон Пост» под заглавием «Солженицын в Гарварде»: **Гнев, направленный не туда, куда надо**. Статья отражает взгляды той радикальной американской интеллигенции, которая критикует Америку за недостаточность свободы, социальную несправедливость и т. п., и видит выход из этого положения — в неопределенном социализме с человеческим лицом. «Нам говорят, что Солженицын имеет право так говорить, потому что он пророк и мистик... Пророки, жившие 30 веков тому назад, были резкими, устрашающими, но их мощь заключалась в том, что они изобличали одни только специфические злоупотребления. Исайя всё время думал о том, что деньги, предназначенные на войну, должны вместо этого быть отданы бедным. Амос непрерывно нападал на священнослужителей, которые выбрасывали деньги на роскошные храмы, в то время как люди были голодными и бездомными. Об ином они мало думали и говорили, и потому были так действенны... Солженицын как будто только старается втоптать нас в землю, но не указывает, как нам снова подняться...» Однако: «Никто в наши дни не писал с большей силой об ужасах, которым подвергались бесчисленные русские в советских лагерях; это было действительно дело пророка», и дальше: «публика должна сделать усилие, чтобы продолжать любить храброго, независимого писателя, принадлежащего к эпической традиции: гигантов нужно беречь и хранить.»

Наконец та же «Вашингтон Пост» опубликовала длиннейший (по газетным масштабам) очерк Артура Шлезингера-младшего, профессора Нью-Йоркского Городского Университета, историка, пользующегося в наши дни большой известностью в кругах либеральной американской интеллигенции. Очерк его озаглавлен «Солженицын, каким мы оказываемся его видеть» и представляет собой попытку объяснить, из чего родилась и что собственно означает Гарвардская речь. Основную мысль Шлезингера вкратце можно изложить так: мы, американцы, видим в Солженицыне великого писателя, защитника свободы и прав человека, вступившего в единоборство с мощной безжалостной властью и вышедшего из этой смертельной схватки победителем; но мы не хотим видеть в нём мыслителя, философа, идеолога, который «отвергает либерально-демократический строй и стремится к христианскому авторитаризму». Шлезингер убеждён, что американцы не могут принять этого мировоззрения: «зная, сколько преступлений совершено было во имя той или иной **единой Истины**, американцы предпочитают быть открытыми для соревнующихся между собой многочисленных истин с маленькой буквы... Солженицын выступает в духе забытой традиции апокалиптического пророка, как библейский пророк призывая всех преклониться перед Всевышним.

Мало кто из ныне живущих заслужил себе право говорить с авторитетом пророка. Он — человек примерного благородства и крайнего мужества. Мощный беллетрист, историк, художник и моралист, взявший на себя страдания соотечественников, и великолепно изобличавший низкий и подлый строй. Когда Солженицын говорит, мир должен слушать. Но он должен слушать внимательно, понимая, что пророчество несёт в себе свой собственный догмат и что пророки не непогрешимы... Консервативные его поклонники отвергнут его критику капитализма, а либералы — его критику демократии... Его Гарвардская речь — не новое его открытие о Западе, он всегда так о нём думал... Его толкование природы и судьбы человека было бы вполне сродни пуританам, проповедовавшим в Гарвардском дворе три века тому назад... Его мощное и проницательное мировоззрение, величие и глубина его понимания зла, присущего человеческой природе, всё это выявляет плоскость новообретенной религиозности Белого Дома, который противореча Св. Августину и всему кальвинистскому миропониманию, провозглашает доктрину присущей человеку добродетели... Солженицын бросил вызов американскому самодовольству, гедонизму, посредственности массовой культуры, упадку самодисциплины и гражданского духа... Тут он стоит на одной почве с нашими пуританскими предками. К тому же его вера пронизана мистицизмом загробной жизни. С точки зрения русской религиозности земное счастье — ничто по сравнению с Божьим судом... Пуританская традиция была более эмпирична, более способна на уступки демократии, свободному обществу, в котором человек сам себе прокладывает путь трудом... В 18 веке кальвинизм впитал в себя традицию Джона Локка и положил философскую основу американскому опыту демократии. И тут традиции разошлись. Поэтому видение Солженицына с его равнодушием к человеческому счастью, с его презрением к демократии, с его верой в авторитарное государство, так чуждо великой традиции Запада... Солженицын приехал к нам с уже предвзятым мнением об американском упадке и трусости... Мы приветствуем его, радуемся его присутствию среди нас и преклоняемся перед его свидетельством, но он должен понять несостоятельность его грандиозного видения с точки зрения демократического свободомыслящего общества...»

Слова Шлезингера о «плоской религиозности» в известной мере были откликом на выступление жены Президента Картера, которая в пресс-конференции вскоре после Гарвардской речи

сочла нужным возражать на неё и как бы встать на защиту американского народа. «Я не слишком оптимистически отношусь к настроениям в нашей стране, но... я могу заверить вас, что люди здесь не слабы, не трусы и не истощены духовно... Александр Солженицын говорит, что он чувствует давление зла во всей нашей стране. Ну, а я совсем не чувствую этого давления». В доказательство правильности своего суждения Розалин Картер привела такие черты, как щедрость американцев, их всегдашнюю готовность отозваться на чужую беду и их участие во всевозможных благотворительных акциях. Выступление г-жи Картер вызвало немедленную и в общем скорее отрицательную реакцию американских граждан, писавших или звонивших в Белый Дом. Часто жене президента задавали вопрос: «а вы читали или слышали полный текст речи Солженицына?»

4. «Вашингтон Стар»

Вторая по важности газета столицы, «Вашингтон Стар» в редакционной статье задает вопрос: что же собственно нам говорит Солженицын? И отвечает: «одна из его тем это, что приверженность Запада к либеральному плюрализму не позволяет ему видеть беспощадность и зло тоталитарных амбиций. Он говорит, что мы дурачим сами себя, приписывая наши собственные благожелательные цели тем, у кого цели совсем иные. И в этом есть тревожащая истина. Мы вынуждены жить с этой постоянной тревогой. Однако лекарство не очевидно; ведь к самым смертельным из многих тоталитарных искушений принадлежит то, что свободные общества в самозащите могли бы превратиться в то самое, от чего они защищаются». И дальше: «Но политика и стратегия — отнюдь не центральная тема обращения Солженицына. Его пророчество не политическое в узком смысле этого слова, а, в некоторых отношениях, оно просто анти-политическое. Оно принадлежит к другим областям: исторической, эстетической, религиозной...» «...Периодические обвинения, которые Солженицын предъявляет западным гуманистическим ценностям, вызывают резкое желание опровергать и защищаться, что по всей вероятности доказывает тревожную точность самих обвинений...» «...однако великий русский пророк, живущий среди нас, по всей вероятности преувеличивает упадок Запада и во всяком случае недооценивает сложные преимущества свободных политических и экономических систем. По своей природе они не могут направлять вкусы или моральные цели, которым они предоставляют свободное поле

действия. Регламентация, — хорошо это или худо, — не цель наших государственных систем, государство не может быть учителем людей... Эту роль мы предоставляем церкви, школе и семье. Сила или слабость этих институтов отражается в том разложении и беспорядке, о которых сожалеет Солженицын; свободные народы ждут духовного возрождения от усиления и укрепления этих институтов».

5. «Крисчен Сайенс Монитор».

Этот крупный информационный орган считается газетой интеллектуальной элиты Новой Англии, несмотря на прилагательное «христианский». В редакционной статье газета писала: «А. Солженицын — слишком мужественный и проницательный критик своей страны, чтобы можно было не слушать его, когда он говорит о Западе... Его обличение культа материального благополучия и его громовой призыв к духовному пробуждению вполне заслуживает внимания. Но на них бросает тень его неуравновешенная оценка западных наций и его непонимание механизма демократии... Его право, конечно, отвергать западное общество как модель для изменения Советского Союза. Во многих отношениях и мы разделяем его мнение... Вот в чём мы не согласны с Солженицыным: он как будто ставит знак равенства между невероятным материальным прогрессом Запада и потерей моральной и духовной жизнеспособности. Мы же склонны утверждать обратное. Именно духовная концепция христианства, вместе с политическими и социальными идеями Просвещения, освободили человека и развязали его способности к развитию... Тем не менее не надо игнорировать предупреждения Солженицына. Нельзя отрицать, что Запад в опасной мере забыл библейские наставления. Он насыщен материализмом и... стал привержен букве закона больше, чем внутреннему самоограничению, которое одно и создаёт порядок и стабильность в обществе. Возможно, Запад действительно стал терять мужество перед лицом растущего вызова мирового коммунизма. Человечество действительно подошло к решающему историческому повороту... и каждый гражданин Запада должен задуматься над вопросами, которые задаёт Солженицын...»

Газета опубликовала статью известного публициста Нормана Кёзинса. «Солженицын уже не раз высказывал жёсткие вещи о западной цивилизации вообще, и об Америке в частности. Не новость, что знаменитый русский писатель, изгнанный советским

правительством, считает наше общество развращённым, алчным, злым, испорченным и страдающим от недостатка духовных ценностей. Важно понять, что при всём своем блеске Солженицын никогда не был страстным защитником демократии и политической свободы. Для него демократия слишком недисциплинирована, слишком неорганизована, слишком криклива и далека от тех целенаправленных ценностей, которые может дать только религия...»

Но «...основатели нашей державы обладали глубоким чувством истории, они изучили все виды государственного устройства и решили, что свободная политическая система, со всем её беспорядком, неряшеством и даже хаосом, все же предпочительна аккуратному авторитаризму, в котором церковь обладает политическим влиянием. Я рад, что Солженицын чувствует себя свободным высказывать своё мнение в США. Нельзя ждать от него молчания на том основании, что он — гость. Но можно и удивиться: если жизнь в США столь скверна и продажна, зачем он поселился именно в этой стране?»

Известный обозреватель Р. Дреммонд в статье «Неправильный вопрос Солженицына» возражает всем тем, кто обиделся на Солженицына за критику их страны, где он — гость: «Я не вижу, почему надо обвинять его в неблагодарности. Наше гостеприимство ни на кого не накладывает никаких обязательств. Мы можем только гордиться тем, что человек, осмелившийся поднять голос против советских репрессий, теперь обладает свободой высказывать свое мнение о жизни в стране, где он живёт...» Неправильный же вопрос Солженицына заключается в том, что он ищет хорошего общества, которого нет — ни советское коммунистическое общество, ни американское демократическое — не хороши. Но спросить надо было бы — какая система более способна к улучшению? «...Мне нравится определение Уистона Чёрчилля: демократия самая худшая из систем, за исключением всех остальных». И автор приходит к выводу, что отрицательная и временами болезненная реакция на речь в большой мере вызвана была словами Солженицына, что он не рекомендовал бы западное общество как образец для преобразования советского.

Письма читателей по поводу статьи Кёзинса: «Что это за постыдное судилище, где журналист судит одного из величайших художников XX века? Парафразируя Солженицына, я спрашиваю: кто избрал Кёзинса на публикацию таких упрощенных мнений, не печатая при этом речи подсудимого или хотя бы выдержек из неё? Разве читатели «Монитора» не имеют права на полную

свободу прессы, т. е. на то, чтобы ознакомиться с обеими сторонами вопроса? Гарвардская речь не была проявлением отсутствия энтузиазма к свободе, она — творческий элемент в демократических прениях о нашей проблеме: как сохранить мир, не дав себя проглотить антагонистической силе СССР? Речь дает нам возможность взглянуть изнутри на слабости нашего общества. Она даёт пищу для размышления всем тем американцам, которые не удовлетворятся стереотипным «приговором» Кёзинса».

Другой читатель: «...В **Письме вождям** Солженицын представляет себе Россию будущего, такую Россию, в которой законы не будут клочками бумаги, и не будут использоваться в защиту произвола и тирании. В том же очерке Солженицын сильно высказывается за разделение власти и особенно защищает новое рождение культурных свобод».

Письмо от группы жителей Кавендиша, где живёт Солженицын: «По нашему мнению Солженицын добился того, чего хотел: он потряс страну с силой землетрясения. Он говорит, как друг, а правда, которую он говорит, не только горькая, она в большей мере действительно правда... Многие из нас плачут о потере старомодных добродетелей той частью нашего общества, которая у всех на виду... Кто докажет ему, что мы способны выбраться из болота?.. Пресса особенно набросилась на слова о «праве не знать», усматривая в них атаку на свободу слова. Но это не так! Эти слова увещевают избавить нас от вздора, от пустяков — в мире, который уже перенасыщен ничего не значащими пустыми словами... Приговор — это что наша страна, Соединённые Штаты Америки, нуждается в серьёзных изменениях сейчас же. Весь вопрос в том, что мы сумеем сделать для этого?»

6. «Журналы мнений».

Так называемые журналы мнений, среди которых многие христианского толка, подошли к Гарвардскому выступлению более вдумчиво. Вот некоторые отзывы:

«Он не прав во многих частностях, но прав в основной мысли: Запад духовно болен и страдает от глубокой потери воли... Центральная его тема — есть нечто более высокое, чем ценности нашей системы... Запад менее всего чувствует различие между добром и злом. Наши либералы обычно краснеют при слове «зло» и предпочитают говорить «ошибка, эксцесс»... Мы должны были бы понимать Солженицына так же, как мы понимаем жертв нацизма: он видел другую сторону того же ада, и она не менее сатанинская оттого, что на ней висит более модный ярлык... Либеральная демократия в последнее время проявляет терпимость ко всему, что не оставляет крови на стенах. Когда демократия становится самодовлеющей, она превращается в карточный дом... Когда терпимость ко множеству соревнующихся идей сама по себе становится идеологией, когда мы начинает говорить, что все идеи равны, это нечто новое и чрезвычайно опасное... Как-то во время лекции, одна из студенток спросила: неужели я считаю, что есть лучшие и худшие идеи? — и когда я ответил утвердительно, она была искренне поражена. Один из преподавателей поддержал её: по-вашему не все идеи одинаковы? Это как раз тот образ мышления, который повёл к крестовым походам и к инквизиции. Я привлёк его внимание к различию между предпочтением данной идеи и насильственным навязыванием её, но он как будто не мог этого понять. Я предположил, что идеи Сократа всё же лучше, чем идеи Гитлера, — он отказался это признать... Повидимому, некоторое короткое замыкание такого рода произошло и в умах людей, которые не могут понять, что когда Солженицын говорит о неразумной свободе прессы — это не значит, что он призывает к цензуре, а когда он говорит, что свобода не есть наивысшая человеческая ценность — это не значит, что он призывает к авторитаризму. Его стремление к духовности отнюдь не есть стремление к теократии... Он просто подсказывает нам, с тем авторитетом, который даёт всё им выстраданное, что человеческая воля имеет пределы... То, что Солженицын говорит о Западе, не есть особый вид русского недовольства. Анна Арендт, например, писала, что западное образование уничтожает убеждения...» («Джон Гарвей в журнале «Коммонуил»).

«Знаменитый русский изгнанник сказал нам, что США — не моральный Прометей, что мы вложили слишком много надежды в социальное и технологическое развитие, которое нисколько не искупает нашей духовной бедности... Солженицын не мог не заметить духовного нигилизма нашего искусства и нашей литературы... Перечитав его речь несколько раз, я нахожу в ней глубокое духовное проникновение в жизнь нашей нации. Медиа нашей либеральной интеллигенции попыталась отмахнуться от него, как от «православного мистика» или «отшельника из Вермонта»... Я надеюсь всё же, что есть люди, готовые слушать его и среди тех, кто создаёт западные ценности и кто ответствен за их тол-

кование и распространение...» (Харольд Кьюн, профессор философии религии, в журнале « Christianity today »).

А вот несколько крайняя реакция «секулярного комментатора» в журнале «Нью Лидер». «Величие Солженицына как писателя и как человека бесспорно, но уже в прошлом, а в Гарвардской речи ещё раз он заставил нас усомниться в своей компетентности как политического философа... Он проявляет себя типичным политическим романтиком, который пытается уйти от нерешённых проблем настоящего в никогда не существовавший Золотой Век прошлого...» На самом же деле самая страшная угроза нашего времени — это «ядерная война, которая сделает устарелым различие между понятиями нападения и защиты, победы и поражения...» Любопытно раздражённое заключение автора: «Аплодисменты гарвардской публики, от которой можно было ожидать высокого уровня образования, действительно можно счесть эмпирическим доказательством упадка Запада...»

7. Провинциальная пресса

Реакция провинциальной прессы часто менее стандартна, чем в центральных газетах.

Американская пресса — явление своеобразное в силу необычайного множества местных публикаций, обслуживающих сравнительно небольшие области. Средний житель Соединённых Штатов читает именно свою местную газету, а не столичные. Тираж «Вашингтон Пост» не достигает миллиона экземпляров даже по воскресеньям (когда гораздо большее число людей покупает газету, чем в будние дни). «Нью-Йорк Таймс» при всём своем могуществе продает всего лишь полтора миллиона экземпляров по воскресеньям (когда он превращается чуть ли не в альманах) и меньше миллиона по будням. И тем не менее есть укоренившаяся — у иностранцев, и как ни странно у самих американцев — привычка принимать суждения этих двух газет как отражение общественного мнения Америки. «Вашингтон Пост» — это столичная газета, «Нью-Йорк Таймс» — наиболее ориентированная (хотя и поверхностно) на внешний мир американская газета, — всё же большая ошибка судить только по ним о мнениях и настроениях этой огромной страны с её разнородным населением, у которого прочно укоренены привычка самостоятельно мыслить и сильный дух противоречия.

Вот статья гарвардской выпускницы этого года, опубликованная газетой города Портланд в штате Мэн: «Он перевернул многие наши представления о нас и о мире, которые Гарвард так тщательно выращивал... Он сделал из нашего выпуска ту веху, какой и должна быть такая церемония. Он бросил нам вызов, он растормошил нас — и он останется с нами».

«Прежде чем присоединиться к хору критики, не будем забывать, что Россия всегда была глубоко духовной страной... Нельзя понять её великих писателей, не зная, что означало христианство для её народных масс... Солженицын в Гарварде говорил так, как он пишет: из сердца христианской России. Диоген может потушить свой фонарь: к нам пришёл честный человек. Постараемся прислушаться к его словам, пока он с нами. У пророков есть такая привычка — внезапно уходить». («Вермонт Католик Трибюн»). «Точка зрения Солженицына становится понятной в контексте славянофильского мышления... Для него наше общество — обречённое, а Россия восстанет, чтобы стать спасением мира... Но надо рассмотреть специфические вопросы, которые он поднял, а не спорить с ним. Настоящий вызов — внутри нас самих... Мы должны преодолеть слабости западного образа жизни... Его волнение о недостатке у нас духовности звучит глубоко правдиво...» («Балтимор Сан»). «Удивительна... ошибка журналистов в толковании его слов о превосходстве восточных характеров над западными: как бы некий павловский рефлекс заставляет их... высмеивать неблагодарного иностранца. Но ведь Солженицын совсем не хотел сказать, что надо аплодировать коммунизму в России за то, что он культивирует духовное развитие; наоборот, он говорил о духовном росте людей, гонимых и притесняемых большевиками и их аппаратом... Солженицын в Гарварде сказал многое, что просто выходит за пределы общепринятых рассуждений... Так как многие из тех идеалов, которыми мы оправдываем наш американский образ жизни, уходят корнями в Просвещение, — мы не должны удивляться критике, исходящей из более древней, более суровой и более пессимистической духовной традиции. И недостаточно отмахнуться от этой традиции под предлогом, что её в данном случае представляет русский. Правда, литературная родословная Солженицына связывает его с Толстым и Достоевским... Но в его гарвардских словах вновь обращались к нам Паскаль, Бл. Августин и Апостол Павел... Убеждение в том, что есть неискоренимое зло, исходящее не от Природы и не из социальных структур, а из сердца человека — это центральная тема христианского Запада...

Как потомок людей, смотревших на русских христиан из-под копыт их коней, я не слишком почитаю наследие христианских веков с его запасами то милосердия, то жертвы... И тем не менее... нельзя не принять призыв этого православного русского к моральному росту» (Алан Бергер в Бостонской газете «Рил Пэйпер»).

«Ретланд Дейли Геральд»: «Последствия гуманизма, автономность человека дали много хорошего, но они породили и эгоизм, и пустоту, — и редко кто сумел сказать это ярче, чем Солженицын... Те критические высказывания, которых мы не принимаем от наших политических деятелей и от наших военных, подозревая за нами эгоистические групповые интересы, мы принимаем от Солженицына, потому что он незаинтересован и искренен, и слова его звучат правдой...» «Атланта Джёрнал»: «Центральная тема речи Солженицына — тревога и печаль о судьбе всех людей на нашей планете...» «Рекорд», Нью Джерси: «Те категории, к которым привыкло большинство американцев, либералы и консерваторы, ястребы и голуби — расплываются и исчезают в присутствии ясновидящего. У Солженицына есть чем привлечь и оттолкнуть любую часть американского политического спектра... Если спросить себя: какими были библейские пророки, или Данте, Мильтон, Ницше — то Солженицын наверное очень близок к ним. Человечество может вынести лишь очень немного таких людей в одну эпоху. Но где было бы человечество, если бы их не было?» «Лос Анджелес Таймс»: «А. Солженицын в Гарварде был прямым продолжателем великих пуританских проповедников, как бы их перевоплощением, и в этом было много прелести... но мало прелести было в его осуждении нашей свободной прессы, нашего подчинения законам и нашей озабоченности правами человека. Для тех из нас, кто помнит трупы вьетнамских женщин и детей, изуродованных и сожжённых нашим напалмом, мало прелести было в его осуждении студентов, протестовавших против нашего долгого и трагического вмешательства во Вьетнаме... Его речь была реакционна»... Ответ читателя, тоже бывшего ученика Гарварда, напечатанный в той же газете: «Автор комментария о речи... чувствует себя «прогрессивным либералом» и поэтому смотрит на Солженицына с презрением... Это вполне естественно, поскольку автор вырос в ложной системе образования, которая лет на 50 отстала от всего новейшего научного развития. Она основана была на материализме Ньютона и на скептицизме Давида Хьюма, а религиозное мировоззрение полностью удалено было из нашей системы образования. Результаты этого: вандализм, невежество, неуважение к авторитету, безнравственность и преступность. Все цивилизованные нации находили в Боге мудрость и нравственный закон... Но даже не в этом дело, а дело в том, что новая физика Эйнштейна, Нильс Бор, Де Бройль, Гайзенберг и Шредингер полностью отбросили наивный материализм Ньютона и обратились к религиозному мышлению и даже к мистицизму... Таким образом получается, что реакционер — это автор статьи, который упорно цепляется за устаревшее антирелигиозное мировоззрение... Солженицын может ошибаться по частным пунктам, но в главном он прав».

«Пайлот» (газета католической епархии в Бостоне): «...Пресса набросилась на отдельные, вырванные из контекста отрывки гарвардской речи... Присутствовали ли её надменные оракулы в Гарварде или нет — в общем не важно, ибо им всё равно всегда трудно слушать кого бы то ни было, кроме самих себя и своих поклонников... Солженицын сказал, что путь от Средних Веков до нашего времени обогатил наш человеческий опыт, но ослабил, если не устранил полностью, ощущение Божественного в нашей жизни... В секулярной обстановке нашего времени понятно, что эти слова воспринимаются, как нечто жёсткое и неприемлемое: как можно говорить о Боге и о Его правах, когда современные умы одержимы человеком и его неограниченными возможностями?..»

Статья журналистки Мэри Мак Грори была напечатана в ряде провинциальных газет под разными заглавиями (заглавия обычно даёт не автор, а редактор данной газеты); одно из самых характерных — «Трудно смириться с тем, что гигант нас не любит». Центральный тезис статьи, промелькнувший, как уже упоминалось, во множестве других комментариев, в той или иной форме — что американская публика обиделась на Солженицына за то, что он «отказался от приятных клише и общих мест»; кроме того, он «инакомыслящий, который не любит нашего инакомыслия» и он «не любит нашу прессу за разглашение ею оборонных секретов», а «этого американцы не могут понять» (последние тезисы — типичная критика лево-радикальных кругов). Дальше идёт объяснение, которое тоже в той или иной форме давалось многими комментаторами: «надо помнить, что Солженицын — не эмигрант, а изгнанник...» «...в Соединённых Штатах он не находит того культа страдания, который так характерен для русских... ему не хватает тех безумно храбрых товарищей, которые были с ним в неравной битве против чудовищного государства...» И тут не преминули ответить читатели. Вот одно из постоянно повторяющихся возражений: «...Солженицын говорит нам о про-

пасти между тем, чем Америка должна была бы быть и что она есть в данный момент... Очевидно, Солженицына достаточно интересует эта страна, чтобы дарить ей не комплименты, нам совершенно не нужные, а конструктивную критику, нужную нам до зареза...»

«Сиэтл Таймс», статья редактора (негра) Биля Расселя: «...Солженицын не слишком высокого мнения о том, как ведутся дела в СССР и в США... Есть люди, разочарованные тем, что он считает бессмысленным попытаться заменить коммунизм демократией, поскольку ни та, ни другая система не несёт в себе ничего глубинно и фундаментально ценного... Он — поэт, и как таковой он умеет оглядываться в прошлое, в те времена, когда человек должен был тяжко трудиться, чтобы постепенно добиваться свободы и поэтому радовался плодам своих усилий... Он не думает, что русский народ может выдержать свободное общество; отчасти эта проблема стоит и для нас. Когда мы видим злоупотребления некоторыми свободами, возникает склонность их отобрать, но ведь если это произойдет, то закроются и пути высказывания для таких людей, как Солженицын. А стоит терпеть сотни тысяч безответственных писателей, чтобы прочесть хотя бы одну главу Солженицына...»

«Филадельфия Инквайрер»: «Это была длинная, замкнуто-связанная речь. Это была работа романиста, принимающего вызов, как делают лучшие из этой породы... Искусство и художники несут обязанность относительно всех остальных: постигать и выдвигать свои постижения без компромисса». «Его критикуют за то, что он живёт в уединении и не почувствовал пульса подлинной Америки. Но ведь в Вашингтоне живут в гораздо более опасном одиночестве...»

Патрик Бьюкенен в ряде газет: «...Вздорная критика, выплывающая на поверхность прессы, только подтверждает: то, что он сказал в основе, — правда...» Стентон Ивенс, тоже во множестве газет: «...Читая обличительные статьи против Солженицына в «Нью-Йорк Таймс» или то, что написал о гарвардской речи Артур Шлезингер, можно подумать, что он напал на саму идею личной свободы и потребовал установления деспотического строя... Но текст его речи ни в коей мере не оправдывает всех этих упрёков... Он точно определяет ту концепцию свободы, которой верны были основатели нашей страны: мы за права человека потому, что человек — дитя Божье... Речь была защитой традиционного понимания свободы против её современных извращений... Это — мощная речь». Как видно, реакция провинциальной прессы Америки широка и разнообразна. Она склоняется скорее в положительную сторону и чётко выявляет контраст между реакцией тех, «кто лепит общественное мнение», и откликом большей части остальной Америки.

8. Письма в газеты

Вот еще несколько отрывков из огромного числа писем, опубликованных прессой: «Солженицын смертельно ошибается, если думает, что ограничения нашей свободы нас укрепят...» «...Солженицын не понимает, что в нашей слабости — большая сила: в несходстве, в индивидуализме, в двойственности, в том, что мы совершаем ошибки, в наивности и в немонолитности правительства. Это всё проистекает из свободы и м. б. непостижимо для традиционного русского...» «...Слава Богу, таков путь нашего закона: сила в слабости. Солженицын хочет повидимому чего-то другого, нежели демократической республики...» «...Он защищает дисциплину Востока, которая чуть не уничтожила его самого...» «В свободе есть жизненная сила, которую не могут понять ни тираны, ни их жертвы...» «...Америка спасла его родину от гитлеровских орд...» «...Не переношу, когда гость читает нам лекцию о наших недостатках... КГБ выбросил его из его страны, а он осуждает нас за чрезмерную свободу и за трусость...» «...Скажи он всё это в Гарварде в конце 1930-х годов — тоже было бы всё правда. А потом — как едины и сильны мы оказались в войне...» «...Табу у нас — священная, неприкосновенная пресса. Кто выступит против неё, тот консервативный радикал, подлежащий психоанализу. Это случилось и с Солженицыным...» «...Как обжигающе было прочитать, что мы потеряли мужество, что мы в состоянии истощения... и возмутило высказывание про близорукого деятеля, подписавшего вьетнамскую капитуляцию... Но больше всего возмутило меня то, что по всем этим пунктам Солженицын абсолютно прав...» «...Речь — прекрасна, а реакция прессы — злобная. Статьи против Солженицына — извращение драгоценной привилегии свободы прессы. Они не только исказили саму речь, но и добавляют свои слова и понятия... Они показали нам технику, как сооружают окаменелый панцырь вокруг голов...» «Замечания Солженицына сильно взволновали многих либералов. Их возражения — прекрасный

пример либеральной склонности из-за деревьев не видеть леса...» «Надо учиться у него, а не сердиться. Руководители Запада ведут себя, как слабые люди...» «...Если восхищаться его откровенностью в одном географическом пункте (СССР), то надо уважать её и в другом (в США)...»

9. Письма Солженицыну

На следующий же день после произнесения речи начали поступать со всей Америки (в Гарвард, в издательства, в редакции газет и просто на адрес «Солженицын — Вермонт» прямые обращения к Солженицыну с откликами на его речь. Таких писем больше тысячи: 90% из них выражают согласие, благодарность и похвалу, 1% грубо ругательны, в уже знакомом нам стиле: «если вам тут не нравится, то уходите восвояси», причем интересно, что многие из них — от совсем свеже испеченных американцев, людей, которые сами эмигрировали в эту страну всего несколько лет тому назад и, в основном, из стран Восточной Европы — Чехословакии, Югославии и т. п. Остальные письма содержат возражения на «несправедливую критику Америки» или (реже) какие-либо рассуждения более общего характера.

Начнем с кратких посланий, которые посыпались в самые первые дни и были целиком положительными: «Спасибо за Гарвардскую речь. Америка нуждается в Вас и приветствует Вас». — «Гарвардская речь была мудрой и правдивой. Я надеюсь, что мы сумеем откликнуться. Я читал Архипелаг ГУЛаг и в меру своих сил смиренно страдал с Вами и с Вашим народом.» — «Пожалуйста, продолжайте говорить правду нашей стране. Она стоит того, чтобы её спасти. Мы благодарим Бога, что он дал Вам такой великий дар, чтобы Вы могли служить Ему особым образом.» — «Ваша речь должна была бы стать обязательным чтением во всех учебных заведениях Америки» (от судьи из Массачуссетса). — «Вы взываете к фундаментальным американским концепциям, которые похоронены под чрезмерным богатством и материализмом. Какую задачу Вы на себя взяли! Честь Вам и слава, сэр!» — «Только что прослушали Вашу замечательную речь. Мы молим Бога, чтобы мир прислушался к Вам. Ваши пророческие слова — источник надежды для многих. Будьте счастливы в нашей стране». — «Пишите дальше и, если можно, говорите чаще. Ваши слова могут оздоровить мир, погрязающий в упадке». — «Продолжайте говорить! Свобода требует ответственности и дисциплины. Если бы Вы вошли в нашу политическую и государственную жизнь, огромное число людей голосовало бы за Вас и за Ваши идеалы.» — «Спасибо Вам за Ваши книги и за то, что Вы сказали в Гарварде. Дай Бог Вам, и всем изгнанникам, вернуться к себе на родину. Я молюсь за Вас ежедневно.» — «Ваше предупреждение Западу и особенно моей чудесной родине Америке великолепно. Да благословит Вас Бог.» — «Вы оказали нам огромную услугу, сказав нам правду. Мы молимся за то, чтобы Вас поняли. Спасибо за Ваше мужество!» — «Слушал Вашу речь и плакал. Вы — совесть Америки. Пожалуйста, говорите чаще.» — «Извне Вам виднее, чем нам. А газетам всё равно никто не верит.» — «Спасибо за прекрасную речь. Если человек обретет вновь свой образ, как дитя и творение Божье, тогда можно будет найти единение и понимание между людьми.» — «Я был в СССР в 1930 годах и я видел все ужасы, которые там совершались. Мой отец был из тех американцев, которые участвовали в строительстве Днепростали. Но я видел в России и много, много икон Богородицы с Младенцем Иисусом и множество церквей — закрытых, конечно. У Вашей страны огромные запасы Божьего милосердия, добытые, накопленные молитвой, страданием и жертвой... Мы с Вами — одного возраста. Я вероятно увижу гибель своей страны, а Вы — возрождение Вашей.»

Посмотрим на письма «против» — прежде всего на «ругательные». От американки русского происхождения: «Если Вы не любите США, оставьте их тем из нас, кто их любит...» От военного на пенсии: «В Советском Союзе Вас расстреляли бы за такие высказывания... Все иностранцы стремятся сюда, потому что нигде нет таких возможностей...» — «Я и многие американцы готовы умереть за свою родину, и в случае нужды мы это сделаем. Если Вам здесь не нравится, уезжайте!»

А вот возражения другого рода и стиля. «Я далеко не со всем согласен, что Вы сказали; но я ценю искренность и серьёзность Вашей речи. Ваша оценка нашей ситуации во многом точна, но Вы нас недооцениваете. Мы слишком многогранны, чтобы можно было давать о нас общее суждение. Я думаю, что мы сильнее и лучше, чем Вы о нас думаете — хотя мы слабее и хуже, чем сами хотим себя видеть.» — «Вы правы почти во всём, но я думаю, что Вы недооцениваете внутреннюю духовную силу американской нации. Приезжайте к нам на Средний Запад и на Запад. Большие города на восточном побережьи в очень плохом состоянии, это

правда, но ведь это не Америка...» (от врача из штата Вашингтон). — «По газетным отчётам у меня создалось впечатление, что Вы опасаетесь за будущее Америки. Я думаю, Вы ошибаетесь. Мы вообще склонны стесняться нашего патриотизма. Я не слишком восхищаюсь некоторыми нашими лидерами, но наша сила не в наших политических деятелях. Сила Америки в любви к свободе. А также в нашей ненависти к войне. Если нам придется сражаться за свободу, мы это сделаем.» — «Грусть, которую я испытывала, слушая Вашу речь, вызвана была тем, что Вы не знаете ещё той Америки, которую мы все любим. Во всех нас глубоко живет воспоминание о наших предках, создавших нашу страну, и гордость ими... Вы говорили о том, что произошло в Нью-Йорке, когда город остался без электричества. Но в прошлом году Бостон оставался без электричества (и без отопления, без транспорта и т. д.) неделю и не только никто никого не грабил — наоборот, все объединились и помогали друг другу, делились друг с другом. В Америке миллионы церквей и тысячи школ, где глубока сила молитвы, традиции, нравственность и искренность. Там есть настоящая доброта.» — «Известно, что американский народ в момент испытания умеет подняться до больших высот мужества и решимости. Мне очень жаль, что сегодня Вы так мало у нас находите. Но течение меняется. Среди нашей молодежи — духовное пробуждение, они не довольствуются материализмом. Рядовые граждане всё лучше понимают, что мы должны быть сильными перед натиском тоталитаризма...» — «Многое плохо на Западе, но мы не сдаемся: христианство у нас сильно и распространяется всё шире, настоящее христианство, не то, которое проповедует Всемирный Совет Церквей.» — «Я участвовала в протестах против Вьетнамской войны; затем я с тяжким чувством следила за событиями в Камбодже, и наконец, я впала в глубокую депрессию; и вот теперь я пишу Вам... Тогда нам казалось, что война — это грех, зло, всякая война, и что если мы ту войну остановим, мир станет лучше. Теперь мысль о том, что и мои руки покрыты кровью жертв геноцида в Камбодже леденит меня.» — «Я сражался пять лет во Вьетнаме. Когда я вернулся домой, мой родной младший брат, студент, обвинял меня в том, что я садист и кровопийца... Когда пал Сайгон, я плакал так, как никогда в жизни. Пусть Бог простит моей стране то, что она сделала: я простить не могу.» — «Я — американец, но стараюсь жить не материализмом, а духовными интересами. Я сам ненавижу всё то в нашей цивилизации, что Вы осуждаете, но мне удается жить иначе. Вы должны узнать нас

шире и глубже. Я работаю в общине, созданной для помощи душевно больным. Играю на виолончели, читаю, пишу и стараюсь помочь людям найти в жизни хорошее. Приезжайте к нам! Много лет уже я восхищаюсь Вашими произведениями.» — «Америка так же разнообразна и многогранна, как Ваша страна, и её так же трудно подвести под какую-либо единую категорию. Нельзя судить о ней по прессе. Приезжайте к нам. Вы убедитесь в том, что у Америки есть душа — как есть она у России. Спасибо Вам за то, что Вам не всё равно, что происходит в мире, и за мужество».

* * *

Гарварская речь затронула, всколыхнула всё американское общество, от либеральной интеллигенции до простого народа, который держится за религиозные основы общественной жизни. Прошел год, но речь все еще обсуждается в газетах, журналах, письмах, в пастырских проповедях, изучается в кружках молодежи.

Обзор составлен Ириной Иловайской

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

...Все время растущий интерес к «Вестнику» в России обусловлен прежде всего горячей жаждой познания и одушевленным вниманием, с которым относится молодое поколение к темам русского религиозного и культурного возрождения начала века и его творцам, возрождения, трагически прерванного в 1917 году. 60 с лишним лет непрерывного духовного и физического истребления, систематическое угашение духа смогли задержать, но не остановить неизбежный процесс религиозного, национального и культурного преображения России, ставший заметным фактором нашего времени. Вобравший все лучшее, что находим в предреволюционных журналах «Новый путь», сборниках «Вопросы религии», книгах издательства «Путь», а также в выходивших в эмиграции журналах «Путь» и «Новый град», «Вестник» является их законным наследником и продолжателем в современных условиях.

Приобщая все новые души к духовному наследию вечной России, восстанавливая фрагменты утраченной исторической памяти, Вы выполняете провиденциальную миссию — создаете условия для оригинального религиозного творчества и подготавливаете облик грядущей России, обновленный Светом Христовой Истины.

В последнее время читаю № 126, чрезвычайно удачно составленный. В богословском отделе привлекает внимание глава из курса Н. Афанасьева «Вступление в церковь». Все материалы по истории первохристианства вызывают обостренный интерес: при всех различиях есть и разительное сходство переживаемого нами времени с первыми веками по Р.Х. Как тогда, так и теперь за имя Христа люди принимают поношение, гонения, мучения и смерть. И само существование христианства и Церкви, как и тогда, сейчас снова под вопросом, хотя и непреложным остается обетование Спасителя о Церкви — «Врата адовы не одолеют ю». И потому духовный опыт первохристиан становится духовным опытом наших дней.

Иеромонах Хризостом высказывает ряд существенных доводов в защиту православия, не учтенных апологетом старообрядчества Н.Н. (№ 125).

Отметим, что замечательный русский мыслитель предреволюционной эпохи М. О. Меньшиков, расстрелянный большевиками в 1918 г., сближал старообрядчество с особого рода маниакальной страстью м и з о н е и з м о м, который характеризуется безотчетным страхом и боязнью перед новизной. «Мизонеизм, — писал Меньшиков, — принимал у нас в истории иногда уродливые формы, например, в религиозном расколе. В то время как на Западе диссиденты боролись против устаревших форм, сковывающих дух веры, наши протестанты протестовали против всяких попыток освежить устаревшие формы. Наперекор разуму и достоинству веры у нас отстаивали орфографические ошибки, придавали трагическое значение двуперстию, бороде и т. д. Тут мы встречаемся с мизонеизмом, дозревшим до маниакальной страсти». (М. О. Меньшиков. «Письма к ближним», Петроград, 1916). Оборотной стороной мизонеизма, страха перед новизной является идолопоклонство перед новизной, отчасти исказившее дух петровских преобразований. Староверчество, характеризуемое как своего рода «китайский застой, самомнение народа, замкнувшегося в своей племенной исключительности и гордящегося перед всеми национальной обособливостью своею» и ксеномания (чужебесие) — две болезни, порожденные одной почвой, не укрылись и от взора внимательного наблюдателя русской жизни XVII века Крижанича. Вопрос: смогла ли бы Россия старообрядческая противостоять ленинской революции — неправильно поставлен. Но на неправильно поставленный вопрос нельзя дать ответ, ибо если бы не было Петра, то Россия, раздираемая хаосом анархии и религиозной смутой, явилась бы добычей усилившихся соседей и ее постигла бы судьба Индии или Китая. Хуже ли подобный исход большевистского погрома — об этом можно только гадать. Ясно одно: если бы Петр не воссоединил вновь (вторично после Св. Владимира) Россию с Европой, не вернул бы Россию в семью европейских народов (проникновенные страницы на эту тему находим в книгах В. В. Вейдле «Задача России» и «Безымянная страна») — не было бы чуда великой русской культуры XIX в., христианской по существу, не было бы Пушкина и Достоевского, одно явление которого оправдает русский народ на Страшном Суде народов (Н. Бердяев).

О том, что старообрядцы не так безобидны и не являются только религиозными мечтателями, лишний раз напоминает иранская рознь, вызванная необузданным фанатизмом шиитов (чем-то схожих с нашими старообрядцами). Ужас вызывают святые пра-

ведники, не уходящие от мира страстей, а рвущиеся к власти. Достигнув желаемого, получив власть, они еще могут расчистить путь красному молоху.

О. Д. Дудко в беседах о пагубном вреде пьянства и курения кажется потухшим, усталым..., а сами беседы страдают некоторой прямолинейностью, упрощенным морализированием, вызывая в памяти соответствующие филиппики Л. Н. Толстого, не принесшие особой славы великому писателю. Но нельзя не верить в благодатную силу молитвы о. Дмитрия за всех сбившихся с пути, в том числе и за пьяниц. Рассказ же о. Дмитрия о пьянице Валерке (стр. 16-17) неожиданно напоминает по стилю... Зощенко. Будем же надеяться, что это только случайный спад, и о. Дмитрий снова окажется на высоте духовного созерцания и обретет вдохновение, присущее его лучшим проповедям.

В исторической главе из подготовленного к печати романа А. И. Солженицын с присущей ему глубиной и основательностью разворачивает перед читателями панораму русской жизни, отмечая характерные особенности последних двух лет исторического бытия императорской России. Самоотверженной борьбе армии с превосходящими силами противника явно не соответствовали усилия, предпринимаемые в тылу, по оздоровлению экономики и снабжению фронта и городского населения продовольствием, хотя наличные запасы хлеба и фуража во много раз превосходили запасы союзников и противников России.

Солженицын отмечает и другой решающий фактор: в то время как во всех главных воюющих странах правительства и военные руководители были наделены диктаторскими полномочиями, необходимыми для успешного ведения войны, — в России Государственная Дума становится центром преступной агитации и командным пунктом революции.

Солженицын приводит стенографическую запись заседаний руководящих деятелей прогрессивного блока, решивших судьбу России. Герои февраля и марта предстают в неприглядном обличии закоренелых интриганов, ломящихся к власти (и проломившихся к ней), но реально не представляющих связанной с этой властью ответственности. Какое доверие мог оказать Государь законченным изменникам (Милюков, Гучков, Некрасов) и глупцу (Родзянко), какие слова могли бы затронуть эти принципиально преступные души? В том и величие В. В. Розанова, что он понимал (в числе немногих) тупость и бессодержательность русского предреволюционного общества, весь кошмар безумия, охвативший «лучших людей», неспособных умом постигнуть и сердцем почувствовать, что действуя против Государя, в России ничего нельзя достигнуть, но все можно погубить. Духовная и художественная интуиция, никогда не оставлявшая Розанова, приоткрыла перед ним на мгновенье завесу, скрывающую темное будущее, и он отшатнулся, увидав в торжестве социализма только смерть, уничтожение культуры, оледенение душ и сердец. Отрывки из «Опавших листьев» несомненно принадлежат к лучшим страницам Розанова.

Основательный разбор книги проф. Р. Пайпса и критику его концепции происхождения тоталитаризма в России, концепции явно поверхностной и непродуманной во многих аспектах, представила И. Иловайская. Нравится особенно тон ее статьи — спокойный, уверенный, но лишенный полемической запальчивости и сведения личных счетов, чем грешат, к сожалению, некоторые авторы в предыдущем номере «Вестника».

Взглядам П. Струве на русскую революцию посвящена глава из книги Р. Пайпса. И она побуждает еще раз продумать вопрос об истоках русского коммунизма, коренится ли он в скифской бездне и можно ли возлагать ответственность за страшную идеологию уничтожения на всю нацию, или эта идеология была занесена извне, и только узкий интеллигентский слой привел великий народ в состояние подобного безумия? Или прав проф. Ф. А. Степун, видевший трагедию России в том, что именно она явилась местом «непонятной» встречи будто бы чуждых друг другу, а на самом деле весьма родственных начал: коммунистической фразы и мужицкого бунтарства?

Нам важно чаще слышать мнение и голос редактора в спорах о путях и судьбах России. К заметкам по поводу Гарвардской речи А. И. Солженицына, вполне справедливым и устанавливающим особую пророческую традицию, присущую русской литературе, традицию, которую продолжает А. И. Солженицын, можно только добавить, что и старая русская эмиграция в лице своих лучших представителей следовала этой традиции, неустанно предупреждая Запад, все время скользящий по краю бездны. Но древняя поговорка говорит: мир хочет быть обманутым. И десятилетиями Запад предавался преступному самообману, доверяя лжи и распространяя ложь о проводимом в России социальном эксперименте, оказывая преступному режиму материальную и моральную помощь. В наши дни начинает рассеиваться мираж социального рая, ибо Запад нашел в себе силы прислушаться к предостерегающему

голосу А. И. Солженицына. Не случайно и то, что А. И. Солженицын говорит о вине Запада перед Россией. Об этой вине Запада задолго до Солженицына писал Д. С. Мережковский: «Русские знают: если бы чья-то протянутая из Европы, невидимая рука не спасала советскую власть, каждый раз, на краю гибели, то Россия уже была бы свободна». (Д. С. Мережковский. «Атлантида-Европа», Белград, 1930, стр. 8). Но его не слышали, не хотели слышать. Видя всю неискренность и преступную слепоту Запада, Мережковский все же утверждал, что даже плохой рай демократии лучше межпланетного холода коммунизма.

И может быть, эти слова русского мыслителя-художника разрешают сомнения Солженицына в жизнеспособности западной демократии, столь характерно отразившиеся в Гарвардской речи?

Живые черты облика о. Н. Афанасьева и проф. А. В. Карташева запечатлены в весьма ценной статье о. К. Фотиева «Национальное и вечное».

Отметим еще замечательные воспоминания Н. Ю. Фиолетовой — скромные, почти скупые и вместе с тем такие выразительные. Их тема — непрекращающиеся гонения на христиан в СССР в 20-40 гг. Как много почерпнет в них будущий историк России для понимания трагической судьбы русской Церкви в XX веке.

Беглый обзор не позволяет отразить все богатое содержание «Вестника РХД» № 126. Заметим, что особого рассмотрения заслуживает статья Безансона «Россия и Советский Союз».

В заключение выскажем некоторые пожелания: хотелось бы, чтобы редакция помещала больше материалов о духовной жизни современного Запада, о новых явлениях в католической церкви. Нужны обстоятельные статьи о Фатиме, об явлениях Божьей Матери в Зейтуне, о чудесных исцелениях в Лурде, о праведниках XX столетия, например, о Терезе Баварской.

Мы также хотели бы знать, в чем заключается дело мятежного архиепископа Лефевра и правда ли, что католическая церковь деканонизировала ряд святых, в том числе Св. Николая, Св. Варвару, Св. Георгия? Ведь до нас доходят только слухи и мы лишены сколь-нибудь достоверной информации.

В разделе поэзии следовало бы представить читателям лучших поэтов эмиграции: Н. Оцупа, Б. Поплавского, А. Штейгера, Ю. Терапиано, И. Чиннова, Ю. Иваска, В. Перелешина и Н. Моршена. О них еще недостаточно знают в России, но интерес к их творчеству очень велик.

А. Н.

YMCA-PRESS приступает к изданию научной серии

Исследования Новейшей Русской Истории

Серия будет составлена из томов с оригинальными монографиями и сборниками документов. В центре внимания — история, новейшая, с 1917 года, но будут и работы, освещающие XIX век и более глубокую предысторию. Серия ставит себе задачу восстановить многие утерянные или намеренно скрытые или искажённые факты, явления, движения нашей недавней истории, без которых невозможно полное осознание нашего настоящего и предположения на будущее.

Издание повторяется на главных иностранных языках.

Серия выходит под общей редакцией

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Том I - **Народное сопротивление России коммунизму в его первые месяцы. 1917-1918.** — Документы и материалы.

Том II - **Демографическая и биосоциальная революция в СССР. 1917-1922.** — М. С. Бернштам.

Том III - **История либерализма в России. (1762-1914)** — В. В. Леонтович.

Том IV - **Россия и социализм в XX веке.** — Сборник статей разных авторов (И. Г. Дядькин, А. Епифанов, И. А. Курганов, С. Н. Лотков, С. Г. Пушкарёв, Дмитро Соловей, Ю. С. Сречинский и др.)

● ● ●

Редакция приглашает авторов из СССР принять участие в последующих томах этой серии. Манускрипты и материалы можно присылать по адресу Всероссийской Мемуарной Библиотеки:

В.М.Б. «для ИНРИ».

Post Office Box 1446. Boston, Mass. 02101
USA

Edition YMCA-PRESS «для ИНРИ»

11, rue de la Montagne S-te Geneviève. 75005 - Paris
FRANCE

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ
SOMMAIRE

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От Редакции: К преодолению кризиса (Письмо членам Движения) — прот. А. Шмеман (США) 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Из духовных бесед — Преп. Макарий Египетский 5
Софиология смерти (окончание) — о. Сергий Булгаков 13
Размышления о Ниле Сорском — А. В. Первушин (Канада) 33
Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви — Николай Герасимов (Москва) 41

■ **Православие на Западе**

Радость — прот. А. Шмеман (США) 97
О создании духовного и культурного центра в Монжероне — Н. Струве (Париж) 100
Памяти архимандрита Иустина Поповича — Иоанн Бесс (Франция) 104

■ **Христианство на Западе**

Новые семена созерцания — Томас Мертон 108
Письмо москвичам (В защиту христианского гуманизма) — Ю. Иваск (США) 127

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи — Ю. Кублановский (Москва) 140
Стихи — Ю. Вознесенская (Ленинград) 145
Глава из узла 2. "Октябрь шестнадцатого" — А. Солженицын 147
Из неизданных писем Марины Цветаевой 166
Память и "Память" — М. Геллер (Париж) 192
"История либерализма в России" В. Леонтовича — И. Иловайская (Рим) 205

СУДЬБЫ РОССИИ

■ **Пути духовного возрождения**

Защита канонов православия. 1922-1925 — К. Криптон (США) 218
Единственная встреча — Н. Шеметов (Москва) 244

■ **Вопросы общественности**

Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг. — М. Бернштам (США) 252
О Гарвардской речи А. Солженицына — В. Тростников (Москва) .. 358
Отклики на Гарвардскую речь А. Солженицына в США 362

■ **"Вестник" читают в России**

Письмо из Москвы — А. Н. (Москва) 384

SOMMAIRE

Pages

A nos lecteurs : Pour surmonter la crise (lettre aux membres de l'A.C.E.R.) — P. Alexandre Schmemann (U.S.A.) 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Homélie spirituelle — Saint Macaire d'Egypte 5
La sophiologie de la mort (fin) — P. Serge Boulgakov 13
Quelques réflexions sur Nil de la Sora — A. V. Pervouchine (Canada) 33
Entrer dans l'Eglise et confesser l'Eglise dans l'église — N. Guerassimov (Moscou) 41

● **Orthodoxie en Occident**

Joie — P. Alexandre Schmemann (U.S.A.) 97
Création d'un centre spirituel et culturel à Montgeron — N. Struve (Paris) 100
In memoriam archimandrite Justin Popovitch — Jean Besse (France) 104

● **Christianisme en Occident**

Nouvelles semences de contemplation — Thomas Merton 108
Lettre aux Moscovites (Pour la défense d'un humanisme chrétien) — Iu Ivask (U.S.A.) 127

LITTERATURE ET VIE

Vers — Iu. Koublanovski (Moscou) 140
Vers — Iu. Vosnessensky (Leningrad) 145
Un chapitre d'Octobre 16 — A. Seljénitsyne 147
Lettres inédites de Marina Tsvetaieva 166
Mémoire et « Mémoire » — M. Heller (Paris) 192
« Histoire du libéralisme en Russie » de V. Leontovitch — I. Ilovaisky (Rome) 205

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

● **Vers une renaissance spirituelle**

Défense des canons orthodoxes. 1922-1925 — K. Kripton (U.S.A.) .. 218
Une rencontre unique — N. Chemetov (Moscou) 244

● **Problèmes sociaux**

Les parties dans la guerre civile de 1917-1922 — M. Bernstam (U.S.A.) 252
Le discours de Harvard d'Alexandre Soljénitsyne — V. Trostnikov (Moscou) 358
Réaction au discours de Harvard d'A. Soljénitsyne aux U.S.A. 362

● **Le « Messager » lu en Russie**

Lettre de Moscou — A. N. (Moscou) 384

Издательство

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

Свидетельства :

Л. ЧУКОВСКАЯ. Процесс исключения

Картина литературной жизни послехрущевского периода. Описывая свое исключение из Союза писателей, а затем из всех издательств и как бы из самого общества, писательница расширяет рамки повествования, рассказывая о судьбах других исключенных и о самом процессе, приобретающем ныне обратный характер, когда уже не Союз расправляется со своими членами, но сами писатели исключают его из собственной жизни.

230 стр., **45** фр.

М. ПОПОВСКИЙ. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого Архиепископа и хирурга

Книга об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) — миссионере и хирурге, стойком исповеднике веры и верности Русской Православной Церкви в годы самых жестоких гонений на нее при советской власти. Жизнь Владыки Луки показывается на фоне бурных событий русской истории двадцатого века и широкой картины жизни России и Православной Церкви под режимом большевиков.

525 стр., **87** фр.

Заказы просим направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS,

Ymca-Press

75005 Paris, France - Tél. : 033-74-46

ПРОЗА

В. КОРМЕР. Крот истории

Повесть о советском эксперте по внешней политике, отдыхающем в санатории, где раньше жил Сталин. Мечта о карьере, бесконечные интриги, попытки найти нового вождя народа, преследующие воображение героя, постепенно приводят его к безумию.
Единодушным решением жюри повести присуждена первая премия на конкурсе Даля за 1978 год.

230 стр., **45** фр.

В. ВОЙНОВИЧ. Претендент на престол. (Новые приключения солдата Чонкина).

Продолжение смешных и горестных приключений Чонкина, волею всевидящих органов, ставшего в ходе следствия руководителем страшного заговора против советской власти. Все действие происходит на фоне неразберихи и паники первых месяцев войны.

350 стр., **54** фр.

ПОЭЗИЯ

Д. БОБЫШЕВ. Зияния. Стихи

Сборник стихов известного ленинградского поэта, принадлежащего к «ахматовской группе».

240 стр., **36** фр.

ПЕРЕИЗДАНИЯ РЕДКИХ КНИГ

В. РОЗАНОВ. Религия и культура

Переиздание редкого сборника статей В. В. Розанова, посвященного взаимосвязанности религии и культуры и влиянию христианства на культурные процессы. (с изд. 1899 г.)

272 стр., **48** фр.

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris — France.

МАГАЗИН

Les Editeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 033 74 46 et 033 43 81

переиздания

В ПРОДАЖЕ:

Ф. фр.

Домострой по Коншинскому и подобным спискам.
На церковно-славянском языке. Подготовил к изданию А. Орлов. С изд. Москва, 1908. Репринт 1967, стр. 170 + 139 (2 части). В переплете.

ОРЛОВ А. **Домострой.** Исследование. С изд. Москва, 1917. Стр. 212. Репринт 1967. В переплете.

Обе книги **165**

Русская былина старой и новой записи.
Под редакцией акад. Н. Тихонравова и проф. В. Миллера. С изд. Москва, 1894. Стр. 304. Репринт 1970. В переплете **224**

История русской литературы XIX в. В **5-ти** томах.
Под ред. Д. Овсянико-Куликовского, С изд. Москва, 1910. Репринт 1969. В переплете **760**

Памятники отреченной русской литературы. В 2-х томах.
Собраны и изданы Николаем Тихонравовым. С изд. СПБ, 1863. стр. 313 + 457. Репринт 1970. В переплете **400**

ПЛАТОНОВ С. Ф. **Лекции по русской истории.**
С изд. Петроград, 1917. Стр. 743. Репринт 1967. В переплете с золотым тиснением **242**

РУССКОЙ КНИГИ

Магазин открыт все дни с 9,30 до 18,30
кроме понедельника и воскресения

редких книг:

Ф. фр.

Россия в конце XIX века.
Под общей редакцией В. И. Ковалевского. С изд. СПБ, 1900. Стр. 968. Репринт 1968. В переплете **422**

ФЛОРОВСКИЙ Г. В. **Восточные отцы IV века.**
С изд. Париж, 1931. Стр. 240. Репринт 1978. В переплете **168**

ФЛОРОВСКИЙ Г. В. **Византийские отцы V-VIII веков.**
С изд. Париж, 1933. Стр. 260. Репринт 1978. В переплете **168**

ПОСЕЛЯНИН Е. **Русские подвижники XVIII века.**
С изд. СПБ, 1905. Стр. 355. Репринт 1978. В переплете .. **198**

Монашеская жизнь по изречениям о ней Святых отцов подвижников. С изд. Киев, 1909, стр. 225. Репринт 1978. В переплете с золотым тиснением **165**

ФЛОРЕНСКИЙ Павел. **Столп и утверждение истины.**
Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. С изд. Москва, 1914. Стр. 812. Репринт 1978. В переплете с золотым тиснением **285**

ГОЛУБИНСКИЙ Е. **История русской церкви.** В **4-х** томах. С изд. Москва, 1901. Репринт 1979 г. Переплет с золотым тиснением **925**

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ОБЩЕСТВО

• поддерживает людей, борющихся в тоталитарных странах за осуществление принципов Всеобщей декларации прав человека,

• оказывает материальную и правовую помощь людям, лишенным свободы за их религиозные, общественные или политические убеждения,

• посредством различных публикаций информирует общественность Федеративной Республики Германии, Австрии и Швейцарии о борьбе за гражданские права в тоталитарных странах. Периодически публикует материалы САМИЗДАТА.

Председатель Общества защиты прав человека

Проф. Хельмут Ницше

Заместитель председателя

И. Агрузов

Наш адрес: Gesellschaft für Menschenrechte e. V.
Kaiser Str. 40
Postfach 2965
6000 Frankfurt/M 1
Telefon: (0611) 23 69 71
Bundesrepublik Deutschland

КОНТИНЕНТ

№ 20

Литературный, общественно-политический и религиозный журнал

Главный редактор : Владимир МАКСИМОВ

Кубинские поэты - политзаключенные. В переводах Василия Бетаки
Феликс Кандель. Зона отдыха, или 15 суток на размышление
Алексей Цветков. Новые стихи
Вячеслав Сорокин. Маленькие истории из цикла "Любимый человек"
Стихи: Александр Верник, Константин Кузьминский, Даниил Надеждин

РОССИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
Игорь Ефимов-Московит. Политические выгоды нищеты

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ
Эдуард Оганесян. Философия национализма

ЗАПАД — ВОСТОК. **Родольфо Квадрелли.** Двойная утопия

ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА
О положении заключенных в лагерях СССР

РЕЛИГИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ
Доминик Моравский. Под знаком перелома

ФИЛОСОФИЯ. **Александр Зиновьев.** Заметки об идеологии

ИСТОРИЯ
Борис Парамонов. Парадоксы и комплексы Александра Янова

ИСТОКИ. **Измаил Ахмедов.** Война

ИСКУССТВО. **Дора Ромадинова.** За порогом серебряного юбилея. **Алексис Раннит.** Генрих Элинсон — художник сверхреальностей

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ: **Памяти ушедших. Арман Малумян.** И даже наши слезы... **Герман Файн.** Памяти Толи Якобсона

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: **А. Гимейн.** Нулевой час • **Н. Горбаневская.** Поговорим о зверюшках, милые детки... • **Л. Алексеева.** Путеводитель по аду психиатрических тюрем • **Сергей Юрьенен.** Охота жить • **В. Карлинский.** Наука вступает в партию • **В. Рыбаков.** Костер для "новых философов" • **Василий Бетаки.** "Проба подняться из гроба" • **В. Иверни.** В конце века, в начале века...

КОРОТКО О КНИГАХ • ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

НАША АНКЕТА: Мстислав Ростропович о Галине Вишневской

Цена отдельного номера: 32 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITEURS REUNIS
11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 824-96-47, 766-21-83, 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: C.C.P. 5883-44 K Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

67-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: АНДРЕЙ СЕДЫХ

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: **Воскресное и ежедневное издание:**
один год — 40 амер. долларов
6 месяцев — 22 амер. доллара
Воскресное издание только:
один год — 18 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:
NOVOE RUSSKOYE SLOVO
243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.
или по адресу парижского представ. газеты, с уплатой во франках:
Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

54-ый год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии:
M. Solovey, « Our word ». P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011 Sydney, Australie.

В Америке:
Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:
Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:
« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7, Canada.

В Англии:
Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd, Keston, Kent.

В Израиле:
Michel Agoursky, ROB 7344, Jérusalem.

В Швеции:
Bishop S. Timtchenko. Box 19027, Stockholm, 19, Suède.

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.

Imprimerie EUROPRINT, 94600 Choisy-le-Roi